

Стихотворения и поэмы. Николай Платонович Огарев ogarevn.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ogarevn.ru/> Приятного чтения!

Стихотворения и поэмы. Николай Платонович Огарев

Трагедию 1825 года – разгром декабристского движения и казнь пятерых его вождей – Огарёв, как и Лермонтов, пережил, будучи подростком. Аристократия отвернулась от "политики" и малодушно заглушала звуками бальной музыки всякое напоминание о том, что сделал император Николай с её лучшими сынами. Огарёв, как и Лермонтов, с ранней юности исполнился презрения к своему классу.

Эти два имени поставлены здесь рядом не случайно: Лермонтов и Огарёв были родственны в страстной трагичности своих размышлений о судьбах России, лермонтовское творческое начало лежит в основе и поэзии Огарёва.

Наряду с Лермонтовым сильное воздействие на Огарёва оказал поэт-декабрист Рылеев, вся жизнь которого была для него примером.

Рылеев был мне первым светом...
Отец! по духу мне родной –
Твое названье в мире этом
Мне стало доблестным заветом
И путеводною звездой.

Однако Огарёв не был подражателем ни Лермонтова, ни Рылеева, так как он сам был слишком своеобразной и значительной личностью и сумел найти свою дорогу.

Наиболее пронизательно охарактеризовал Огарёва один из его современников поэт Аполлон Григорьев: "Огарёв – поэт действительно по преимуществу, в самом прямом смысле слова, с тою искренностью чувства, с тою глубиной мотивов, которые сообщаются всякому читающему его, поэт сердечной тоски, не той тоски а la Гейне, которая у некоторых звучит чем-то неприятно-фальшивым и приторно-принужденным, – не той тоски а la Лермонтов, которая так страшна у Лермонтова и так жалка у его подражателей... нет! не такой тоски поэт Огарёв: его тоска – тоска сердца, бесконечно нежного, бесконечно способного любить и верить – и разбитого противоречиями действительности". Называя стихи Огарёва "искренними песнями эпохи", Аполлон Григорьев подчеркивает их "неотразимое обаяние", хотя и замечает, что написаны они "часто даже с замечательным пренебрежением к форме".

Стихи Огарёва замечены были сразу, после первых же публикаций. О нем писали Белинский, Боткин, Дружинин и другие критики.

Как и всякое значительное явление в литературе, поэзия Огарёва не поддается однозначным определениям – "чистый" ли он лирик или "поэт-гражданин". Своеобразие поэзии Огарёва в том, что в ней слились "чистая", личная лирика и лирика сомнения, протеста, отрицания. Если не говорить о прямолинейно-публицистических стихах Огарёва, которые по своей сути примыкают к его социально-экономическим статьям и прокламациям (поэтически эти стихи не всегда удачны, хотя они и сыграли свою роль в революционной пропаганде), то почти невозможно разграничить его интимную и гражданскую поэзию. Одно и то же стихотворение, одна и та же поэма у Огарёва почти, как правило, содержат обе эти стороны. Это сделало гражданственность поэзии Огарёва удивительно поэтичной: вот здесь Огарёв дал русской поэзии урок подлинно поэтической гражданственности, и урок этот действен и для нашего времени.

Что же касается тонко подмеченного Григорьевым Огарёвского "замечательного пренебрежения к форме" – то это та обманчивая простота, в которой есть какое-то таинственное, скрытое, гипнотически притягивающее мастерство. Можно отметить, что позднее секретом подобной простоты формы владел Надсон – при всем несходстве этих поэтов, – для которого Огарёв был образцом во многих отношениях. Огарёв занял свое прочное и определенное место в русской поэзии 1840 – 1850-х годов, его творчество находило отклик в душе нескольких поколений русской интеллигенции и до сих пор не утратило своего обаяния, своей значимости.

* * *

Об Огарёве долгое время ходила легенда как о "тусклом спутнике блестящего Герцена". Сейчас же стало очевидным, насколько значительна личность Огарёва не только как революционера-патриота, но и как поэта. Общим местом было и представление о Герцене и Огарёве как о друзьях, не знавших разногласий. Путь у

Стихотворения и поэмы. Николай Платонович Огарев ogarevn.ru
них, конечно, был один – к социальной революции в России, но методы борьбы не всегда были одинаковы.

Они были непохожи: Герцен – подвижный, горячий, находчивый в беседе, Огарёв – меланхоличный, застенчивый и немногословный. Но удивительно, что уже в отрочестве они почувствовали такую душевную общность, которая соединила их на всю жизнь. Клятве, которую дали они друг другу на Воробьёвых горах, они остались верны навсегда.

В юности они читали одни и те же книги и уже тогда знали, чего хотят: продолжать дело декабристов. Конечно, у них тогда не было определенной программы действий – были только страстное желание бороться с самодержавием и готовность погибнуть.

"Я не могу забыть первые впечатления, – писал Огарёв, – которые сильно затронули меня... Это чтение Шиллера и Руссо и 14-е декабря. Под этими тремя влияниями, очень родственными между собою, совершился наш переход из детства в отрочество". Огарёв читает "Общественный договор" Руссо. Пафосом борьбы и справедливости волновали его герои трагедий Шиллера – Карл Моор, маркиз Поза, Фиеско. В 12 – 14 лет Огарёв прочитал множество запрещённых сочинений русских писателей, в том числе Пушкина и Вяземского, поэму Рылеева "Войнаровский", которую переписала для него его воспитательница Анна Егоровна Горсеттер, находившаяся под влиянием декабристских идей. "Ей я обязан если не пониманием, то первым чувством человеческого и гражданского благородства", – вспоминал поэт.

Огарёв готовился к будущей революционной деятельности очень серьезно, – он изучал философию, экономику, историю, делал химические опыты, занимался медициной, математикой, механикой, физикой. С 1830 года он посещает лекции физико-математического и словесного отделений Московского университета. В 1832 году он был зачислен на нравственно-политическое отделение (так назывался тогда юридический факультет). В эти годы в Московском университете учились Герцен, Белинский, Лермонтов, Станкевич, Гончаров, Тургенев, Сатин, Грановский. Свободомыслие было в традициях университета, и за это Николай I не любил его. В 1826 году им был сдан в солдаты за поэму "Сашка" студент Александр Полежаев. В 1827 году подверглись аресту члены тайного студенческого общества братьев Критских. В 1831 году разгромлен был подобный же кружок, руководимый студентом Сунгуровым. Огарёв организовал сбор средств в помощь сунгуровцам и сам отвез собранные деньги арестованным. В марте 1833 года Огарёв приехал на этапный пункт проститься с Сунгуровым и его друзьями, отправляемыми в ссылку. После этого за Огарёвым был установлен секретный полицейский надзор. Тем временем вокруг Герцена и Огарёва собиралось новое общество свободомыслящих. "Мы мечтали о том, как начать в России новый союз по образцу декабристов, и самую науку считали средством", – вспоминал Герцен.

К этому периоду относятся первые сохранившиеся стихи Огарёва. В них отразились высокие идеалы, презрение к бездумно живущим, тоска по истине. Все это было созвучно последекабрьскому времени. "Поэзия возвысила меня до великих истин. Она – моя философия и политика", – писал Огарёв летом 1833 года. Полицейский режим рано разглядел в Огарёве своего врага, понял смысл его "отрицаний", – он попал в разряд лиц, "обращающих на себя внимание образом мыслей своих". В 1834 году он был арестован за "пение дерзких песен" и за переписку с Герценом, "наполненную свободомыслием"; его продержали в тюрьме восемь месяцев. В 1835 году они оба были отправлены в ссылку. В Пензе, где Огарёв должен был находиться под надзором своего собственного отца, старого отставного служака, обстановка сложилась невыносимая. Огарёв пишет об отце Герцену: "Я сказал ему: я поэт, а он назвал меня безумным, он назвал бреднями то, чем дышу я".

Захолустная жизнь давит молодого поэта, но он пишет стихи, мечтает о том, как после ссылки будет издавать в Москве общедоступный журнал ("В читателе русском нужно пробудить то, что может возвысить его"), работает над большим философским трактатом, начинает то роман, то драму, задумывает теоретические музыкальные статьи, биографию Рубенса.

В 1836 году Огарёв женился на Марии Львовне Рославлевой, дочери бедного дворянина и племяннице пензенского губернатора Панчулидзева. Огарёв мечтал о верной спутнице жизни, разделяющей его идеи, каковой поначалу и показалась ему Мария Львовна, но его постигло разочарование: она вышла замуж только затем, чтобы вырваться из-под ненавистной ей опеки дяди-губернатора. Вскоре – после смерти отца – Огарёв оказался наследником нескольких десятков тысяч десятин

Стихотворения и поэмы. Николай Платонович Огарев ogarevn.ru земли и леса, богатейших поместий с четырьмя тысячами душ крепостных. Он немедленно принял разработать план освобождения своих крепостных и организации крестьянских общин и отчасти его осуществил, отпустив на волю 1800 крестьян рязанского села Белоомут, "неужели же я должен отказаться от моих планов, – писал он жене в ответ на её упреки, – благородных, гуманных, честных, для того, чтоб развлекаться всю жизнь?"

Жизнь в ссылке, нелады с женой обострили давнюю болезнь Огарёва (он с детства страдал эпилепсией). Летом 1838 года ему удалось получить у губернатора разрешение на поездку для лечения на кавказские минеральные воды. Панчулидзева разрешил, предварительно "заняв" у Огарёва крупную сумму денег. В Пятигорске Огарёв нашел больного Сатина, университетского своего товарища, который познакомил его с переведенными на Кавказ из Сибири декабристами А. И. Одоевским, Н. И. Лорером, В. Н. Лихаревым и М. А. Назимовым. "Встреча с Одоевским и декабристами возбудила все мои симпатии до состояния какой-то восторженности, – писал Огарёв. – Я стоял лицом к лицу с нашими мучениками, я – идущий по их дороге, я – обрекающий себя на ту же участь".

В 1839 году Огарёв добился перевода в Москву. Там он застал Герцена, незадолго перед тем также вернувшегося из ссылки. В доме Огарёва у Никитских ворот стали собираться писатели, критики, ученые, деятели искусства. Встречи проходили в жарких спорах. Осенью этого года Огарёв познакомился с Белинским, который тогда находился под влиянием идеи Гегеля – "всё действительное разумно" (включая в это "действительное" и существующие общественно-политические порядки) – и проповедовал "примирение с действительностью". В значительной мере благодаря Огарёву и Герцену Белинский преодолел свои заблуждения.

В бурной и живой московской обстановке Огарёв много и напряженно пишет. Среди них такое новаторское, как "Деревенский сторож", написанное в пред-некрасовском стиле. Создает поэмы "Дон" и "Царица моря". Наиболее значительны из написанного в это время – две части поэмы "Юмор", сразу же разошедшейся в списках и получившей огромную популярность. В ней Огарёв повествует о своем поколении, о жизни тогдашнего русского общества, выражает революционные взгляды. Поэма полна личных переживаний, мягкой иронии, даже тоски. В ней нет выдуманного героя – поэт пишет о себе. Нет в ней и сюжета – она вся состоит как бы из лирических отступлений, напоминая отчасти пушкинского "Евгения Онегина". О напечатании поэмы в России не могло быть и речи – лишь через полтора десятилетия она будет издана в Лондоне.

В майском номере "Отечественных записок" за 1840 год были напечатаны стихотворения Огарёва "Старый дом" и "Кремль", – это было его первое выступление в печати. В августе "Литературная газета" Краевского опубликовала его переводы из Гейне. В октябре Огарёв снова выступил в "Отечественных записках" – с упомянутым уже стихотворением "Деревенский сторож" – и стал постоянным автором журнала, в котором в эти же годы печатался и Лермонтов.

В 1841 году Огарёв добивается разрешения и выезжает для лечения за границу. Он побывал в Германии, Швейцарии и Италии, где осматривает города, музеи, посещает театры. Он ведет переписку с друзьями, особенно с Герценом. Письма его полны размышлений, планов, рассказов о виденном – в них так и кипит его деятельная душа. Стихи Огарёва этого времени – все о России; он с особенной остротой понял, что "слишком слит с родным воздухом".

Пока Огарёв путешествовал, в русской периодике было напечатано более сорока его стихотворений. Ко времени своего возвращения в Россию он уже успел занять определенное место в русской поэзии. "Вероятно, читатели "Отечественных записок" обратили внимание на стихотворения г. Огарёва, отличающиеся внутреннею меланхолическою музыкальностью, – писал Белинский, – все эти пьесы почерпнуты из столь глубокого, хотя и тихого чувства, что часто, не обнаруживая в себе прямой и определенной мысли, они погружают душу именно в невыразимое ощущение того чувства, которого сами они только как бы невольные отзвуки, выброшенные переполнившимся волнением". Герцен восклицает: "Сколько реализма в его поэзии и сколько поэзии в его реализме!" Не противореча Белинскому, Герцен внес в его оценку поэзии Огарёва существенную поправку: он указал не только на реализм в смысле бытовой правды – "пред-некрасовский", – но и на реализм психологический. Мысль Герцена подтвердил Чернышевский: "действительно, таковы были люди, тип которых отразился в поэзии г. Огарёва, одного из них". Огарёв со всею искренностью и правдивостью писал "о себе", и все же в его поэзии предстает

Стихотворения и поэмы. Николай Платонович Огарев ogarevn.ru
некое типическое лицо. Эпоха, люди этой эпохи – вот что было содержанием поэзии Огарёва. Вот почему такой цикл стихотворений, как "Монологи", кстати, оттолкнувший Белинского, знали наизусть многие революционеры. В этих мрачных стихах чувствовалась боль за судьбу России, страдание, однако в целом они порождали не слезы, а протест против сложившейся общественной обстановки. Благородный и искренний голос Огарёва-поэта полон исключительного своеобразия – в нем сочетался поэт-гражданин с несколько меланхолической, нежной и внутренне сосредоточенной натурой. Передавая свои раздумья, переживания, часто противоречивые, спорящие друг с другом, он умел побеждать мрачные настроения, печаль и скуку, порой охватывающие его. Поэтому были не правы те критики, которые видели в Огарёве лишь чистого лирика, живущего "между небесным и земным".

Жизнь Огарёва протекала трудно. Путешествуя за границей, он и его жена решили разойтись, – духовного единства не получилось. Огарёв сделал все, чтобы его жена не чувствовала себя ущемленной.

Осенью 1846 года он едет в свою пензенскую деревню Старое Акшено. По пути посетил созданную им крестьянскую общину в Белоомуте и увидел, что там далеко не все в порядке. Огарёв начал обдумывать новые реформы, мечтать о применении на полях техники, о школах для крестьян, фабриках с вольнонаемным трудом крепостных. Многим его начинаниям крестьяне сопротивлялись, видя в них лишь "барские затеи". Огарёв быстро разорялся, но это его не тревожило, – в случае полного разорения он готов был стать "пролетарием", как он писал, и жить "своим трудом". Огарёв все глубже уходил в народническо-социалистические идеи.

По соседству со Старым Акшено жил со своим семейством причастный к восстанию декабристов Алексей Алексеевич Тучков, которого Огарёв знал с юных лет. Тучков продолжал поддерживать связи с декабристами, находившимися в Сибири и на Кавказе. На дочери Тучкова Елене женился друг Огарёва Сатин. Волею судьбы Огарёв полюбил другую дочь Тучкова – Наталью, которая ответила ему взаимностью. В 1847 году семья Тучковых отправилась в путешествие по Европе, где Наталья Тучкова познакомилась с Герценом, который уже находился на положении политического эмигранта. Тучкова со всем пылом юности увлеклась освободительными идеями. В Италии она участвовала в огромной народной демонстрации и даже несла знамя впереди толпы, а в Париже, во время событий 1848 года, пыталась пробраться на баррикады. Огарёв писал ей: "Я ещё в жизни никогда не чувствовал, что есть женщина, которая с наслаждением умрет со мной на баррикаде! Как это хорошо!" Когда Тучкова вернулась домой, они с Огарёвым вступили в нелегальный брак, так как Мария Львовна отказалась дать ему развод. И только в 1853 году, после смерти Марии Львовны, Огарёв и Тучкова обвенчались.

Герцен, начавший в эмиграции революционную пропаганду, звал Огарёва к себе. Но политическая обстановка в России осложнилась, и Огарёв не сумел во второй раз добиться заграничного паспорта. Тайное бегство вместе с Тучковой через Одессу в Константинополь не удалось. После ареста петрашевцев стало ещё труднее. В 1850 году в Третье отделение поступил донос на Огарёва, Сатина и Тучкова: они будто бы создали "коммунистическую секту". Все трое были арестованы. Обвинение, однако, не подтвердилось. ещё несколько лет Огарёв вынужден был провести в провинции, – затеял писчебумажную фабрику, вложил в неё значительную долю оставшихся средств, сам трудился на ней, но все пошло прахом – фабрику уничтожил пожар. "Пожар на фабрике развязал нам руки, беспечные, равнодушные к деньгам, мы почти радовались освобождению от дел", вспоминала Тучкова-Огарёва. Как бы в ответ на житейские трудности и невзгоды Огарёв провозглашает:

Тот жалок, кто под молотом судьбы
Поник – испуганный – без боя:
Достойный муж выходит из борьбы
В сияньи гордого покоя.

В конце сороковых и в пятидесятых годах Огарёв создал несколько значительных поэм, в частности "Господин", "Деревня" и "Зимний путь", близких к жанру бытописательных стихотворных повестей, характерных для того времени ("Параша" Тургенева, "Машенька" Майкова, "Кадриль" Павловой, "Дневник девушки" Ростопчиной и другие). Жанр этот развился на основе романтической поэмы пушкинского времени, но настолько приблизился к реальной жизни, что от него оставался уже один шаг до романов и повестей Тургенева, Гончарова и других представителей натуральной школы. Огарёв в своих поэмах был непосредственным предшественником Некрасова. Однако в этих поэмах Огарёва есть особенность, которая выводит их в какой-то

Стихотворения и поэмы. Николай Платонович Огарев ogarevn.ru
мере из общего ряда, в них не только реальная жизнь, но и тот сплав
единообразных начал, который характерен для его лирики.

"Деревня" – поэма автобиографическая, повествующая о молодом помещике, увлеченном идеями социализма, который делает попытку изменить к лучшему жизнь своих крестьян; однако мужики относятся к нему с недоверием, и все дело рушится. Здесь Огарёв впервые вводит в русскую литературу образ дворянина-социалиста.

Герой поэмы "Господин", Андрей Потапыч, тоже пытался стать реформатором, сначала проявил себя как либерал и друг народа, но потом сделался обычным крепостником. Огарёв логично и убедительно рисует картину постепенного нравственного опустошения образованного, но лишённого воли и четкой идеи человека. Андреев Потапыч среди российских помещиков было немало, поэтому даже искренним либералам трудно было найти взаимопонимание с мужиками, – отсюда неудача самого Огарёва с его реформами и провал затей героя поэмы "Деревня".

Особое место среди произведений этого жанра занимает поэма "Зимний путь". В ней нет сюжета, она состоит из ряда путевых картин, которые объединены общим взглядом, – не вымышленного героя, а самого автора, – это он едет в санях по русским проселкам, видит деревни и опустевшие поместья, вспоминает пожар в бедной Деревушке, помещика-декабриста и его дочь, погибшего в глуши молодого интеллигента. Огарёв нередко читал поэму в гостиницах Петербурга и Москвы. В 1856 году она была напечатана в журнале "Русский вестник". И. С. Тургенев читал её вместе с Л. Н. Толстым и назвал шедевром, в котором, по его мнению, автор "совместил всю свою поэзию, всего себя со всей своей задушевной и задумчивой прелестью".

В 1856 году Огарёв выпустил первую книгу стихотворений, куда вошли и три поэмы – "Неаполь", "Африка" и "Зимний путь". Книга сразу получила широкое читательское признание. "С любовью будет произноситься имя г. Огарёва, – откликнулся Чернышевский на страницах "Современника", – и позабыто оно будет разве тогда, когда забудется наш язык". Отмечая историческое своеобразие поэзии Огарёва, он видел в ней отражение общественной борьбы. Добролюбов отметил в одной из своих статей, что имя Огарёва составляет "одну категорию с передовыми двигателями новейшей русской словесности – Гоголем и Тургеневым".

В том же 1856 году Огарёв получает, наконец, заграничный паспорт. В суматохе смены правления – только что умер Николай I – его отъезд не вызвал подозрений. Вместо Северной Италии, куда он отпросился для лечения, Огарёв направился в Лондон. Он решил сжечь за собой все мосты и отдаться открытой революционной борьбе.

Измученный рабством и духом унылый
Покинул я край мой родимый и милый,
Чтоб было мне можно, насколько есть силы,
С чужбины до самого края родного
Взывать громогласно заветное слово:
Свобода! Свобода!

Огарёв приехал в Лондон сильным духом, но немощным телом, – волнения, связанные с переездом, вызвали у него несколько приступов болезни в первые же дни. Герцен с тревогой записывает в дневнике: "Он очень болен". Однако Огарёв переборол недуг и включился в работу. Он стал участвовать в издании альманаха "Полярная звезда", на обложке которого неизменно печатались силуэты пяти казнённых декабристов. Огарёв предложил Герцену не ограничиваться изданием альманаха и очередных частей "Былого и дум", а издавать газету на русском языке – "Колокол". И "Колокол" зазвучал. Огарёв начал трудиться, по выражению Герцена, "как вол": вместе с Герценом он редактирует "Полярную звезду" и "Колокол", пишет статьи, прокламации, листовки, собирает и издает в Лондоне со своими предисловиями "Думы" Рылеева и антологию запрещённых в России сочинений – "Русская потаённая литература XIX столетия". Наконец-то жизнь Огарёва пошла так, как он хотел: он получил свободу действий. В его стихах зазвучали ноты открытого протеста. Он пишет разоблачающие крепостническую систему статьи. Много способствует организации в России тайного политического общества "Земля и воля", за что и был наречен "отцом" русского народничества.

Однако в Лондоне Огарёва постигло ещё одно испытание: его жена, Наталья Алексеевна, решила соединить свою судьбу с Герценом, овдовевшим ещё в 1852 году. Союз их, несмотря на рождение дочери, не оказался прочным, – в семье Герцена

Стихотворения и поэмы. Николай Платонович Огарев ogarevn.ru начались нелады, так как дети его от первого брака отнеслись к Тучковой-Огарёвой враждебно, виной чему был её тяжелый характер. Огарёв перенес разрыв с женой тяжело. Между ними троеми завязался узел странных, трагических отношений. Но дружба между Огарёвым и Герценом не охладела. "Что любовь моя к тебе так же действительна теперь, как на Воробьевых горах, в этом я не сомневаюсь", – писал Огарёв Герцену.

Вскоре судьба свела Огарёва с простой английской девушкой Мери Сетерленд, и она стала его верной спутницей до конца жизни. В одном из стихотворений мы встречаем такое его обращение к ней:

Как благодарен я тебе
За мягкость ласки бесконечной.
За то, что с тихой простотой
Почтила ты слезой сердечной.
Твоей сочувственной слезой,
Мое страданье о народе,
Мою любовь к моей стране
И к человеческой свободе.

В 1858 году в Лондоне был издан второй сборник Огарёва, в который, помимо стихотворений, вошли также поэмы "Юмор", "Господин", "Сны", "Ночь", "Тюрьма" и другие.

В 60-х годах Огарёв выступает и как критик со своими литературно-эстетическими установками. Он утверждает, что великие произведения искусства не могут возникать в отрыве от жизни общества, от событий истории человечества. Огарёв пишет о Пушкине, отмечая его мировое значение ("В нем отозвался весь русский мир"); о Рылееве, которого считает "равносильным по влиянию" на общество Пушкину; о Грибоедове, подчеркивая близость его Чацкого к декабристскому движению; о Полежаеве, завершившем "первую, неудавшуюся битву свободы с самодержавием"; о Гоголе, который выдвинул, по мнению Огарёва, "практический вопрос", – о "разрушении чиновничества"; о Кольцове, которого считал голосом "немого множества", Кольцов был особенно дорог Огарёву своей близостью к народу. Огарёв жил интересами современной русской литературы и был в курсе всего нового. Множество оригинальных и метких суждений рассыпано в его статьях и письмах – о произведениях Герцена, Тургенева, Некрасова, Щербины, Островского, Кохановской и других русских писателей.

В 1865 году Герцен и Огарёв вынуждены были перевести Вольную русскую типографию из Лондона в Женеву, в средоточие русской эмиграции. Огарёву пятьдесят три года, но тяжелая болезнь настолько подточила его физические силы, что видевшая его тогда А. Г. Достоевская назвала его "глубоким стариком". Тем не менее дух Огарёва был непоколебим. Он продолжал неустанно трудиться. Ему часто приходилось редактировать "Колокол" одному, так как Герцен вынужден был выезжать по делам.

Авторитет "Колокола" начал падать, – стало очевидным, что дело свое он с честью выполнил, но время его прошло. В России его критиковали Чернышевский и Добролюбов. В Женеве его "умеренные позиции" раздражали соратников – Нечаева и Бакунина – молодых революционеров, склонных к решительным действиям вплоть до террора. Герцен не считал возможным сотрудничать с ними. Огарёв, наоборот, искал с ними сближения, общих точек соприкосновения, что, как он полагал, было необходимо для общей борьбы с самодержавием. В 1868 году издание "Колокола" прекратилось.

В женевский период Огарёв мало написал стихотворений, но ему тогда посчастливилось создать третью часть своего главного поэтического произведения – поэмы "Юмор". Ключом к этой части может служить строфа из неё:

Покинул я мою страну,
Где все любил – леса и нивы.
Снегов немую белизну,
И вод весенние разливы,
И детства мирную весну...
Но ненавидел строй фальшивый
Господский гнет, чиновный круг,
Весь "царства темного" недуг.

Не могло быть для Огарёва несчастья страшнее, чем неожиданная смерть Герцена в Париже 21 января 1870 года. Для него это стало началом одинокой старости на

Стихотворения и поэмы. Николай Платонович Огарев ogarevn.ru
чужбине. Сначала Огарёв все-таки пытается продолжить общее дело и участвует как один из редакторов и как автор в "Колоколе" С. Г. Нечаева, но это издание скоро прекратилось. Задумывает издание собственного журнала под названием "Община", но и это не удастся. Какое-то время он сотрудничает в лондонской газете Лаврова "Вперед", направление которой, однако, было Огарёву во многом чуждо. Огарёв начинает готовить биографию Герцена, приступает к работе над мемуарами.

Жизнь в маленьком английском городе Гринвиче неподалеку от Лондона, куда Огарёв переехал в 1874 году, была медленным умиранием. Он жил на небольшую пенсию, высылавшуюся ему семьей Герцена. С ним была только верная ему Мери Сетерленд. Оставалась, однако, ещё поэзия. Огарёв ведет что-то вроде поэтического дневника, состоящего из набросков, отрывков, часто небрежных по стиху, но ещё чаще неожиданных и оригинальных по сути. Может быть, это были заготовки впрок, написанные с надеждой когда-нибудь их обработать, а может быть, что скорее всего, эти стихи так и были задуманы.

30 мая 1877 года Огарёв, уже серьезно занемогший, оставляет в дневнике последнюю запись: "Сейчас видел во сне, что я вернулся в Россию и приехал домой к себе в деревню". Ему видится, что крестьяне приняли его радушно, что они согласились с его проектами. "Я проснулся совершенно довольный моим сном, а Гринвич увидел озаренным блестящим солнцем и под ясным небом, каких давно не припомню". 12 июня 1877 года в присутствии Натальи Александровны Герцен, дочери Герцена, срочно приехавшей из Парижа, и Мери Сетерленд он скончался.

В 1966 году прах Огарёва с гринвичского кладбища был перевезен на родину и предан русской земле у стен Новодевичьего монастыря, главы которого, сиявшие в предзакатном московском небе, видели некогда двух юношей, приносящих клятву на Воробьевых горах – пожертвовать жизнью ради освобождения России. И невольно вспоминается строка одного из стихотворений Огарёва: Так вы меня не позабыли?..

Виктор АФАНАСЬЕВ

СТИХОТВОРЕНИЯ[1]

Огонь, огонь в душе горит... [2]
Огонь, огонь в душе горит
И грудь и давит и теснит,
И новый мир, мечта созданья,
Я б тем огнём одушевил,
Преград где б не было желаньям
И дух свободно бы парил.
Все будет ясно предо мною,
Сорву завесу с бытия,
И всё с душевной полнотою,
Всё обойму вокруг себя.
Мне не предел одно земное
Душе – от призрака пустой,
В ней чувство более святое,
Чем прах ничтожный и немой.
Кто скажет мне: конец стремленью?
Где тот, кто б дерзкою рукой
Границу начертал мысленно
Непреступимую чертой?
Черту отринув роковую,
Я смело сброшу цепь земную.
Согретый пламенной мечтой,
Я с обновленною душой
Помчусь – другого мира житель
Предвечной мысли в светлую обитель!
1832

Когда в часы святого размышленья... [3]
Когда в часы святого размышленья
Мысль светлая в твой ум вдруг западёт,
Чиста и пламенна, как вдохновенье,
Она тебя возвысит, вознесёт;
Она не даром заронилась,
Как божество к тебе она,

Чудесной жизнью полна,
Из стран небесных ниспустилась.
Пусть говорят с улыбкою презренья:
Она есть плод обманутой мечты,
Не верь словам холодного сужденья:
Они чужды душевной теплоты.
О! если с чувством мысль сроднилась,
Поверь, она не обольстит:
Она не даром заронилась
И святость истины хранит.
1833

А. ГЕРЦЕНУ
Друг! весело летать мечтою
Высоко в небе голубом
Над освещённою землею
Луны таинственным лучом.
С какою бедною душою,
С каким уныньем на челе
Стоишь безродным сиротою
На нашей изменной земле.
Здесь всё так скучно, скучны люди,
Их встрече будто бы не рад;
Страшишь прижать их к пылкой груди, -
Отскочишь с ужасом назад.
Но только тихое сиянье
Луна по небу разольёт
И сна тяжелое дыханье
Людей безмолвьем окуёт
Гуляй по небу голубому
И вольной птичкою скорей
Несись к пределу неземному.
Ты волен стал в мечте своей;
Тебя холодным изреченьем
Не потревожит злой язык;
Ты оградишься вдохновеньем,
Свою ты душу им проник.
О! дай по воле поноситься
В надземных ясных сторонах:
Там свет знакомый мне светится,
Мне всё родное в небесах;
Прощусь с землёй хоть на мгновенье,
С туманом скучным и седым,
И из-за туч, как из боренья
Между небесным и земным,
Я полечу в пределы света,
И там гармония миров
Обворочит весь ум поэта.
Там проблеснёт любимых снов
Давно желанная разгадка.
В восторга полный, светлый час
Перестаёт нам быть загадкой -
Что было тайного для нас.
до 1834

АЛЛЕЯ
Давно ли, жизнь полна,
Ты так шумела, зеленея,
А ныне стала так грустна,
Лип голых длинная аллея?
В замену листьев пал мороз
На ветви белыми иглами;
Глядят из-под седых волос
Печально липы стариками.
В ночи, как призраки, оне
Качают белой головою,
И будто кланяются мне
С какой-то дружбой и тоскою.

И самому мне тяжело!
И я стареть уж начинаю!
Я прожил весну и тепло,
И сердце на зиму склоняю!
Но что грустить? Весна придёт
Вновь зиму сплечем мы, аллея!
Вновь радость в сердце оживёт,
Вновь зашумишь ты, зеленея.
1830–1835

НА СМЕРТЬ ПОЭТА[4]
(По перечтении "Евгения Онегина")
Зачем душа тоски полна,
Зачем опять грустить готова,
Какое облако волна
Печально отразила снова?
Мечтаний тяжких грустный рой
Поэта глас в душе поэта
Воззвал из дремоты немой.
Поэт погиб уже для света,
Но песнь его ещё звучит,
Но лира громкими струнами
Звенит, ещё с тех пор звенит,
Как вдохновенными перстами
Он всколебал их перед нами.
И трепет их в цепи времён
Дойдет до позднего потомства,
Ему напомнит скорбно он,
Как пал поэт от вероломства
И будет страшный приговор
Неумолим. Врагов поэта
В могилах праведный укор
Отыщет в будущие лета,
И кости этих мертвецов,
Уж подточённые червями,
Вздогнут на дне своих гробов
И под согнившими крестами
Истлеют, прокляты веками.
Но что ж! но что ж! поэта нет!
Его ж убийца – он на воле,
Красив и горд, во цвете лет,
Гуляет весел в сладкой доле.
И весь, весь этот чёрный хор
Клеветников большого света,
В себе носивший заговор
Против спокойствия поэта,
Все живы, все – а мести нет.
И с разъярёнными очами
Им не гналась она вослед,
Неся укор за их стопами,
Не вгрызлась в совесть их зубами...
А тот, чья дерзкая рука,
Полмир цепями обвивая,
И не согбенна и крепка,
Как бы железом облитая,
Свободой дышащую грудь
Не устыдилась своевольно
В мундир лакейский затянуть, –
Он зло, и низостно, и больно
Поэта душу уязвил,
Когда коварными устами
Ему он милость подарил
И замешал между рабами
Поэта с вольными мечтами.
Из лавр и терния венец
Поэту дан в удел судьбою,
И пал он жертвой наконец
Неумолимую толпою

Ему расставленных сетей;
Земля, земля, зачем ты губишь
Прекрасных из твоих людей!
Одну траву растишь и любишь,
И вянет злак среди полей;
Или, враждуя с небесами
Враждой старинною твоей,
Ты имя избранных меж нами
Гнетёшь страдальчества цепями.
Пускай теперь слеза моя,
И негодуя и тоскуя,
Как дар единый от меня
Падёт на урну гробовую;
И если в форме неземной,
Перерождённый дух поэта
ещё витает над страной
Уж им покинутого света –
Мою слезу увидит он
И незаметными перстами
Мне здешней жизни краткий сон
Благословит, с его скорбями
и благородными мечтами.
1837

К ДРУЗЬЯМ

Я по дороге жизни этой
Скачу на чёрном скакуне,
В дали, густою мглой одетой,
Друзья, темно, не видно мне.
Со мною рядом что за лица?
Куда бегут? Зачем со мной?
Скучна их пёстрая станица,
Несносен говор их пустой.
В моих руках моя подруга,
Одна отрада на пути,
Прижалась, полная испуга,
К моей трепещущей груди.
Куда нас мчит бегун суровый?
Где остановит он свой бег?
И где приют для нас готовый?
Нам в радость будет ли ночлег?
Я по дороге жизни этой
Скачу на чёрном скакуне,
В дали, густою мглой одетой,
Друзья, темно, не видно мне.
Когда ж, случится, взор усталый
Назад бросаю я порой,
Я вижу радости бывалой
Страну далёко за собой.
Там ясно утро молодое,
Там веет свежею весной,
Там берег взброшен над рекою
И шумен город за рекой,
Но ту страну, душе родную,
Уже давно оставил я.
Там пел я вольность удалую,
Там были вместе мы, друзья,
Там верил я в удел высокий,
Там было мне осьмнадцать лет,
Я лишь пускался в путь далёкий
Теперь былого нет как нет.
И по дороге жизни этой
Я мчусь на чёрном скакуне,
В дали, густою мглой одетой,
Друзья, темно, не видно мне.
1837

СМУТНЫЕ МГНОВЕНЬЯ

Есть в жизни смутные, тяжёлые мгновенья,
Когда душа полна тревожных дум,
И ноша трудная томящего сомненья
Свинцом ложится на печальный ум;
И будущность несётся тучей издалёка,
Мрачна, страшна, без меры, без конца;
Прошедшее встаёт со взорами упрёка,
Как пред убийцей призрак мертвеца.
Откуда вы, минуты скорбных ощущений,
Пришельцы злобные, зачем с душой
Дружите вы, ряды мучительных видений
С их изнурительной тоской?
Но я не дам вам грозной власти над собою,
И бледное отчаянья чело
Я твердо отгону бестрепетной рукою –
Мне веру провидение дало;
И малодушия ничтожные страданья
Падут пред верой сердца моего,
Священные в душе хранятся упованья,
Они мой клад – я сберегу его.
1838

ШЕКСПИР

"На землю ступай, – провиденье сказало, –
И пристально там посмотри на людей,
Дела их твоя чтоб душа замечала
И в памяти ясно хранила своей.
Ты вырви в них душу и в смелом созданьи
её передай им ты в звучных словах,
И эти слова не исчезнут в предании
и вечно в людских сохраняются умах.
Иди же, мой сын, безбоязненно, смело,
Иди же, иди ты, мой избранный, в мир,
Иди и свершай там великое дело"...
Сказало, решило – явился Шекспир.
1838

Я видел вас, пришельцы дальних стран... [5]

Я видел вас, пришельцы дальних стран,
Где жили вы под ношею страданья,
Где севера свирепый ураган
На вас кидал холодное дыханье,
Где сердце знало много тяжких ран,
А слух внимал печальному рыданью.

Скажите мне: как прожили вы там,
что грустного в душе вы сохранили
И как тепло взывали к небесам?
Скажите: сколько горьких слез пролили,
как прах жены вы предали снегам,
А ангела на небо возвратили?

Скажите мне: среди печальных дней,
Не правда ль, были светлые мгновенья?
И, вспоминая, как среди людей
Страдал Христос за подвиг искупленья,
Вы забывали ль гнет своих скорбей,
Вы плакали ль тогда от умиленья?

Я видел вас! Тогда клонился день,
Седая туча по горе ходила,
Бросая вниз причудливую тень,
И сквозь неё с улыбкою светила
Заря, сходя на крайнюю ступень,
Как ясный луч надежды за могилой.

А между тем кипели суетой
Беспечно жители земного мира,
Поклонники с заглохшею душой –
Тщеславия бездушного кумира, –
И только музыка звучала той порой,
Как бы с небес заброшенная лира.

Стихотворения и поэмы. Николай Платонович Огарев ogarevn.ru

Я видел вас! Прекрасная семья
Страдальцев, полных чудного смиренья,
Вы собрались смотреть на запад дня,
Природы тихое успокоенье,
Во взоре ясном радостно храня
Всепреданность святому провиденью.

Я видел вас в беседе ваших жён,
Я видел их! Страдалицы святые
Перенесли тяжёлый жизни сон!..
Но им чужды проклятия земные,
Любовь, смиренье, веру только он
Им нашептал в минуты роковые.

Я видел вас, и думал: проблеск дня,
Исполненный святого упованья,
Поля в лучах вечернего огня
И музыки и гром и замиранье –
Не для детей земного бытия,
Для вас одних, очищенных в страданьи.

И ты, поэт с прекрасною душой,
С душою светлою, как луч денницы,
Был тут, – и я на ваш союз святой,
Далёко от людей докучливой станицы,
Смотрел, не знал, что делалось со мной, –
И вот слеза пробилась на ресницы.
1838

ДОРОЖНОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Бледно сквозь дымное облако светит луна,
Светит на белое поле;
Холоден воздух летучий, земля холодна,
Снег её держит в неволе.
Жалко мне бедную землю! В ней жизни уж нет,
Все-то на ней леденеет,
Холодны люди на ней, ах! и в них жизни нет,
Сердце у них леденеет.
К бедствиям ближних, к несчастьям, страданьям людей
Сердце у них леденеет.
К правде божественной, к голосу чистых страстей
Сердце у них леденеет.
Лишь себялюбье живет в нем, и гложет его
Червь среди страшной могилы.
Сердце холодное! Ах, отогреть мне его
Вовсе нет, вовсе нет силы.
Вырвать червя ядовитого силы мне нет,
Воля ничтожна без силы.
Жив я, однако! Спокойно гляжу я на свет
И умереть нету силы.
1839

Итак, с тобой я буду снова... [6]

Итак, с тобой я буду снова.
Мне уступить на этот раз
Судьба суровая готова
ещё один блаженный час.
ещё прекрасное мгновенье
я в жизни скучной и пустой,
Как дар святого провиденья,
Отмечу резкою чертой;
И на страницах дней печальных,
Где много горестей святых,
Где много песен погребальных,
Где много пробелов пустых,
Где много пятен, сожалений,
Которых выскоблить нельзя,
И где так мало наслаждений
ещё успел отметить я,
Я припишу, с душою ясной,
С благодареньем к небесам,

Стихотворения и поэмы. Николай Платонович Огарев ogarevn.ru
ещё строку любви прекрасной
К немногим радости строкам.
Скорей, ящик, до назначенья!
Скорей гони своих коней,
Я весь горю от нетерпенья,
Мне миг свиданья дорог с ней.
Скажи; с тобой случалось, верно
Ну, вот когда ты молод был,
Расстаться с той, что ты безмерно
Душой и сердцем любил?
Ты помнишь, что тогда бывало
В груди истерзанной твоей?..
Итак, спеши ж во что б ни стало,
Гони, гони своих коней.
Вот хлопнул бич – и снег мятётся,
И в брызгах пал на стороне
Вот близко, близко – сердце бьётся,
Мой друг, спеши навстречу мне..
О! с умилённою слезою,
Я на коленях пред тобой
За миг свиданья всей душою
Благодарю, создатель мой!..
1839

В тюрьму я был брошен, отослан в изгнание...
В тюрьму я был брошен, отослан в изгнание,
Изведал я горе, изведал страданье,
Но все же я звал из печальной глуши
Свободу, владычицу твёрдой души.
Пришла наконец, будто свет среди тьмы,
Как воздух прохладный средь душной тюрьмы,
И голос мне вдруг пробежал близ ушей:
"Вот ключ от затворов тюремных дверей,
я дам его женщине, тебе их она
Отворит, – я буду тебе отдана".
Растворены двери, и что ж вижу я?
О боже! Она, то подруга моя,
Она растворила тюремную дверь,
И весел я с нею и волен теперь.
За волю, за волю тебе, провиденье,
Подругой мне данною – благодаренье.
Но есть ещё воля!.. То воля моя
Стремиться к добру – неизменен ей я.
1839

СТАРЫЙ ДОМ[7]

Старый дом, старый друг, посетил я
Наконец в запустеньи тебя,
И бывшее опять воскресил я,
И печально смотрел на тебя.
Двор лежал предо мной неметённый,
Да колодец валился гнилой,
И в саду не шумел лист зелёный –
жёлтый – тлел он на почве сырой.
Дом стоял обветшалый уныло,
Штукатурка обилась кругом,
Туча серая сверху ходила
И всё плакала, глядя на дом.
Я вошел. Те же комнаты были;
Здесь ворчал недовольный старик;
Мы беседы его не любили,
Нас страшил его чёрствый язык.
Вот и комнатка – с другом, бывало,
Здесь мы жили умом и душой;
Много дум золотых возникало
В этой комнатке прежней порой.
В неё звездочка тихо светила,
В ней остались слова на стенах;

Их в то время рука начертила,
Когда юность кипела в душах.

В этой комнатке счастье былое,
Дружба светлая выросла там,
А теперь запустенье глухое,
Паутины висят по углам.

И мне страшно вдруг стало. Дрожал я,
На кладбище я будто стоял,
И родных мертвецов вызывал я,
Но из мертвых никто не восстал.
1839

ДЕРЕВЕНСКИЙ СТОРОЖ[8]

Ночь темна, на небе тучи,
Белый снег кругом,
И разлит мороз трескучий
В воздухе ночном.
Вдоль по улице широкой
Избы мужиков –
Ходит сторож одинокой,
Слышен скрип шагов.
Зябнет сторож; вьюга смело
Злится вокруг него;
На морозе побелела
Борода его.
Скучно! радость изменила,
Скучно одному;
Песнь его звучит уныло
Сквозь метель и тьму.
Ходит он в ночи безлунной,
Бела утра ждёт
И в края доски чугунной
С тайной грустью бьёт.
И, качаясь, завывает
Звонкая доска...
Пуще сердце замирает,
Тяжелей тоска.
1840

КРЕМЛЬ

За тучами чуть видима луна,
Белеет снег в туманном освещеньи,
Безмолвны стогны, всюду тишина,
Исчезло дня бродящее движенье.
Старинный Кремль угрюмо задремал
Над берегом реки оледенелой,
И колокол гудящий замолчал,
Затворен храм и терем опустелый.
Как старый Кремль в полночной тишине
Является и призрачен и страшен,
В своей зубчатой затворясь стене
И вея холодом угрюмых башен!
Лежит повсюду мертвенный покой
Его кругом ничто не возмущает,
Лишь каждый час часов унылый бой
О ходе времени напоминает.
1840 (?)

НА СМЕРТЬ ЛЕРМОНТОВА

Ещё дуэль! ещё поэт
С свинцом в груди сошел с ристанья.
Уста сомкнулись, песен нет,
Все смолкло... Страшное молчанье!
Тут тщетен дружеский привет...
Все смолкло: грусть, вражда, страданье,
Любовь – все, чем душа жила...
И где душа? куда ушла?
Но я тревожить в этот миг

Вопроса вечного не стану;
Давно я головой поник,
Давно пробило в сердце рану
Сомненье тяжкое, – и крик
В груди таится... Но обману
Жить не дает холодный ум,
И веры нет, и взор угрюм.
И тайный страх берёт меня,
Когда в стране я вижу дальней,
Как очи, полные огня,
Закрылись тихо в миг прощальный,
Как пал он, голову склоня,
И грустно замер стих печальный
С улыбкой скорбной на устах,
И он лежал, бездушный прах.
Бездушной праха перед ним
Глупец ничтожный с пистолетом
Стоял здоров и невредим,
Не содрогаясь пред поэтом,
Укором тайным не томим;
И, может, рад был, что пред светом
Хвалиться станет он подчас,
Что верны так рука и глаз.
А между тем над мертвецом
Сияло небо, и лежала
Степь безглагольная кругом,
И в отдалении дремала
Цепь синих гор – и все в таком
Успокоеньи пребывало,
Как будто б миру жизнь его
Не составляла ничего.
А жизнь его была пышна,
Была роскошных впечатлений,
Огня душевного полна,
Полна покоя и волнений;
Всё, всё извела она
Значенье всех её мгновений
Он слухом трепетным внимал
И в звонкий стих переливал.
Но, века своего герой,
Вокруг себя печальным взором
Смотрел он часто – и порой
Себя и век клеймил укором,
И желчный стих, дыша враждой,
Звучал нещадным приговором...
Любил ли он, или желал,
Иль ненавидел – он страдал.
Сюда, судьба! ко мне на суд!
Зачем всю жизнь одно мученье
Поэты тягостно несут?
Ко мне на суд – о провиденье!
Века в страданиях идут,
Или без всякого значенья
И провиденье, и судьба
Пустые звуки и слова?
А как бы он широко мог
Блаженствовать! В душе поэта
Был счастья светлого залог:
И жар сердечного привета,
И поэтический восторг,
И рай видений, полных света,
Любовью полный взгляд на мир,
Раздолье жизни, вечный пир...
Мой бедный брат! дай руку мне,
Оледенелую дай руку,
И спи в могильной тишине.
Ни мой привет, ни сердца муку
Ты не услышишь в вечном сне,

Стихотворения и поэмы. Николай Платонович Огарев ogarevn.ru
И слов моих печальных звуку
Не разбудить тебя вовек...
Ты глух стал, мертвый человек!
Развеется среди степей
Мой плач надгробный над тобою,
И высохнет слеза очей
На камне холодном... И порою,
Когда сойду я в мир теней,
Раздастся плач и надо мною,
И будет он безвестен мне...
Спи, мой товарищ, в тишине!
1841

LE CAUCHEMAR

[Кошмар (франц.)]

Мой друг! меня уж несколько ночей
Преследует какой-то сон тревожный;
встаёт пред взором внутренним очей
Насмешливо и злобно призрак ложный,
И смутно так всё в голове моей,
Душа болит, едва дышать мне можно,
И стынет кровь во мне... Хочу я встать,
И головы не в силах приподнять.

То фауст вдруг, бессменною тоской,
желаньем и сомнением убитой,
Идет ко мне задумчивой стопой
С погубленной, безумной Маргаритой;
и Мефистофель тут; на них рукой
Он кажет мне с улыбкой ядовитой.
Другую руку мне кладет на грудь,
я трепещу и не могу дохнуть.

Потом я вдруг Манфредом увлечён;
Тащит меня, твердя о преступленьи,
Которому давно напрасно он
У бога и чертей просил забвенья...
Уж вот на край я бездны приведён,
Стремглав мы вниз летим – и нет спасенья...
Я замираю, и по телу лёд
С губительным стремлением идёт.

Но вдруг стоит принц Гамлет предо мной,
Стоит и хохотом смеётся диким...
Безумный, нерешительный герой
Не мог любить, ни мстить, ни быть великим, –
И говорит, что точно я такой,
С характером таким же бледноликим...
И я мечтой в прошедших днях ношусь,
И сам себе так гадок становлюсь...

Насилу сон слетел с тяжёлых век!..
я Байрона и Гёте начитался,
И мне дался Шекспиров человек –
И только!.. В жизни ж я и не сблизался
С их лицами, да и не сблизусь ввек...
Но холод долго в теле разливался,
И долго я ещё не мог вздохнуть,
И в тёмные углы не смел взглянуть...
1841

КАБАК[9]

Выпьем, что ли, Ваня,
С холода да с горя;
Говорят, что пьяным
По колено море.
У Антона дочь-то
Девка молодая:
Очи голубые,
Славная такая!
Да богат он, Ваня!
Наотрез откажет,

Ведь сгоришь с стыда, брат,
Как на дверь укажет.
Что я ей за пара?
Скверная избушка!..
А оброк-то, Ваня?
А кормить старушку?
Выпьем, что ли, с горя!
Эх, брат! да едва ли
Бедному за чаркой
Позабыть печали!

1841

МНОГО ГРУСТИ!

Природа зноем дня утомлена
И просит вечера скорей у бога,
И вечер встретит с радостью она,
Но в этой радости как грусти много!
И тот, кому уж жизнь давно скучна,
Он просит старости скорей у бога,
И смерть ему на радость суждена,
Но в этой радости так грусти много!
А я и молод, жизнь моя полна,
На радость мне любовь дана от бога,
И песнь моя на радость мне дана,
Но в этой радости как грусти много!

1841

ПОЛДЕНЬ

Полуднем жарким ухожу я
На отдых праздный в темный лес
И там ложусь, и все гляжу я
Между вершин на даль небес.
И бесконечно тонут взоры
В их отдаленьи голубом;
А лес шумит себе кругом,
И в нем ведутся разговоры:
Щебечет птица, жук жужжит,
И лист засохший шелестит,
На хворост падая случайно,
И звуки все так полны тайной..
В то время странным чувством мне
Всю душу сладостно объемлет;
Теряясь в синей вышине,
Она лесному гулу внемлет
И в забытьи каком-то дремлет.

1841

ДРУЗЬЯМ

Мы в жизнь вошли с прекрасным упованьем,
Мы в жизнь вошли с неробкою душой,
С желаньем истины, добра желаньем,
С любовью, с поэтической мечтой,
И с жизнью рано мы в борьбу вступили,
И юных сил мы в битве не щадили.
Но мы вокруг не встретили участия,
И лучшие надежды и мечты,
Как листья средь осеннего ненастья,
Попадали и сухи и желты,
И грустно мы остались между нами,
Сплетая дружно голыми ветвями.
И на кладбище стали мы похожи:
Мы много чувств, и образов, и дум
В душе глубоко погребли... И что же?
Упрёк ли небу скажет дерзкий ум?
К чему упрёк?.. Смиренье в душу вложим
И в ней затворимся – без желчи, если можем.

Начало 1840-х

ХАНДРА

Бывают дни, когда душа пуста:
Ни мыслей нет, ни чувств, молчат уста,
Равно печаль и радости постылы,
И в теле лень, и двигаться нет силы.
Напрасно ищешь, чем бы ум занять, –
Противно видеть, слышать, понимать,
И только бесконечно давит скука,
И кажется, что жить – такая мука!
Куда бежать? чем облегчить бы грудь?
Вот ночи ждешь – в постель! скорей заснуть!
И хорошо, что стало все беззвучно..
А сон нейдет, а тьма томит докучно!
Начало 1840-х

Гуляю я в великом божьем мире... [10]
Гуляю я в великом божьем мире
И жадно впечатления ловлю,
И все они волнуют грудь мою,
И струны откликаются на лире.
Взойдет ли день, засветит ли луна,
Иль птица в роще тёмной встрепёнется,
Или промчится с ропотом волна,
Мне весело и хорошо поётся.
Я слушаю, уходят взоры вдаль,
И вдруг в душе встаёт воспоминанье,
И воскресает прежняя печаль,
И ноет сердце, полное страданья.
Взойдет ли день, засветит ли луна,
Иль птица в роще тёмной встрепёнется,
Или промчится с ропотом волна,
И грустно мне и хорошо поётся.
1842

ОБЫКНОВЕННАЯ ПОВЕСТЬ
Была чудесная весна!
Они на берегу сидели
Река была тиха, ясна,
Вставало солнце, птички пели;
Тянулся за рекою дол,
Спокойно, пышно зеленея;
Вблизи шиповник алый цвел,
Стояла тёмных лип аллея.
Была чудесная весна!
Они на берегу сидели
Во цвете лет была она,
Его усы едва чернели.
О, если б кто увидел их
Тогда, при утренней их встрече,
И лица б высмотрел у них
Или подслушал бы их речи
Как был бы мил ему язык,
Язык любви первоначальной!
Он верно б сам, на этот миг,
Расцвёл на дне души печальной!..
Я в свете встретил их потом:
Она была женой другого,
Он был женат, и о былом
В помине не было ни слова;
На лицах виден был покой,
Их жизнь текла светло и ровно,
Они, встречаясь меж собой,
Могли смеяться хладнокровно..
А там, по берегу реки,
Где цвёл тогда шиповник алый,
Одни простые рыбаки
Ходили к лодке обветшалою
И пели песни – и темно

Стихотворения и поэмы. Николай Платонович Огарев ogarevn.ru
Осталось, для людей закрыто,
что было там говорено,
и сколько было позабыто.
1842

ИЗБА
Небо в час дозора
Обходя, луна
Светит сквозь узора
Мерзлого окна.
Вечер зимний длится;
Дедушка в избе
На печи ложится,
И уж спит себе.
Помоляся богу,
Улеглася мать;
Дети понемногу
Стали засыпать.
Только за работой
Молодая дочь
Борется с дремотой
Во всю долгу ночь,
И лучина бледно
Перед ней горит.
Всё в избушке бедной
Тишиной томит;
Лишь звучит докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной
Да веретена.
1842

ДИЛИЖАНС
Уж смерклося почти, когда мы сели,
и различить моих соседей я
совсем не мог. Они ещё шумели,
беседую несносною меня
терзали. Все мне так ужасно были
противны. Треск колёс и глупый звук
бича мне слух докучливо томили.
Печально в угол я прилег. Но вдруг
из хижин к нам на миг блеснули свечи
я женщину увидел близ меня:
мантильей черной покрывая плечи,
она сидела, голову склоня;
глаза её горели грустью томной,
и бледен был печальный лик ея,
и из-под шляпки вился локон тёмный...
какое сходство, боже! Грудь моя
стеснилась, холод обдал тайный...
опять оно, виденье давних дней,
передо мной воскресло так случайно!
и я с неё не мог свести очей;
сквозь тьму глядя на лик едва заметный,
тревожно жизнь мою я повторял,
и снова был я молод, и приветно
кругом с улыбкой божий мир взирал,
и я любил так полно и глубоко...
о, как же я был счастлив в этот раз!
и я желал, чтоб нам ещё далёко,
далёко было ехать; чтобы нас
без отдыха везла, везла карета,
и не имел бы этот путь конца,
и лучшие я пережил бы лета,
смотря на очерк этого лица!
1842

К подъезду! – Сильно за звонок рванул я... [11]
Страница 19

Стихотворения и поэмы. Николай Платонович Огарев ogarevn.ru
К подъезду! – Сильно за звонок рванул я –
Что, дома? – Быстро я взбежал наверх.
Уже её я не видал лет десять;
Как хороша она была тогда!
Вхожу. Но в комнате все дышит скукой,
И плющ завял, и сторы спущены.
Вот у окна, безмолвно за газетой,
Сидит какой-то толстый господин.
Мы поклонились. Это муж. Как дурен!
Широкое и глупое лицо.
В углу сидит на креслах длинных кто-то,
В подушки утонув. Смотрю – не верю!
Она – вот эта тень полуживая?
А есть ещё прекрасные черты!
Она мне тихо машет: "Подойдите!
Садитесь! рада я вам, старый друг!"
Рука как желтый воск, чуть внятен голос,
Взор мутен. Сердце сжалось у меня.
"Меня теперь вы, верно, не узнали...
Да – я больна; но это все пройдет:
Весной поеду непременно в Ниццу".
Что отвечать? Нельзя же показать,
Что слезы хлынули к глазам от сердца,
А слово так и мрёт на языке.
Муж улыбнулся, что я так неловок.
Какую-то я пошлость ей сказал
И вышел, Трудно было оставаться
Поехал. Мокрый снег мне бил в лицо,
И небо было тускло...

1842

На севере туманном и печальном... [12]
На севере туманном и печальном
Стремлюся я к роскошным берегам
Иной страны – она на юге дальном.
Лечу чрез степь к знакомым мне горам
На них заря блестит лучом прощальным;
Я дале к югу – наконец я там,
И, нежась, взор гуляет на просторе,
И Средиземное шумит и плещет море.
Италия! опять твой полдень жаркий,
Опять твой темно-синий небосклон,
И ропот волн немолчный, блеск их яркий,
При лунной ночи пахнувший лимон,
Рыбак на море тихом с утлой баркой,
И черный локон смуглолицых жён.
И всё там страсть, да песни, да картины,
Да Рима старого роскошные руины.
В Италии брожу и вновь тоскую:
Мне хочется опять к моим снегам,
Послушать песню грустную, родную,
Лететь на тройке вихрем по степям,
С друзьями выпить чашу круговую,
Да поболтать по длинным вечерам,
Увидеть взор спокойный, русский локон,
Да небо серое сквозь полумерзлых окон.

1842

ПРОЩАНИЕ С ИТАЛИЕЙ

На море тихое ложится мрак ночной,
И небо синее усеялось звездами;
Шумит колесами и пену под собой
Взбивает пароход, качаясь над водами;
За ним волна, кипя, бежит двумя браздами
И вьется черный дым густою полосой,
И чайка поздняя вкруг мачты с криком вьется,
А море звучное чуть плещется и льётся.
На палубе умолк докучный разговор,

Стихотворения и поэмы. Николай Платонович Огарев ogarevn.ru
Товарищей моих в каютах сон объемлет;
У борта я один. Печально ищет взор
Знакомой стороны, где дальний берег дремлет;
Но песен рыбака уже мой слух не внемлет.
Едва чернеется цепь отдаленных гор,
Как смутная черта... она исчезнет вскоре,
И только небеса останутся да море.
Италия, мне жаль твоих роскошных стран!
Картины дальние ещё воспоминанье
Рисует тихо мне. То, сквозь ночной туман,
В Сорренто веет мне садов благоуханье,
То Рима предо мной унылая Кампанья
И лица строгие надменных поселян;
То слышен вёсел плеск, и дождей дом угрюмый
Наводит на душу таинственные думы.
Но я бегу от вас, волшебные места!
Ещё в ушах моих все звуки южных песен,
Но жизнь людей твоих, Италия, пуста!
В них дух состарелся, и мир твой стал мне тесен:
Везде развалина немая, смерть да плесень!
Лепечут о былом бессмысленно уста,
А головы людей в тяжелом сне повисли...
Теперь бегу искать движенья новой мысли.
И примет странника иная сторона,
Где жизнью все кипит и в людях дышит сила,
И труд приносит плод, и нива их пышна,
И ясно разум их наука озарила,
И жажда в каждом есть, чтоб всем им лучше было.
Туда, мой пароход! Но вот уже луна
Взошла над влажною пустынею печально
Прощай, Италия! исчез твой берег дальней...
И все ж мне жаль тебя! Любил я созерцать
Тебя, как мёртвую красавицу влюблённый:
И взор уже потух, и краски не видать,
А роскошь веет с уст в улыбке сохранённой,
И будто то не смерть, а час покоя сонный,
И негу, кажется, объятья могут дать
Ещё так сладостно, томительно, тревожно,
Что, миг проживши в них, и умереть бы можно.
Италия! не раз хотеться будет мне
Вновь видеть яркость дня и синей ночи тени,
Забиться и забыть в прозрачной тишине
И старость детскую заглохших поколений,
И скорбь моей души, усталой от волнений.
Прощай! да берег твой почиет в мирном сне,
Меж тем как ухожу я в путь мой бесконечный
Среди бродячих волн и дум, не спящих вечно!
1843 (?)

ИСКАНДЕРУ[13]

Я ехал по полю пустому;
И свеж и сыр был воздух, и луна,
Скучая, шла по небу голубому,
И плоская синелась сторона.
В моей душе менялись скорбь и сила,
И мысль моя с тобою говорила.
Всё степь да степь! Нет ни души, ни звука;
И еду вдаль я горд и одинок –
Моя судьба во мне. Ни скорбь, ни скука
Не утомят меня. Всему свой срок.
Я правды речь вел строго в дружнем круге –
Ушли друзья в младенческом испуге.
И он ушел – которого как брата
Иль как сестру так нежно я любил!
Мне тяжела, как смерть, его утрата;
Он духом чист и благороден был,
Имел он сердце нежное, как ласка,
И дружба с ним мне памятна, как сказка.

Ты мне один остался неизменный,
Я жду тебя. Мы в жизнь вошли вдвоём;
Таков остался наш союз надменный!
Опять одни мы в грустный путь пойдём,
Об истине глася неумоимо,
И пусть мечты и люди идут мимо.
1846

ОТЪЕЗД

Ну, прощай же, брат! я поеду в даль,
Не сидится на месте, ей-богу!
Ведь не то чтоб мне было вас не жаль,
Да уж так – собрался я в дорогу.
И не то чтоб здесь было худо мне,
Нет! мне все как-то близко, знакомо,
Ну, и дом, и сад, и привык к стране:
Хорошо, знаешь, нравится дома.
И такое есть, о чем вспомнить мне
Тяжело, а забыть невозможно;
Да не все ж твердить о вчерашнем дне –
Неразумно, а может, и ложно!
И вот видишь, брат, так и тянет в путь,
Погулять надо мне на просторе,
Широко пожить, на людей взглянуть,
Да послушать гульливое море.
Много светлых стран, много чудных встреч,
Много сладких слов, много песен...
Не хочу жалеть! не хочу беречь!
Ну, прощай! мир авось ли не тесен.
1846

МОНОЛОГИ[14]

I
И ночь и мрак! Как все томительно-пустынно!
Бессонный дождь стучит в моё окно,
Блуждает луч свечи, меняясь с тенью длинной,
И на сердце печально и темно.
Былые сны! душе расстаться с вами больно;
ещё ловлю я призраки вдали,
ещё желание в груди кипит неволью;
Но жизнь и мысль убили сны мои.
Мысль, мысль! как страшно мне теперь твоё движенье,
Страшна твоя тяжелая борьба!
Грозней небесных бурь несёшь ты разрушенье,
Неумолима, как сама судьба.
Ты мир невинности давно во мне сломила,
Меня навек в брожение вовлекла,
За верой веру ты в моей душе сгубила,
Вчерашний свет мне тьмою назвала.
От прежних истин я отрёкся правды ради,
Для светлых снов на ключ я запер дверь,
Лист за листом я рвал заветные тетради,
И все, и всё изорвано теперь.
Я должен над своим бессилием смеяться,
И видеть вокруг бессилие людей,
И трудно в правде мне внутри себя признаться,
А правду высказать ещё трудней.
Пред истиной нагой исчез и призрак бога,
И гордость личная, и сны любви,
И впереди лежит пустынная дорога,
Да тщетный жар ещё горит в крови.

II

Скорей, скорей топи средь диких волн разврата
И мысль и сердце, ношу чувств и дум;
Насмейся надо всем, что так казалось свято,
И смело жизнь растрать на пир и шум!
Сюда, сюда бокал с играющею влагой!
Сюда, вакханка! слух мне очаруй

Ты песней, полною разгульною отвагой!
На – золото, продай мне поцелуй...
Вино кипит во мне и жжёт меня лобзанье...
Ты хороша! о, слишком хороша!..
Зачем опять в груди проснулось страданье
И будто вздрогнула моя душа?
Зачем ты хороша? забытое мной чувство,
Красавица, зачем волнуешь вновь?
Твоих томящих ласк постыдное искусство
Ужель во мне встревожило любовь?
Любовь, любовь!.., о, нет, я только сожаленье,
Погибший ангел, чувствую к тебе..
Поди, ты мне гадка! я чувствую презренье
К тебе, продажной, купленной рабе!
Ты плачешь? Нет, не плачь. как? я тебя обидел?
Прости, прости мне – это пар вина;
Когда б я не любил, ведь я б не ненавидел.
Постой, душа к тебе привлечена –
Ты боле с уст моих не будешь знать укора.
Забудь всю жизнь, прожитую тобой,
Забудь весь грязный путь порока и позора,
Склонись ко мне прекрасной головой,
Страдалица страстей, страдалица желанья,
Я на душу тебе навею сны,
Её вновь оживит любви моей дыханье,
Как бабочку дыхание весны.
Что ж ты молчишь, дитя, и смотришь в удивленья,
А я не пью мой налитой бокал?
Проклятие! опять ненужное мученье
Внутри души я где-то отыскал!
Но на плечо ко мне она, склоняся, дремлет,
И что во мне – ей непонятно то;
Недвижно я гляжу, как сон ей грудь подьемлет,
И глупо трачу сердце на ничто!

III

Чего хочу?.. Чего?.. О! так желаний много,
Так к выходу их силе нужен путь,
Что кажется порой – их внутренней тревогой
Сожжётся мозг и разорвётся грудь.
Чего хочу? Всего со всею полнотою!
Я жажду знать, я подвигов хочу,
Ещё хочу любить с безумною тоскою,
Весь трепет жизни чувствовать хочу!
А втайне чувствую, что все желанья тщетны,
И жизнь скупа, и внутренно я хил,
Мои стремления замолкнут безответны,
В попытках я запас растрочу сил.
Я сам себе кажусь, подавленный страданьем,
Каким-то жалким, маленьким глупцом,
Среди безбрежности затерянным созданием,
Томящимся в брожении пустом..
Дух вечности обнять за раз не в нашей доле,
А чашу жизни пьем мы по глоткам,
О том, что выпито, мы всё жалеем боле,
Пустое дно всё больше видно нам;
И с каждым днем душе тяжеле устарелость,
Больнее помнить и страшней желать,
И кажется, что жить – отчаянная смелость:
Но биться пульс не может перестать,
И дальше я живу в стремленьи безотрадном,
И жизни крест беру я на себя,
И весь душевный жар несу в движеньи жадном,
За мигмом миг хватая и губя.
И все хочу!.. чего?.. О! так желаний много,
Так к выходу их силе нужен путь,
Что кажется порой – их внутренней тревогой
Сожжётся мозг и разорвётся грудь.

IV

Стихотворения и поэмы. Николай Платонович Огарев ogarevn.ru
Как школьник на скамье, опять сию я в школе
И с жадностью внимаю и молчу;
Пусть длинен знания путь, но дух мой крепок волей,
Не страшен труд – я верю и хочу.
Вокруг всё юноши: учительское слово,
Как я, они все слушают в тиши;
Для них всё истина, им всё ещё так ново,
В них судит пыл неопытной души.
Но я уже сюда явился с мыслью зрелой,
Сомнением испытанный боец,
Но не убитый им... Я с призраками смело
И искренно расчёлся наконец;
Я отстоял себя от внутренней тревоги,
С терпением пустился в новый путь,
И не собьюсь теперь с рассчитанной дороги
Свободна мысль и силой дышит грудь.
Что, Мефистофель мой, завистник закоснелый?
Отныне власть твою разрушил я,
Болезненную власть насмешки устарелой;
Я скорбью многой выкупил себя.
Теперь товарищ мне иной дух отрицающа
Не тот насмешник чёрствый и больной,
Но тот всесильный дух движенья и создання,
Тот вечно юный, новый и живой.
В борьбе бесстрашен он, ему губить – отрада,
Из праха он все строит вновь и вновь,
И ненависть его к тому, что рушить надо,
Душе свята так, как свята любовь.
1844–1847

УПОВАНИЕ. ГОД 1848[15]
Anno cholerae morbi

[В холерный год (лат.).]
Все говорят, что ныне страшно жить,
Что воздух заражён и смертью веет;
На улицу боятся выходить.
Кто встретит гроб – трепещет и бледнеет.
Я не боюсь. Я не умру. Я дней
Так не отдам. Всею жизнью человека
Ещё дышу я, всею мыслью века
Я жизненно проникнут до ногтей,
И впереди довольно много дела,
Чтоб мысль о смерти силы не имела.
Что мне чума? – Я слышу чутким слухом
Со всех сторон знакомые слова:
Вблизи, вдали – одним все полно духом, –
Все воли ищут! Тихо голова
Приподнялась; проходит сон упрямый,
И человек на вещи смотрит прямо.
Встревожен он. На нем так много лет
Рука преданья дряхлого лежала,
Что страшно страшен новый свет сначала.
Но свикнись, узник! Из тюрьмы на свет
Когда выходят – взору трудно, больно,
А после станет ясно и раздольно!
О! из глуши моих родных степей
Я слышу вас, далекие народы, –
И что-то бьется тут, в груди моей,
На каждый звук торжественной свободы.
Мне с юга моря синяя волна
Лелеет слух внезапным колыханьем...
Роскошных снов ленивая страна
И ты полна вновь юным ожиданьем!
Ещё уныл "Ave Maria"[16] глас
И дремлет вокруг семи холмов поляна,
Но втайне Цезарю в последний раз
Готовится проклятье Ватикана.

Стихотворения и поэмы. Николай Платонович Огарев ogarevn.ru
что ж? Начинай! Уж гордый Рейн восстал,
От долгих грез очнулся тих, но страшен,
Упрямо воли жаждущий вассал
Грозит остаткам феодальных башен.
На Западе каким-то новым днем,
Из хаоса корыстей величаво,
Как разум светлое, восходит право,
И нет застав, земля всем общий дом.
Как волхв, хочу с Востока в путь суровый
Идти и я, дабы вещать о том,
Что видел я, как мир родился новый!
И ты, о Русь! моя страна родная,
Которую люблю за то, что тут
Знал сердцу светлых несколько минут,
Ещё за то, что, вместе изнывая,
С тобою я и плакал и страдал,
И цепью нас одною рок связал, –
И ты под свод дряхлеющего зданья,
В глуши трудясь, подкапываешь взрыв?
Что скажешь миру ты? Какой призыв?
Не знаю я! Но все твои страданья
И весь твой труд готов делить с тобой,
И верю, что пробьюсь – как наш народ родной
В терпении и с твердостью многой
На новый свет неведомой дорогой!
1848

В пирах безумно молодость проходит...
В пирах безумно молодость проходит;
Стаканов звон да шутки, смех да крик
Не умолкают. А меж тем не сходит
С души тоска ни на единый миг;
Меж тем и жизнь идет, и тяготееет
Над ней судьба, и страшной тайной веет.
Мне пир наскучил – он не шлет забвенья
Душевной скорби; судорожный смех
Не заглушает тайного мученья!..
1848–1849 (?)

1849 ГОД
Вы знаете: победа дряхлой власти
Свершилася. Погибло, как мятеж,
Свободы дело, рушилось на части,
И деспотизм помолодел и свеж.
Безропотно, как маленькие дети,
Они свободу отдали тотчас,
В смущении боясь отцовской плети,
И весь восторг, как шалость, в них погас.
Вы знаете: в Европе уже ныне
Не сыщется ни одного угла,
Где б наша жизнь, верна своей святыне,
Светло и мирно кончиться могла.
Вы не зарезались? ещё, быть может,
Жить хочется? Так что ж? Скорей, скорей!
Бегите в степь, где разве вихрь тревожит,
В Америку – туда, где нет людей!
И, до седин бесплодно доживая,
С отчаяньем в груди умрите там,
Забывать стараясь и не забывая,
Что всё, что в жизни было свято вам,
Мечты свободы, ваши убежденья
Не нужны никому – и все замрут,
Как всякие безумные мученья,
Как всякий мозга бесполезный труд!
1849

АРЕСТАНТ[17]
Ночь темна. Лови минуты!

Но стена тюрьмы крепка,
У ворот её замкнуты
Два железные замка.
Чуть дрожит вдоль коридора
Огонек сторожевой,
И звенит о шпору шпорой,
Жить скучая, часовой.
"Часовой!" – "что, барин, надо?" –
"Притворись, что ты заснул:
Мимо б я, да за ограду
Тенью быстрою мелькнул!
Край родной повидеть нужно,
Да жену поцеловать,
И пойду под шелест дружный
В лес зелёный умирать!.." –
"Рад помочь! Куда ни шло бы!
Божья тварь, чай, тож и я!
Пуля, барин, ничего бы,
Да боюсь батожья!
Поседел под шум военный...
А сквозь полк как проведут,
Только ком окровавленный
На тележке увезут!"
Шепот смолк... Все тихо снова...
Где-то бог подаст приют?
То ль схоронят здесь живого?
То ль на каторгу ушлют?
Будет вечно цепь надета,
Да начальство станет бить...
Ни ножа! ни пистолета!..
И конца нет сколько жить!
1850

К Н. А. ТУЧКОВОЙ
На наш союз святой и вольный –
Я знаю – с злобою тупой
Взирает свет самодовольный,
Бродя обычной колеёй.
Грозой нам веет с небосклона!
Уже не раз терпела ты
И кару дряхлого закона
И кару пошлой клеветы.
С улыбкой грустного презренья
Мы вступим в долгую борьбу,
И твердо вытерпим гоненья,
И отстоим свою судьбу.
Ещё не раз весну мы встретим
Под говор дружных нам лесов
И жадно в жизни вновь отметим
Счастливых несколько часов.
И день придет: морские волны
Опять привет заплещут нам,
И мы умчимся, волей полны,
Туда – к свободным берегам.
1850–1852

Я виноват, быть может, в многом...
Я виноват, быть может, в многом,
И жил я, сам себя губя,
Но по разборе жестко-строгом
Ещё могу сказать и я,
Что, как и прежде, так и ныне,
Не менее, чем кто-нибудь,
Остался верен я святыне,
Которой век дышала грудь.
И, несмотря на скорбь и скуку,
На дне осевшую от лет,
Ты беззапятнанной мне руку

В час расставанья дашь вослед.
И дашь в твоей душе, как прежде,
Мне тот же мирный уголок,
Где каждой мысли и надежде
Всегда приют найти я мог.
Но если, вняв мольбе суровой,
Ты отказался от меня,
Тогда прости, мой Каин новый,
И позабудь скорей меня.
Начало 1850-х (?)

СПЛИН[18]

(Посвящено Н. А. Тучковой)
Да, к осени сворачивает лето..
Уж ночью был серебряный мороз;
И воздух свеж, и – грустная примета
Желтеет лист сквозь зелени берёз,
Как волосок седой сквозь локон тёмный
Красавицы кокетливой и томной;
Уже и ветер брюзгливый и сырой
Колеблет лес и свищет день-деньской,
И облаков отряд сгоняет серый;
И вечера становятся без меры.
Уже пришла печальная пора:
Туманами окрестности покрыты,
И мелкий дождь с утра и до утра
Сырою пылью сыплет, как сквозь ситы,
Чернеясь, грязь по улицам видна,
День холоден, глухая ночь темна.
Затопим мы камин. Средь поздних бдений
Люблю, когда причудливые тени
Враждебным мраком дышат по углам,
А красный блеск трепещет по стенам.
Но в этот час я не люблю беседы
И многих лиц шумливый разговор:
Меня томит, как длинные обеды,
Хоть умный, но всегда бесплодный спор.
Иное дело – заниматься делом,
Или хотеть, в тщеславьи закоснелом,
Сомнительной ученостью блеснуть
И времени течение обмануть,
Праздноглагольствуя литературно
О том, что в мире хорошо иль дурно.
У стариков есть детская черта
Рассказывать отлично анекдоты,
Где на конце всегда есть острота;
Но этот род погиб среди зевоты.
Что ж делать, друг, нам в эти вечера?
Болтать о том, что делалось вчера?
Наш status quo[19] так глуп, что лучше мимо.
Уж не заняться ль нам делами Крыма?
Но ведь ни вы, ни я не офицер
Изгнать врагов не сыщем новых мер.
Не вдатся ль в жар сердечных излияний?
Но ведь оно покажется смешно
К лицу ли нам искание страданий
И радостей, замолкнувших давно?..
Не вынуть ли бутылку из подвала?
Не принести ль два розовых бокала?
За здравье что ль, не то за упокой
Нам чокнуться?.. А лучше нам, друг мой,
Безмолвствовать и думать. Грустно это,
Но, кажется, прилично в наши лета.
И ветер и дождь всю ночь в окно стучат,
Колеблются таинственные тени,
Дрова, горя, бледнеют и трещат.
И вновь встаёт забытый ряд видений.
Вот детство глупое – как и всегда,

Бывают глупы детские года,
Но многое в них мирно улыбалось,
И сохранить иное бы желалось...
Вот юность – вот играет кровь,
И сердце жжёт ненужная любовь.
А там идут подряд всё гроб за гробом:
Вот мрет старик, сердясь и кряхтя,
Вот друг погиб с чахоточным ознобом,
В волнах морских умолкнуло дитя,
И милое и светлое созданье
Туда ж пошло на вечное молчанье!
Но вы, мой друг, ни слова ни о чём;
Вы знаете – ведь лучше нам вдвоем
Безмолвствовать и думать. Грустно это,
Но, кажется, прилично в наши лета.
1854 (?)

СОН

Когда сменился день молчаньем темной ночи,
Дремота смутная мне налегла на очи,
И вижу я: на площади народ,
И слышен звон с высоких колоколен,
И юный царь торжественно грядет
В порфире и венце, сияющ и доволен;
За ним попы, бояре и полки,
Хвалебный гимн гремит, блестят штыки...
Но мною обуял внезапно гнев священный,
Я бросился к царю и дланью дерзновенной
С его главы сорвал златой венец
И бросил в прах, и растоптал на части
"Довольно! – я вскричал, – погибни наконец
Вся эта ветошь ненавистной власти!"
Пророческая мощь мою вздымала грудь,
А царь бледнел, испуганный и злобный;
В народе гул прошел громоподобный,
И, как морская зыбь, грозы почуя путь,
Растет из тишины, в которой ей дремалось,
Тысячеглавая толпа заколебалась...
1854

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

В вечернем сумраке долина
Синела тихо за ручьем,
И запах розы и ясмينا
Благоухал в саду твоём;
В кустах прибережных влюбленно
Перекликались соловьи.
Я близ тебя стоял смущенный,
Томимый трепетом любви.
Уста от полноты дыханья
Остались немые и робки,
А сердце жаждало признанья,
Рука – пожатия руки.
Пусть этот сон мне жизнь сменила
Тревогой шумной пестроты;
Но память верно сохранила
И образ тихой красоты,
И сад, и вечер, и свиданье,
И негу смутную в крови,
И сердца жар и замиранье –
Всю эту музыку любви.
До 1855

Тот жалок, кто под молотом судьбы...
Тот жалок, кто под молотом судьбы
Поник – испуганный – без боя:
Достойный муж выходит из борьбы
В сиянии гордого покоя,

И вновь живет – главы не преклоня
Исполнен вдохновенной пищей;
Так золото выходит из огня
И полновеснее и чище.
До 1855

ВЕСНОЮ
Брожу я по лесу тропюю каменистой;
Трепещут и блестят в ветвистой вышине
Зеленые листья под влагою росистой,
И сосен молодых дух свежий и смолистый
В весеннем воздухе отрадно веет мне;
Пчела жужжит, и ранний луч денницы
Встречают песнями ликующие птицы.
Схожу я к берегу на мшистый край стремнины,
Смотрю – внизу река клокочет и шумит,
За нею озимей спокойные равнины
С их юной зеленью.. Всё нежные картины!
И столько счастливый и столько ясный вид,
Что, весело смотря на все живое,
Я чувствую в себе раздолье молодое.
1856

Ты сетуешь, что после долгих лет...
Ты сетуешь, что после долгих лет
Ты встретился с своим старинным другом,
И общего меж вами вовсе нет...
Не мучь себя ребяческим недугом!
Люби прошедшее! Его очарований
Не осуждай! Под старость грустных дней
Придется жить на дне души своей
Весенней свежестью воспоминаний.
1856

Проклясть бы мог свою судьбу...
Проклясть бы мог свою судьбу,
Кто весь свой век, как жалкий нищий,
Вел бесконечную борьбу
Из-за куска вседневной пищи;
Кто в ветхом рубище встречал
Зимы суровые морозы,
Кто в отупеньи забывал
Пролить над милым прахом слезы.
Не слушал томно при луне
Ни шум ручья, ни звук свирели,
А ждал в печальной тишине
Пустого дня под свист метели;
Кто ликований и пиров
Не знал на жизненном просторе,
Не ведал сладкой грусти снов,
А знал одно сухое горе.
Но много сносит человек
Средь жажды жить неутолимой,
И как бы жалок ни был век –
Страшит конец неотразимый!..
1856

Я наконец оставил город шумный...
Я наконец оставил город шумный,
Из душных стен я вырвался на миг;
За мною смолкнул улиц треск безумный
И вдалеке докучный говор стих,
И вот поля равниною безбрежной
В вечернем блеске дремлют безмятежно.
Люблю я вас, вечерние отливы
И с далью неба слитый край земли,
Цветок лазурный между желтой нивы
И птички песню звонкую вдали.

О, как давно уже в тиши раздольной
Я не дышал беспечно и привольно!
Мне хорошо... но отчего ж так грустно?
Душа мягка и вместе больно ей,
И сельский быт невинный, безыскусный
Меня томит, как память детских дней.
Утратилось невинности значенье,
Тоскует грудь в тяжелом умиленьи.
О, по душе прошло с тех пор так много –
Гнёт истины, ошибок суета,
Порок, страстей безумная тревога,
И сладкой жажды чувствовать тщета,
Рассудка власть и грозная работа,
И мелкой жизни мелкая забота.
Поля, поля! ваш мир меня объемлет,
Но кротких чувств он не приносит мне;
Как прежде, сердце в тихом сне не дремлет...
Вы мне теперь, в вечерней тишине,
Растроганность болезненную дали,
Слезу души и внутренней печали.
1856

Е.Ф. КОРШУ[20]

Из края бедных, битых и забытых
Я переехал в край иной –
Голодных, рубищем едва покрытых
На стуже осени сырой.
И то, что помню я, и то, что вижу ныне,
Не веет отдыхом недремлющей кручине.
Я помню смрад курной избы,
Нечистой, крошечной и тёмной,
И жили там мои рабы.
Стоял мужик пугливо-томный,
Возилась баба у печи
И ставила пустые щи,
Ребенок в масляной шубёнке,
Крича, жевал ломоть сухой,
Спала свинья близ коровёнки,
Окружена своей семьёй.
Стуча в окно порой обычной,
На барщину десятский звал,
Спине послушной и привычной –
Без нужды розгой угрожал.
Я помню, как квартальный надзиратель,
Порядка русского блюститель и создатель,
Допрашивал о чём-то бедняка,
И кровь лилась под силой кулака,
И человек, весь в жалком беспорядке,
Испуганный, дрожал, как в лихорадке.
Я годы, годы не забыл,
Как этот вид противен был...
И после мы – друзей в беседе пылкой –
О родине скорбели за бутылкой.
И вижу я: у двери кабака,
Единокого приюта бедняка,
Пред мужем пьяным совершенно
Полуодетая жена
В слезах, бледна, изнурена,
Стоит коленопреклоненна
И молит, чтобы шёл домой,
Чтоб ради всей щедроты неба
Сберег бы грош последний свой,
Голодным детям дал бы хлеба.
А мимо их спешит народ,
Трещат без умолку коляски,
И чувствуешь – водоворот,
Кружение бесовской пляски...
О ты, который упрекал

Стихотворения и поэмы. Николай Платонович Огарев ogarevn.ru
Мой стих за мрачность настроенья,
За байронизм, и порицал
Меня с серьёзной точки зренья,
Поди сюда, серьёзный человек,
Отнюдь не верующий в бедство
И уважающий наш век!
Взгляни на лик, состарившийся с детства,
На хаос жизни пристально взгляни,
И лгать не смей, а прокляни
Весь этот род болезненный и злобный
И к лучшему нисколько не способный.
1855

ИСКАНДЕРУ

Die Rotweine regen die Kreislaufsorgane stark auf

[Красное вино сильно возбуждает органы кровообращения (нем.)]

(Фармакология Курта Шпренгеля)
В уныньи медленном недуга и леченья
Скучает ум, молчат уста,
И жду я с жадностью минуты исцеленья,
Конца тяжёлого поста.
Удастся ль помянуть нам доблестное время
Упругих мышц и свежих сил,
Когда без усталости ночей бессонных бремя
Наш бодрый возраст выносил?
До уст, взлелеянных вакхической отвагой,
Коснется ль снова, жар тая,
И мягким запахом и бархатною влагой
Вина пурпурная струя?
Садись! Достану я из-под седого слоя
Бутылку мшистую мою
И, набок наклоня, – с падучего отстоя
В стаканы бережно солью.
Но годы уж не те! И, кровь напитком жгучим
Бесплодно в жилах разогрев,
Уже мы не пойдём в волнении могучем
На праздник сладострастных дев.
Ни плечи белые, ни косы развитые,
Ни взор полуприподнятой
Уже не пробудят в нас страсти прожитые
И тела трепет молодой.
От фавна старого таятся робко девы
В зелено-свежей мгле дубров
И внемлют юношей влюблённые напевы
Сквозь шум колеблемых листов.
Боюсь, не вызвать бы, средь наших возлияний,
Перебирая жизни даль,
И горечь едкую иных воспоминаний
И современную печаль!
Не вспомнить бы людей враждующие лица,
Их злобы грубые черты,
И их любовь, дряблей изношенной тряпицы,
Прикрытые жалкой клеветы;
Не встретить бы в веках насилий и стяжанья
Неисцелимую болезнь,
Не вспомнить бы утрат могильные преданья
И счастья смолкнувшую песнь.
Скорей – давай шутить! Пусть шутки дар нескромный
Даст волю блестящим острым слов,
Ярко мелькающих – как искры ночью тёмной
Над пеплом тлеющих костров.
Да! шутка нас спасет. Её мы за послугу
Сравним с красавицей больной,
В предсмертный час ещё дарящей другу
Привет улыбки молодой.
1856

ПРЕДИСЛОВИЕ К "КОЛОКОЛУ" [21]

Россия тягостно молчала,
Как изумлённое дитя,
Когда, неистово гнетя,
Одна рука её сжимала;
Но тот, который что есть сил
Ребёнка мощного давил, -
Он с тупоумием капрала
Не знал, что перед ним лежало,
И мысль его не поняла,
Какая есть в ребёнке сила:
Рука её не задушила -
Сама с натуги замерла.
В годину мрака и печали,
Как люди русские молчали,
Глас вопиющего в пустыне
Один раздался на чужбине;
Звучал на почве не родной -
Не ради прихоти пустой,
Не потому, что из боязни
Он укрывался бы от казни;
А потому, что здесь язык
К свободомыслию привык -
И не касалась окова
До человеческого слова.
Привета с родины далекой
Дождался голос одинокой,
Теперь юней, сильнее он..
Звучит, раскачиваясь, звон,
И он гудеть не перестанет,
Пока - спугнув ночные сны -
Из колыбельной тишины
Россия бодро не воспрянет
И крепко на ноги не станет,
И, непорывисто смела,
Начнет торжественно и стройно,
С сознанием доблести спокойной,
Звонить во все колокола.
1857

ОТСТУПНИЦЕ [22]

(Посвящено гр. Ростопчиной)
Теперь идет существованье
С однообразием волны..
Но миг случайный, намеканье -
И будит вновь воспоминанье
Давно утраченные сны.
Так звук внезапный воскрешает
Всю песнь забытую - и вот
Знакомый голос оживает,
Знакомый образ восстаёт;
Из-за туманов ночи мрачной
Восходит жизнь прошедших лет,
Облечена в полупрозрачный,
Полузадумчивый рассвет.
Все это только род вступленья,
Чтобы сказать, что как-то раз,
Тревожа тени из забвенья,
Случайно вспомнил я о вас.
Воскресло в памяти унылой
То время светлое, когда
Вы жили барышнею милой
В Москве, у Чистого пруда.
Мы были в той поре счастливой,
Где юность началась едва,
И жизнь нова, и сердце живо,
И вера в будущность жива.

Двором широким проезжая,
К крыльцу неволью торопясь,
Скакал, бывало, я – мечтаю –
Увижу ль вас, увижу ль вас!
Я помню... (годы миновали!)...
Вы были чудно хороши;
Черты лица у вас дышали
Всею юной прелестью души.
В те дни, когда неугомонно
Искало сердце жарких слов,
Вы мне вручили благосклонно
Тетрадь заветную стихов.
Не помню – слог стихотворений
Хорош ли, нехорош ли был,
Но их свободы гордый гений
Своим наитьем освятил.
С порывом страстного участия
Вы пели вольность, и слезой
Почтили жертвы самовластья,
Их прах казнённый, но святой.
Листы тетради той заветной
Я перечитывал не раз,
И снился мне ваш лик приветный,
И блеск и живость черных глаз.
Промчалась, полная невзгоды,
От вас далёко жизнь моя;
Ваш милый образ в эти годы
Как бы в тумане помнил я.
И как-то случай свел нас снова
В пору печальной зрелых лет –
Уже хотел я молвить слово,
Сказать вам дружеский привет;
Но вы какому-то французу
Свободу поносили вслух,
И русскую хвалили музу
За подлый склад, за рабский дух.
Меня тогда вы не узнали,
И я был рад: я увидал,
Как низко вы душою пали,
И вас глубоко презирал.
Скажите – в этот вечер скучный,
Когда вернулись вы домой,
Ужель могли вы равнодушно
На ложе сна найти покой?
В тиши угрюмой ночь глухая,
Тоску и ужас навевая,
Вам не шептала ли укор,
Что вы отступница святыни,
Что вы с корыстию рабыни
Свой голос продали за вздор?
Мне жалко вас. С иною дамой
Я расквитался б эпиграммой, –
Но перед вами смех молчит,
И грозно речь моя звучит:
Покайтесь грешными устами,
Покайтесь искренно, тепло,
Покайтесь с горькими слезами,
Покуда время не ушло!
Просите доблестно прощенья
В измене ветреной своей –
У молодого поколенья,
У всех порядочных людей.
Давно расстроенную лиру
Наладьте вновь на чистый строй;
Покайтесь, – вам, быть может, миру
Сказать удастся стих иной, –
Не тот напыщенный, жеманный,
Где дышит холод, веет тьма,

Где все для сердца чужестранно
И нестерпимо для ума;
Но тот, который, слух лаская,
Звучал вам в трепетной тиши
В те дни, когда вы, расцветая,
Так были чудно хороши.
Не бойтесь снять с себя личину
И обвинить себя самих:
Христос Марию Магдалину
Поставил выше всех святых!
И нет стыда просить прощенья,
И сердцу сладостно прощать...
И даже я на примиренье
Готов, по правде вам сказать –
И слов моих тем не ослаблю:
Я б и Клейнмихелю простил,
Когда б он девственную саблю
За бескорыстность обнажил.
1857

К в. А. ПАНАЕВУ[23]

Когда в цепи карет, готовых для движенья,
Нашли вы место наконец,
И приютились, как мудрец,
Меж девственных старух избегнув искушенья,
И взвизгнул роковой свисток
И в дальний путь вас пар увлѣк;
Смущён, как человек пред диким приговором,
За быстрым поездом следил я долгим взором,
Пока он скрылся – и за ним,
Помедлив, разлетелся дым;
Пустынно две бразды железные лежали,
И я пошел домой, исполненный печали...
Так вы уехали!.. А длинный разговор
Ещё звучит в ушах, как дружелюбный спор;
Но обоюдные запросы и сомненья
Уныло на душе остались без решенья.
Что эти сумерки – пророчат ли рассвет?
Иль это вечер наш, и ночь идет вослед?
Что миру – жизнь иль смерть готова?
Возникнет ли живое слово?
Немое множество откликнется ль на зов?
Иль веру сохранит в ношение оков?
Как это знать!.. Так сеятель усталый
Над пашнею, окончив труд немалый,
Безмолвствуя в раздумьи стоит
И на небо и на землю глядит:
Прольѣтся ль свежий дождь над почвой оживлённой,
Или погибнет сев, засухой спалённый?..
Я знаю: с родины попутный ветер пошёл,
Заря проснулася над тишиною сѣл;
Как древний Ной – корабль причалил к Арарату,
И в море тихое мы пролагаем путь,
Как мирный мост, как связь востоку и закату,
И плавно хочет Русь все силы развернуть.
Я знаю – с берега Британии туманной
Живую жилую под морем нить прошла
До мира нового... И вот союз желанный!
И так и кажется, что расступилась мгла –
И наши племена, с победной властью пара,
Дорогу проведут вокруг земного шара.
Оно торжественно! И воздух свежих сил
Так дышит верою в громадность человека...
А тут сомнение и веянье могил
Невольню чуется при замираньи века.
И вижу я иные племена –
Тут – за морем... Их жажда – кровь, война,
И, хвастая знамѣнами свободы,

Хоть завтра же они скуют народы.
Во имя равенства все станет под одно,
Во имя братства всем они наложат цепи,
Взамен лесов и нив – всё выжженные степи,
И просвещение штыками решено –
И будет управлять с разбойничьей отвагой
Нахальный генерал бессмысленною шпагой.
Чем это кончится? Возьмет ли верх палач
И рабства уровень по нас промчится вскачь?
Иль мир поднимется из хаоса и муки
При свете разума, при ясности науки?
Как это знать? Над пашнею стою,
Как сеятель, и голову мою
Готов сложить без сожаленья;
Но что же мой последний миг –
Он будет ли тяжелый крик,
Иль мир спокойного прозренья?..
Вас проводя, так думал я, друг мой,
В безмолвии, когда я шёл домой, –
Но обоюдные запросы и сомненья
Уныло на душе остались без решения.
1858

ЛЕТОМ

Мой друг, не вижу я средь английских полей
Станицы сторожкой высоких журавлей,
И посвистом тройным в траве, всегда скошенной,
Не свищет перепел, отрадно затаённой,
Не стонет коростель в вечерней тишине;
Один – космополит – трепещет в вышине,
Как точка малая, веселый жаворонок,
И здесь его напев все так же чист и звонок;
Да воробей ещё – другой космополит
По кровлям и в садах и скачет, и пищит.
На Темзе не видать, чтоб диких уток стая
Садилась на воду, кругами налетая;
Ручные лебеди над грязью тусклых вод
Одни белеются, минуя пароход.
Сурово осудил невинные созданья
Жестокий человек на дальние изгнанья,
Пугая злобно их и силой, и враждой,
И смертью дикою – зане он царь земной.
Зато промышленность развита у народа,
И рабство тайное, и для иных свобода;
Все это хорошо, я скоро в прозе сам
Развитию хвалу торжественно воздам.
Но сердцем я дикарь! Мне хочется на лоно
Раздольной роскоши моих родных степей,
Где взору нет конца до края небосклона,
Где дремлет в знойный день станица журавлей,
Один настороже стоит, поднявши ногу,
И в миг опасности готов поднять тревогу;
Где слышен дергача протяжный, грустный стон,
Когда уходит день за дальний небосклон;
Где перепел свистит, таясь в зелёном море
Некошеной травы; где жить им на просторе
Привольно и легко, при ясном, тёплом дне,
В благоухающей, безбрежной стороне.
Иль наш дремучий лес, и шум, и колыханье,
И в чаще пеньё птиц, и пчел и мух жужжанье...
И вновь мне хочется, чтоб мирно, без тревог,
В тенистой зелени я заплутаться мог,
Дождаться вечера... Закат в мерцаньи дальнем
По листьям золотым блестит лучом прощальным,
За птицей птица вслед смолкает в тишине,
И лес таинственный почиет в свежем сне;
Одни кузнечики, по ветреной привычке,
Трепещут у корней в болтливой переключке.

Да где-то явственней становится слышна
Ручья журчащего бессонная волна.
И жду я месяца... Он встал над лесом мгlistым,
Прокрался сквозь вершин отливом серебристым,
И призрачно встают, как бы из мира грез,
Все белые, стволы развесистых берёз,
Задумчиво в тиши понурились ветвями
И робко шепчутся пахучими листьями...
Но месяц клонится, светлей лесная мгла,
Проснулась иволга, жужжа, летит пчела,
И вновь, разбуженный аленущей зарёю,
Заколебался лес под влажною росой.
1858

СВОБОДА

(1858 года)

Когда я был отроком тихим и нежным,
Когда я был юношей страстно-мятежным,
И в возрасте зрелом, со старостью смежном, -
Всю жизнь мне всё снова, и снова, и снова
Звучало одно неизменное слово:

Свобода! Свобода!

Измученный рабством и духом унылый
Покинул я край мой родимый и милый,
Чтоб было мне можно, насколько есть силы,
С чужбины до самого края родного
Взывать громогласно заветное слово:

Свобода! Свобода!

И вот на чужбине, в тиши полунощной,
Мне издали голос слышался мощный...
Сквозь вьюгу сырую, сквозь мрак беспомощный,
Сквозь все завывания ветра ночного
Мне слышится с родины юное слово:

Свобода! Свобода!

И сердце, так дружное с горьким сомненьем,
Как птица из клетки, простясь с заточеньем,
Взыграло впервые отрадным биеньем,
И как-то торжественно, весело, ново
Звучит теперь с детства знакомое слово:

Свобода! Свобода!

И всё-то мне грезится - снег и равнина,
Знакомое вижу лицо селянина,
Лицо бородатое, мощь исполина,
И он говорит мне, снимая оковы,
Мое неизменное, вечное слово:

Свобода! Свобода!

Но если б грозила беда и невзгода,
И рук для борьбы захотела свобода, -
Сейчас полечу на защиту народа,
И если паду я средь битвы суровой,
Скажу, умирая, могучее слово:

Свобода! Свобода!

А если б пришлось умереть на чужбине,
Умру я с надеждой и верою ныне;
Но в миг передсмертный - в спокойной кручине
Не дай мне остынуть без звука святого,
Товарищ! шепни мне последнее слово:

Свобода! Свобода!

1858

ОСЕНЬЮ

Как были хороши порой весенней неги -
И свежесть мягкая зазеленевших трав,
И листьев молодых душистые побеги
По ветвям трепетным проснувшихся дубрав,
И дня роскошное и тёплое сиянье,
И ярких красок нежное слиянье!
Но сердцу ближе вы, осенние отливы,

Когда усталый лес на почву сжатой нивы
Свекает с шёпотом пожелкые листья,
А солнце позднее с пустынной высоты,
Унынья светлого исполнено, взирает...
Так память мирная безмолвно озаряет
И счастье прошлое и прошлые мечты.
1857–1858

У МОРЯ

Дождь и холод! А ты все сидишь на скале,
Посмотри на себя – ты босая!
Что на море глядишь? В этой пасмурной мгле
Не видать, словно ночью, родная!
Шла домой бы, ей-богу!
"О! я знаю, зачем я сию на скале;
Что за нужда, что сыро и скверно,
А его различить я сумею во мгле,
Он сегодня вернётся, наверно.
В бурю ловля чудесна!
Он когда уезжал, ветер страшно свистал,
Чайка серая с криком летала;
Он мне руку пожал и, смеясь, сказал:
"Ты не бойся знакомого шквала,
В бурю ловля чудесна!"
Отвязал он и лодку и парус поднял,
Чайка серая с криком летала;
Издалёка ещё он платком мне махал,
Буря лодку свирепо качала...
В бурю ловля чудесна!
Ветер парус его на клочки изорвал,
Чайка серая с криком летала;
И поднялся такой нескончаемый вал,
Что я лодку за ним не видала.
В бурю ловля чудесна!
Я поутру, и днем, и в полночь на скале;
Что за нужда, что сыро и скверно,
А его различить я сумею во мгле,
Он сегодня вернётся, наверно.
В бурю ловля чудесна!"
1857 – 1858

НАПУТСТВИЕ

Научите немудрых
Забудь уныния язык!
Хочу – помимо произвола,
Чтоб ты благоговеть привык
Перед святынею глагола.
Мне надо, чтобы с уст твоих,
Непразднословных и нелживых,
Звучал поток речей живых,
Как разум ясных и правдивых.
Отбрось рабов обычных школ
И книжника и фарисея:
Пред ними истины глагол
Проходит, власти не имея.
Учи того, кто не успел
С ума сойти в их жизни ложной,
Кто жаждет, искренен и смел,
Рассудка простоты несложной.
Глагол – орудие свободы,
Живая жизнь, которой днесь
И вечно движутся народы...
Проникнись этой мыслью весь!
Готов ли?.. Ну! Теперь смотри,
Ступай по городам и селам
И о грядущем говори
Животрепещущим глаголом.
1858

БАБУШКА

Я помню как сквозь сон – когда являлась в зале
Старуха длинная в огромной черной шали
и белом чепчике, и локонах седых,
То каждый, кто тут был, вдруг становился тих,
и дети малые, резвившиеся внучки,
шли робко к бабушке прикладываться к ручке.
Отец их – сын её – уже почтенных лет,
Стоял в смиреннии, как будто на ответ
За шалость позван был и знал, что он виновен
и прах перед судьей, а вовсе с ним не ровен!
А хитрая жена и бойкая сестра,
Потупясь, как рабы среди царского двора,
Украдкой лишь могли язвить друг друга взглядом,
Пропитанным насквозь лукаво-желчным ядом.
Старуха свысока их с головы до ног
оглядывала всех, и взор её был строг...
И так и чуялось: умри она, старуха,
Все завтра ж врозь пойдут, и дом замолкнет глухо.
Да это и сама, чай, ведала она,
И оттого была жестка и холодна,
И строгий взор её был полон сожаленья,
Пожалуй, что любви, а более презренья.
1858 (?)

По краям дороги...
По краям дороги
В тишине глубокой
Тёмные деревья
Поднялись высоко;
С неба светят звёзды
Мирно сверх тумана...
Сердце?... Сердце просит
Нового обмана.

В памяти тревожной
всё былые встречи,
Ласковые лица,
Ласковые речи;
Но они подобны
Призракам могилы,
Не вернут былого
Никакие силы.

О! когда б пришлось
По дороге тёмной
Снова для ночлега
Встретить домик скромный,
И в объятьях жарких
Пробудиться рано...
Сердце?... Сердце просит
Нового обмана.
1857 – 1858 (?)

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА

I

РАССВЕТ

Мне детство предстает, как в утреннем тумане
Долина мирная. Под дымчатый покров,
Сливаясь, прячутся среди прохлады ранней
Леса зелёные и линии холмов,
А утро юное бросает в ликованьи
Сквозь клубы сизые румяное сиянье.
Все образы светлы и все неуловимы.
Знакомого куста тревожно ищет взор,
Подслушать хочется, как шепчет лист незримый,
Студёный ключ ведет знакомый разговор;
Но смутно всё... Душа безгрешный сон лелеет,
Отвсюду свежесть ей благоуханно веет.

II

ЛЕС

На горной крутизне я помню шумный лес,
Веками взрощенный в торжественности дикой,
И там был темный грот между корней древес,
Поросший влажным мхом и свежей повиликой.
Его тенистый свод незримо пробивая,
Студёный падал ключ лепечущей струей...
Ребенком, помнится, здесь летнею порой
В безмолвной праздности я сиживал, внимая.
Тонули шелесты и каждый звук иль шум
В широком ропоте лесного колыханья,
И смутным помыслом объят был детский ум
Средь грёз таинственных и робкого желанья.
1857

III

КРИВАЯ БЕРЕЗА

У нас в большом лесу глубокий был овраг
С зелёным дном из трав, а кверху в свежих силах
Рос густолиственно орешник и дубняк,
Приют певучих птиц и мух прозрачнокрылых.
А через весь овраг, начав с кривых корней,
Берёза белая, клонясь дугою гибкой,
Шептала листьями повиснувших ветвей
И гнулась на тот край к земле вершиной зыбкой.
О, как же я любил вдоль по её спине,
Цепляясь, всползая до самой середины,
И там, качаясь в воздушной вышине,
Смотреть на свет и тень в сырую глубь стремнины!
1859

IV

ДВЕ ЛЮБВИ

Я помню барышню в семействе нам родном
То было юное и стройное созданье
С весенним голосом, приветливым лицом,
Радушно отроку дарившее вниманье.
С благоговением я на неё смотрел,
Блаженствуя в мечтах стыдливых и спокойных;
Но образ мною всем иной тогда владел
То женщина была в поре томлений знойных.
Прикосновенье к ней, привет её любви,
И ласка мягкая, и долгое лобзанье
Рождали тайный жар в ребяческой крови,
На млеющих устах стеснялося дыханье...
1859

V

ПЕРВАЯ ДРУЖБА

Я помню отрока с кудрявой головой,
С большими серыми и грустными глазами...
Тропой росистою мы шли с горы крутой,
В тумане за рекой был город перед нами.
И дальний колокол кого-то звал – к мольбе;
А мы, обнявшись, при утренней деннице,
Мы дружбы таинство поведали себе,
И чистая слеза блеснула на реснице.
Расстались мы детьми... Не знаю, жив ли он...
Но дружбы первый миг храню я и донине
В воспоминании – как мой весенний сон,
Как песнь сердечную, подобную святыне.
1859

VI

НОВЫЙ ГОД

То было за полночь на самый Новый год,
А я один без сна лежал в моей постели
И слушал тишины дыхание и ход..
Лучи лампадные в бродячей тьме блестили.
В окно виднелся двор; он был и пуст, и тих,
По снегу белому с небес луна мерцала..
И мне пришел на ум мой первый, робкий стих
И рифма, как струи падение, звучала.
Я сердце посвящал задумчивой тоске,
В моем едва былом ловил напев унылый,
А мысль какой-то свет искала вдалеке,
И звали к подвигам неведомые силы.
1859 (?)

VII
ДУВР

У моря шумного, на склоне белых скал,
Где слышны вечных волн таинственные пени,
В унылой памяти я тихо вызывал
Моих прошедших дней исчезнувшие тени.
Из отдалённых мест, из смолкнувших времён
Они передо мной, ласкаясь, возникали,
И я, забывшись, поник в блаженный сон
Про счастье детское и детские печали.
О! погодите же, вживитесь в жизнь мою,
Давно минувшего приветливые тени!..
Но вы уноситесь... и я один стою,
И слышу вечных волн тоскующие пени.
1859

ЮНОШЕ

(Подражание Полонию)

[Вероятно, читатель помнит в "Гамлете" – наставление Полония Лаэрту. Примеч. Огарёва.]

Ступай, мой сын! Поостранствуй! Погляди!
Мне, старику, оно уже не лестно!..
Как сонный кот, забившись в угол тесный,
Я не ищу отрады впереди;
А молодёжь, с своим орлиным взором,
Летит вперед за волей и простором.
Учись! Пойми, что знание есть власть;
Умей страдать вопросом и сомнением,
Умей людей любить с благоговеньем,
И претворяй бунтующую страсть
В смысл красоты и веры благородной:
Живи умно, как человек свободный.
Пора любви придёт своей чредой:
Умей любовь проникнуть светом дружбы;
Но избегай, как гнета рабской службы,
Тяжелой свички, праздной и тупой,
Где женщина, весь день дыша разладом,
Тревожит жизнь докучно-мелким ядом.
За истину сноси обидный гнёт –
Без хвастовства, но гордо и достойно;
Будь тверд в борьбе и смерть встречай спокойно,
Не злобствуя и зная наперёд:
Народы все, помимо всех уроков,
Сперва казнят, а после чтут пророков.
Итак, ступай! Мужайся и расти!
На всё кругом смотри пытливым взглядом.
И, действуя наперекор преградам,
Не уходи с заветного пути..
Забудь в труде и страх и утомленье –
И вот тебе мое благословенье.
1859

Все превосходное...

Все превосходное,
Все благородное
Стало бесплодное;
Все, что ничтожное,
Пошрое, ложное,
В жизни всплывает
И отнимает
В виду могилы
Последние силы.
Тут-то и знай
Сил не теряй!
Как жить ни жутко,
Все сохраняй,
Все вызывай:
Свежесть рассудка,
Сердца движение,
Жаркое рвение,
Чувство святое
Любви и покоя,
Стойкость борьбы
Против судьбы,
Чтобы ничтожное,
Пошрое, ложное,
Как ни томя, ни губя,
Не раздавило тебя.
Без ожидания,
Без уставания,
Без содрогания
Где б ни застиг
Последний миг
Скажи себе,
Назло судьбе,
Что сохранил,
Покуда жил,
Все превосходное,
Все благородное.
1859

Свисти ты, о ветер, с бессонною силой...
Свисти ты, о ветер, с бессонною силой
Во всю одинокую ночь,
Тоску твоей песни пустынно-унылой
Ещё я берусь перевозмочь.
Я стану мечтать величаво и стройно
Про будущность нашей страны,
В доверчивой мысли светло и спокойно,
Мне делом покажутся сны.
Я вспомню о прошлом, о жизни сердечной,
Таинственном шёпоте дев.
И детской дремотой забудусь беспечно
Под твой похоронный напев.
1859

ПАМЯТИ РЫЛЕЕВА
В святой тиши воспоминаний
Храню я бережно года
Горячих первых упований,
Начальной жажды дел и знаний,
Попыток первого труда.
Мы были отроки. В то время
Шло стройной поступью бойцов -
Могучих деятелей племя,
И сеяло благое семя
На почву юную умов.
Везде шептались. Тетради
Ходили в списках по рукам;
Мы, дети, с робостью во взгляде,
Звучащий стих свободы ради,

Таясь, твердили по ночам.
Бунт, вспыхнув, замер. Казнь проснулась.
Вот пять повешенных людей...
В нас сердце молча содрогнулось,
Но мысль живая встрепенулась,
И путь означен жизни всей.
Рылеев мне был первым светом...
Отец! по духу мне родной –
Твое названье в мире этом
Мне стало доблестным заветом
И путеводного звездой.
Мы стих твой вырвем из забвенья,
И в первый русский вольный день,
В виду молодого поколенья,
Восстановим для поклоненья
Твою страдальческую тень.
Взойдет гроза на небосклоне,
И волны на берег с утра
Нахлынут с бешенством погони,
И слягут бронзовые кони
И Николая и Петра.
Но образ смерти благородный
Не смоет грозная вода,
И будет подвиг твой свободный
Святыней в памяти народной
На все грядущие года.
1859

Вырос город на болоте...
Вырос город на болоте,
Блеском суетным горя...
Пусть то было по охоте
Самовластного царя.
Но я чту в Петре Великом
То, что он – умен и смел –
В своеволии самом диком
Правду высмотреть успел,
И казнил родного сына
Оттого, что в нем нашел
Он не доблесть гражданина,
А тупейший произвол!
И я знаю – деспот пьяный,
Пьяных слуг своих собрат,
Был ума служитель рьяный
И великий демократ.
И если б мне пришлось прожить ещё года...
И если б мне пришлось прожить ещё года,
До сгорбкой старости, венчанной сединою,
С восторгом юноши я вспомню и тогда
Те дни, где разом всё явилось предо мною,
О чем мне грезилось в безмолвии труда,
В бесцветной тишине унылого изгнанья,
К чему душа рвалась в годину испытанья:
И степь широкая, и горные хребты –
Величья вольного громадные размеры,
И дружбы молодой надежды и мечты,
Союз незыблемый во имя тайной веры;
И лица тихие, спокойные черты
Изгнанников иных, тех первенцев свободы,
Создавших нашу мысль в младенческие годы.
С благоговением взирали мы на них,
Пришельцев с каторги, несокрушимых духом,
Их серую шинель – одежду рядовых...
С благоговением внимали жадным слухом
Рассказам про Сибирь, про узников святых
И преданность их жён, про светлые мгновенья
Под скорбный звук цепей, под гнёт заточенья.
И тот из них, кого я глубоко любил,

Стихотворения и поэмы. Николай Платонович Огарев ogarevn.ru
Тот – муж по твердости и нежный, как ребёнок,
Чей взор был милосерд и полон кротких сил,
Чей стих мне был, как песнь серебряная звонок,
В свои объятия меня он заключил,
И память мне хранит сердечное лобзанье,
Как брата старшего святое завещанье.
1861

МИХАЙЛОВУ[24] (Сон был...)
Сон был нарушен. Здесь и там
Молва бродила по устам,
Вспыхала мысль, шепталась речь –
Грядущих подвигов предтечь;
Но, робко зыблясь, подлый страх
Привычно жил ещё в сердцах,
И надо было жертвы вновь –
Разжечь их немощную кровь.
Так, цепenea, ратный строй
Стоит и не вступает в бой;
Но вражий выстрел просвистал –
В рядах один из наших пал!..
И гнева трепет боевой
Объемлет вдохновенный строй.
Вперёд, вперёд! разрушен страх –
И гордый враг падет во прах.
Ты эта жертва. За тобой
Сомкнётся грозно юный строй.
Не побоится палачей,
Ни тюрем, ни ссылок, ни смертей.
Твой подвиг даром не пропал –
Он чары страха разорвал;
Иди ж на каторгу бодрей,
Ты дело сделал – не жалеи!
Царь не посмел тебя казнить...
Ведь ты из фрачных... Может быть,
В среде господ себе отпор
Нашел бы смертный приговор...
Вот если бы тебя нашли
В поддёвке, в трудовой пыли –
Тебя велел бы он схватить
И, как собаку, пристрелить.
Он слово: казнь – не произнёс,
Но до пощады не дорос.
Мозг узок, и душа мелка –
Мысль милосердья далека.
Но ты пройдешь чрез те места,
Где без могилы и креста
Недавно брошен свежий труп
Бойца, носившего тулуп.
Наш старший брат из мужиков,
Он первый встал против врагов,
И волей царскою был он
За волю русскую казнён.
Ты тихо голову склони
И имя брата помяни.
Закован в железы с тяжёлою цепью
Идёшь ты, изгнанник, в холодную даль,
Идёшь бесконечную снежную степью,
Идёшь в рудокопы на труд и печаль.
Иди без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен, и святы страданья.
И верь неослабно, мой мученик ссыльный.
Иной рудокоп не исчез, не потух –
Незримый, но слышный, повсюдный, всесильный
Народной свободы таинственный дух.
Иди ж без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья.
Он роется мыслью, работает словом,

Он юношей будит в безмолвьи ночей,
Пророчит о племени сильном и новом,
Хоронит безжалостно ветхих людей.
Иди ж без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья.
Он создал тебя и в плену не покинет,
Он стражу разгонит и цепь раскуёт,
Он камень от входа темницы отдвинет,
На праздник народный тебя призовет.
Иди ж без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья.
1861

ВИХРЬ
Мчится вихрь издалека,
Ветер гонит облака;
Облака как одурели
мчатся по небу без цели.
Вдоль дороги пыль, как дым,
мчится облаком сухим.
Рожь, как волны, бьётся, гнётся,
С поля прочь куда-то рвётся.
Замахал ветвями сад,
Листья дико говорят;
Лист оторванный кружится,
И уносится, и мчится.
И смотрю я, сам не свой,
С беспокойною тоской
Мир безумный мчится мимо...
Устою ль я невредимо,
Иль уж взял меня разгром
Вслед за пылью и листом?
1862

ТАТЕ ГЕРЦЕН[25]
В дорогу дальнюю тебя я провожаю -
С благословением, и страхом, и тоской,
И сердце близкое от сердца отрываю;
Но в мирной памяти глубоко сохраняю
Твой смех серебряный и добрый голос твой,
И те мгновения, где родственной чертой
Твой лик напоминал мне образ безмятежной
Той чудной женщины, задумчивой и нежной.
Ты едешь в светлый край, где умерла она...
Невольно думаю с любовью унылой -
Как сини небеса над тихой могилой,
Какая вокруг неё зелёная весна,
Благоуханная, живая тишина.
И снится мне, как сон, вослед за тенью милой, -
И мягкий очерк гор сквозь голубую мглу
И дальний плеск волны о желтую скалу.
Подобно матери, средь чистых помышлений
Сосредоточенно живи, дитя моё;
Сердечных слёз и дум, труда и вдохновений
Не отдавай шутя, за блеск людских волнений
Тщеславной праздности безумное житьё.
В искусстве ты найдешь спасение своё;
Ты юное чело пред ним склони отныне
И в гордой кротости служи твоей святыне.
1862

Берёза в моем стародавнем саду...
Берёза в моем стародавнем саду
Зелёные ветви склоняла к пруду.
Свежо с переливчатой зыби пруда.
На старые корни плескала вода.
Под веянье листьев, под говор волны
Когда-то мне грезились детские сны.

С тех пор протянулось множество лет
В волнении праздном и счастья и бед,
И сад мой заглох, и береза давно
Сломилась, свалилась на мокрое дно.
И сам я дряхлею в чужой стороне,
На отдых холодный пора, знать, и мне,
А всё не забыл я про детские сны
Под веянье листьев, под говор волны.
1863 (?)

ЕХІІ

[Изгнание (франц.)]
Я том моих стихотворений
Вчера случайно развернул,
И, весь исполненный волнений,
Я до рассвета не заснул.
Вся жизнь моя передо мною
Из мёртвых грустной чередою
Вставала тихо день за днем,
С её сердечной теплотою,
С её сомненьем и тоскою,
С её безумством и стыдом.
И я нашел такие строки, –
В то время писанные мной,
Когда не раз бледнели щеки
Под безотрадную слезой:
"прощай! На жизнь, быть может, взглянем
ещё с улыбкой мы не раз,
И с миром оба да помянем
Друг друга мы в последний час".
Мне сердце ужасом сковало:
Как всё прошло! Как всё пропало!
Как всё так выдохлось давно!
И стало ясно мне одно,
что без любви иль горькой пени,
как промелькнувшую волну,
я просто вовсе бедной тени
в последний час не помяну.
1863

Мой русский стих, живое слово... [26]

Мой русский стих, живое слово
Святыни сердца моего,
Как звуки языка родного,
Не тронет сердца твоего.
На буквы чуждые взирая
С улыбкой ясною, – умея,
Их странных форм не понимая,
Понять в них мысль любви моей.
Их звук пройдет в тиши глубокой,
Но я пишу их потому,
что этот голос одинокой
Он нужен чувству моему.
И я так рад уединенью:
Мне нужно самому себе
Сказать в словах, подобных пенью,
Как благодарен я тебе
За мягкость ласки бесконечной;
За то, что с тихой простотой
Почтила ты слезой сердечной,
Твоей сочувственной слезой
Мое страданье о народе,
Мою любовь к моей стране
И к человеческой свободе...
За все доверие ко мне,
За дружелюбные названья,
За чувство светлой тишины,
За сердце, полное вниманья

Стихотворения и поэмы. Николай Платонович Огарев ogarevn.ru
И тайной, кроткой глубины.
За то, что нет сокрытых терний
В любви доверчивой твоей,
За то, что мир зари вечерней
Блестит над жизнью моей.
1862–1864

МОЦАРТ

Толпа на улице и слушает, как диво,
Артистов-побродяг. Звучит кларнет пискливо;
Играющий на нём, качая головой,
Бьёт оземь мерный такт широкою ногой;
Треща, визжит труба; тромбон самодовольный
Гудит безжалостно и как-то невпопад,
И громко все они играют на разлад,
Так что становится ушам до смерти больно.
Так что ж? Вся наша жизнь проходит точно так!
В семье ль, в народах ли – весь люд земного шара,
Все это сборище артистов-побродяг
Играет на разлад под действием угара...
Иные, все почти, уверены, что хор
Так сложен хорошо, как будто на подбор,
И ловят дикий звук довольными ушами,
И удивляются, когда страдают сами.
А те немногие, которых тонкий слух
Не может вынести напор фальшивой ноты,
Болезненно спешат, всё учащая дух,
Уйти куда-нибудь от пытки и зевоты,
Проклятьем награди играющих и их
Всех капельмейстеров, небесных и земных.
Люблю я Моцарта; умел он забавляться,
Дурного скрипача и слушать и смеяться;
Он даже сочинил чудеснейший квартет,
Где всё – фальшивый звук и ладу вовсе нет;
Над этим, как дитя, он хохотал безмерно,
Художник и мудрец! О, Моцарт беспримерный!
Скажи мне, где мне взять тот добродушный смех,
Который в хаосе встречает ряд утех,
Затем, что на сердце – дорогою привольной
Так просто весело и внутренне не больно!)
Середина 1860-х

СТУДЕНТ

(Посвящается памяти моего друга Сергея Астракова)
Он родился в бедной доле,
Он учился в бедной школе,
Но в живом труде науки
Юных лет он вынес муки.
В жизни стала год от году
Крепче преданность народу,
Жарче жажда общей воли,
Жажда общей, лучшей доли.
И, гонимый мстью царской
И боязнию боярской,
Он пустился на скитанье,
На народное воззванье,
Кликнуть клич по всем крестьянам –
От Востока до Заката:
"Собирайтесь дружным станом.
Станьте смело брат за брата –
Отстоять всему народу
Свою землю и свободу".
Жизнь он кончил в этом мире –
В снежных каторгах Сибири.
Но весь век нелицемерен –
Он борьбе остался верен.
До последнего дыханья
Говорил среди изгнанья:

Стихотворения и поэмы. Николай Платонович Огарев ogarevn.ru
"Отстоять всему народу
Свою землю и свободу".
1868

ГРАНОВСКОМУ
Вспомнил я, товарищ,
Ты сошёл в могилу,
Миру лучшей доли
Было ждаться не в силу.
Я схожу в могилу
Полный утомленья,
Не дождусь я тоже
Миру обновленья.
А настанет время,
Время жизни новой,
В мире отзовётся
Истинное слово.
Истинное слово
В мире повторится,
Истинное дело
В мире совершится.
Но не встрепенутся
На глухом погосте
Нами вековечно
Сложенные кости.
1868 (?)

Сегодня настроен мой мозг музыкально...
Сегодня настроен мой мозг музыкально,
Всё слышатся звуки, да звуки, да звуки;
Не то бы на стуле вздремнулось печально
От горьких воспоминок и скуки.
Какая тут музыка, милый ты мой,
То в пильне машина заводит свой строй,
Да в школе мальчишки, во славу творца,
Одну ту же ноту поют без конца,
И с улицы, в помощь им, голос подвёл
Усталый, забитый осёл.
Не люблю мальчишкам, не люблю ослам,
Не люблю работнику с пильной машиной,
Откуда ты музыку выдумал там?
Напев целой жизни расстроен кручиной.
1870–1871(?)

НА НОВЫЙ ГОД[27]
(Лаврову)
Мне звуки слышатся с утра до поздней ночи,
И многочисленны и полны торжества
Отверзты или сном уже сомкнулись очи,
И голоса звучат свежо, без ханжества:
Vive la patrie! Vive la patrie![28]
Мне слышатся они на чуждом языке,
И скорбию томят мой слух изнеможенный.
Но как тут быть! В родном краю иль вдалеке,
Везде один конец для жизни утомлённой,
А все же слышно: Vive la patrie!
Ещё я не погиб и звать готов ещё,
И, бодро отзвонив весь звон наш колокольный,
Не падши духом, я взываю не вотще,
Взываю к родине с моей чужбины вольной:
Вперед! вперед! вперед!
1876

МОЯ УЛИЦА В ГРИНВИЧЕ
Старик, параличом хвачённый,
Идет походкой удручённой,
И, взоры скорбные воздев,
К жильцам шлёт крик или напев:

Стихотворения и поэмы. Николай Платонович Огарев ogarevn.ru
Umbrellas to mend! umbrellas to mend![29]

Не хватит скудная работа,
Чтоб в жизни легче шла забота,
Но без неё под старость лет
Ни съесть, ни выпить средства нет:
Umbrellas to mend, umbrellas to mend!
Жена и дети по могилам
Жить долго было не по силам,
А он всё жив в параличе,
Несет котомку на плече:
Umbrellas to mend, umbrellas to mend!
Напевы сколько б ни взывались,
Без чинки зонтики остались,
Не нужен труд, бесплоден клик,
А он всё тот же тянет крик:
Umbrellas to mend, umbrellas to mend!
1877.

ПОЭМЫ

ЗИМНИЙ ПУТЬ[30]

(ИЗ ДОРОЖНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ)

Посвящено П. В. Анненкову

1

В дорогу я пустился в ночь.
Привычки трудно превозмочь:
Поутру я объят дремотой,
Потом, ход времени ценя,
Люблю я с мудрою заботой
Свершить обязанности дня,
То есть вкусить обед и ужин
(Всегда порядок в жизни нужен),
А в ночь свободно ехать. Вот
Уже и тройка у ворот,
И вот, скрипя, помчалась прытко
По снегу мерзлому кибитка.
Путь гладок и ярка луна,
Безмолвным светом ночь полна,
Студёный воздух сжат морозом;
Иглистый иней по берёзам
Повис недвижно и блестит;
Поляна снежная лежит,
Мерцающая отблеском лиловым,
И веет холодом суровым,
И взор с невольною тоской
Следит за смутною чертой,
Где небо далью бледно-синей
Слилось с белою пустыней.

2

А всё знакомые места!
Всё тот же скат с горы отлогой,
Сугроб у ветхого моста;
Всё так же узкою дорогой
Обоз ползет издалека,
Дразня лихого ямщика.
Кругом разбросаны селенья...
И знаю я наперечёт,
Где сколько душ, чьего владенья,
И где, и кто, и как живет;
Все знаю так, что даже скучно!
Но вырос в этом я краю;
Привычки детской раб послушный,
Его, быть может, я люблю.
Даруй вам, боже, сны благие,
Мои соседи дорогие!
В дыму удушливой избы
Спи крепко, труженик наш вечный –
Мужик ленивый и беспечный,

Прося не много у судьбы!
И ты, сосед, хозяин строгой,
Который грозно, в скорби многой,
Работаешь так много лет
На обязательный совет,
И ты усни! – Во сне, пожалуй,
Доход увидишь небывалый.
Вкусите мирный сон и вы,
Соседки, барыни лихие,
Которых ручки боевые
Легко с узорчатой канвы
И от вареньем полных банок
По неизведанным путям
Перебираются к щекам
Своих запуганных служанок...
Да будет всем вам мирный сон!
Теперь я так расположен
Учтиво, даже, может, нежно,
Что радостно б простить хотел
И грех, по жизни неизбежный,
И придурь – общий всех удел.

3

Ещё в избах кой-где мерцает
Лучины дымный огонек,
И дева вечный свой клубок
В полудремоте нарядует.
Я живо помню, как порой
Спокойная картина эта
Своею милой простотой
Меня пленяла в прежни лета;
Но ныне девы сонный лик,
Храпящий на печи старик,
И вечно плачущий ребёнок
В дырявой люльке, и телёнок
Над грязным месивом – ей-ей
Как жалкий образ жизни скудной
Тоской болезненной и трудной
Тревожат мир души моей.
Милей мне в этой деревушке
Воспоминанье об одной
Соседке, добренькой старушке,
С нехитрой, детскою душой.
Она, бывало, пред иконой
Взывает в искренней мольбе,
Чтоб бог ему был обороной
И пёкся о его судьбе;
Иль молча, сидя на диване,
Гадает трепетно о нём,
И всё о нём, о милом Ване,
О внуке ветреном своём.
"Ну, что ваш внук?"
"Писал недавно".
"Чай, денег просит милый внук?"
"Ну что ж, что просит? Вот забавно!
Ему ведь нужно для наук.
А мне?.., стара я для наряда,
И ничего самой не надо!"
И вынет дочери портрет,
В живых которой больше нет,
И смотрит с грустною отрадой,
И смотрит долго, и потом
Утрёт слезу свою тайком.

4

И вот ещё, близ церкви белой,
На снежном холме, при луне,
Я вижу – крест осиротелый
Стоит в печальной тишине
Над безыменной могилой...

И мужа, дышащего силой,
Опять на память мне пришло
И величавое чело,
И ум, наукою развитый,
И дух насмешки ядовитой
Над всем, что подло и смешно.
Он был когда-то мне одно,
Одно отрадное явление
В глуши печальных деревень, –
Где торжествующая лень
На ум наводит усыпление
И ни один ещё вопрос
Людей глубоко не потрёт.
Но мимо, мимо! сердцу больно!
Не вызывай теней из тьмы!
Зачем давать слезе невольной
Остыть на холоде зимы?..

5

И дале в путь! Встречают взоры
Равнины, горки, косягоры,
И вдоль пути ряд глупых вех,
И всюду неподвижный снег.
Вот здесь пустырь. Была недавно
Деревня. Жили в ней исправно;
Но от неё теперь одни
Торчат обугленные пни.
В субботу в ночь оно случилось:
Проснулась баба хлеба печь
И затопила – как водилось
Давно надтреснутую печь.
На крыше вспыхнула солома,
И, подхватив, пошла вьюга
Носить огонь от дома к дому
С остервенением врага;
И кровли, пламенем объаты,
Треща, обрушились в хаты.
Со сна вскочили мужики,
Стремглав пустились бабы в страхе
На улицу в одной рубахе,
За ними дети, старики..
Пожар! пожар! скорей! спешите!
Багры давайте, топоры!
Ломать!.. Да где ж их взять – багры?
Воды! вези воды! тушите!..
Крик, беготня, и вопль, и шум;
В беде исчез последний ум;
Хватились бабы за пожитки –
Спасать холсты, корыта, нитки..
А по дворам поднялся рёв
В огне покинутых коров,
В забытой люльке визг ребячий
Бессильно замер в общем плаче.
Спасенья нет! Толпа глядит,
Оцепенев, как всё горит;
Багровый блеск в мерцаньи длинном
Ложится по снегам пустынным.
Так в пору раннего утра
Я не застал уж ни двора.
Без слов, без дел, без помышлений
Бродили люди, словно тени;
С седую включенной косой
Старуха дряхлая сидела
У пепла и ребёнка грела,
Мотая глупо головой.
Там, где околица, бывало,
В сугроб закутавшись, дремала,
Спаленный столб печальный вид
Хранил, как старый инвалид.

Но тут (у выезда иль въезда),
В порыве бурного наезда,
Мне повстречался становой,
Приятель закадычный мой.
С пучком приятных увещаний,
По воле ревностных властей
Он торопился для стяжаний
Недовзнесенных податей;
Но тут – хоть в нём душа окрепла
На службе – перед грудой пепла,
Как будто громом поражён,
Велел остановиться он.
Вздыхнул, привстал, всплеснул руками
И вновь их опустил... Потом
Уныло щелкнул языком,
И мы разъехались...

б

Полями
Я еду долго. Скучен путь!
Но вот направо повернуть,
И виден лес в тиши глубокой.
Луна мерцает сквозь дерев,
И тени длинные стволов
По снегу стелются. Далеко
В лесную глубь уходит взор;
Уныл и гол холодный бор,
И пусто отголосок смутный
Блуждает в чаще бесприютной.
За этим лесом на горе
Высокий дом стоит, дряхлая.
Я знал его в иной поре!
К нему вела дубов аллея;
Литой решётчатый забор
Каймил его широкий двор,
Шумел прохладой сад столетний
Приют роскошный неги летней.
И было время, каждый день
Из городов и деревень
Съезжались гости; дверь подъезда
Не умолкала от приезда,
И в дом богатый принимал
Гостей радушный генерал.
Храня времён минувших нравы,
Он жил вельможей и любил
Пиров затейливых забавы;
Свои доходы не щадил
И сотни слуг рядил, как франтов,
Держал собак и музыкантов;
Неистощим был мшистый клад
Душистых вин в его подвалах,
Достойно царственных палат
Сияла роскошь в пышных залах...
И вот к нему со всех сторон
Спешили гости на поклон:
Спешил бедняк, судьбой прижатый,
Искавший милости богатой,
Спешил и тот, кто от него
Не ждал, конечно, ничего,
Но так – лелеял вместо чести
Наклонность к бескорыстной лести,
И среди них торжествовал
Наш, впрочем добрый, генерал.
Он находился ль в убежденьи,
Как Цезарь (что известно всем),
Что лучше первым быть в селеньи,
Чем где б то ни было ничем;
Иль о покойнице-супруге
Хотел поплакать на досуге

– Соседями не решено.
Известно только, что давно
Он прибыл жить в свое именье
И скорбь легко мог превозмочь:
При нём, ему на утешенье,
Росла единственная дочь.
И он любил её – насколько
Любить способен человек,
Чей беззаботно-праздный век
Как непрерывный пир летел, – и только!
Он дочь обычно целовал
Поутру, с ложа сна вставая,
ещё – ко сну благословляя;
Как куклу в детстве одевал,
Потом ценою дорогою
Ей гувернантку нанимал,
чтобы обычной чередою
учила барышню всему,
что не полезно никому.
Ещё таилась в нем вера,
что жениха он сыщет ей,
По крайней мере, камергера,
Из важных графов иль князей.
И так он ждал, когда ей минет
Заветный срок – семнадцать лет,
Тогда деревню он покинет
И дочь введет в столичный свет.
Так старый садовод ревниво
В смиренный прячет уголок
Нераспустившийся цветок,
чтоб после выставить на диво
во всем пленительном цвету
волшебных красок красоту.
И срок настал! Незримым ходом,
Подкравшись тихо год за годом,
Пришла пора девичьих грёз,
Где дума новая мятётся
в головке юной, сердце бьётся
и просит счастья и слёз,
и грудь младую вздох подьемлет,
и взору снится тайный лик,
и ухо жаждущее внемлет
любви незнаемый язык,
Иль попросту: пора настала,
где барышня, окончив класс,
блеснуть желает в вихре бала,
красою свежую гордясь.
Благовоспитанной девице
Тогда одно и то же: жить,
или поклонников влачить
вослед надменной колеснице
победоносной красоты;
и эти гордые мечты
ведут к прямому окончанью,
чтоб по сердечному желанью
и без дальнейшего греха
найти скорее жениха.
Отец в восторге умиленья
обдумал праздник и наряд,
и в день дочернего рожденья
назначил бал и маскарад.
ко всем соседям, близким, дальним,
к властям уездных городов
и к лицам меньше подначальным
от генерала послан зов.
Сам губернатор приглашенье
почёл за честь, и было мненье,
что только архирей спроста

Отрекся близостью поста.
Я был тогда в поре блаженной
Невинных отроческих лет,
А генерал был наш сосед:
К нему нас, помню, неизменно
Возили по воскресным дням;
Привык я к людям и садам,
Но в этот раз меня смущала
Мне чуждая тревога бала.
Оркестр ударил, и тотчас
Все в залу ринулись, теснясь.
И я с подножия колонны,
Как будто в сказочный удел
Внезапным чудом занесённый,
Привстав на цыпочки, глядел.
Всё юное воображенье
Прельщало: и толпа людей,
И музыка, и блеск свечей,
И масок пестрое движенье.
Чего тут не было, мой бог!
Паяцы, рыцари, цыганки,
Маркиз напудренный, турчанки
Все нарядилось, кто как мог.
Тут был судья одет матросом,
И скромный стряпчий – казаком,
Тут был исправник с красным носом
Одет индейским петухом;
И даже Дарья Тимофевна,
Годов тяжёлый груз забыв,
Какою-то морской царевной
Явилась, плечи обнажив.
Шумело все. Старушки хором
За дочками следили взором,
И старички, очки надев,
Степенно наблюдали дев.
Но вот среди толпы предстала
Сама она, царица бала,
И гул сорвавшихся похвал
По зале дружно пробежал.
В кругу наперсниц суетливых,
Девиц жеманных и болтливых,
Она в безмолвьи тихом шла...
Самодовольно и несмело,
С венцом из листьев вокруг чела,
Как Норма[31] – вся в одежде белой...
Всё в ней в гармонию слилось:
Движений мягкая небрежность,
Лица мечтательная нежность,
И лоск волнистый русых кос,
И взор, томящей ласки полный,
Уста, раскрытые едва,
Как бы таящие слова
Для слуха сладкие, как волны,
Когда, сокрытый от лучей,
В тени журча, скользит ручей...
И вдруг с улыбкой добродушной
Она, презрев толпою скучной,
Ко мне, ребёнку, подошла
И тихо в польский увела.
Её руки прикосновение
На трепетной моей руке
Незримое напечатленье
Оставило. Так вдалеке
Знакомой песни голос милый
Тревожит долго слух унылый...
И после много, много лет,
Средь жарких снов, в чаду томленья,
Ловил мой отроческий бред

Черты знакомого виденья.
Но к делу! В сей юдоли слез
Есть люди вне беды и гроз,
Которых жгучие печали
Бог весть как в жизни миновали;
Легко, без долгого труда,
Цель добывалась их желаний
И застигала без страданий
Их смерти срочной череда.
Покинув сельскую свободу,
По ожиданию точь-в-точь,
В столице не прожив и году,
Наш генерал сосватал дочь
За юношу породы барской,
Которому господь послал
Богатства тьму и предстоял
Блестящий путь на службе царской.
Была ль довольна дочь иль нет,
По нраву ль был ей высший свет
Иль сердцу жить в нём было тесно
И жаль ей было то село,
Где мирно детство протекло,
Мне это вовсе неизвестно.
Но знаю то, что генерал,
Довольный тем, что жил не даром,
Допив за ужином бокал,
Апоплексическим ударом
На лоно праотцов своих
Перескочил в единый миг.
За гробом важные шли лица;
Дочь плакала. Тоскуя, зять
Наследство должен был принять;
Но, вечный баловень столицы,
Деревни он не посетил;
Сюда ж по воле барской был
Какой-то прислан плут наемный
Сбирать и доставлять доход;
А барин сам здесь не живёт.
Дом опустел. Сквозь ставень темный
Не улыбнется луч дневной,
Не взглянет грустно месяц томный.
И человеческой ногой
Не нарушаем мрак сырой;
И только ветер в дни метели,
Врываясь в трубы или щели,
Тоскует жалобно, один,
Безлюдных комнат властелин;
Да ночью сторож бесполезный
Печально бродит до утра
Вокруг пустынного двора
И сторожит замок железный...
И, право, жаль мне иногда,
Что, видно, в память дней бывалых,
Мне не придётся никогда
Блуждать в давно знакомых залах
И снова видеть по стенам
В причёсках странных те же лица
Старинных бар и прежних дам,
Давно сошедших в тьму гробницы,
И, право, жаль, что никогда
Не доведётся мне лениво
Сидеть на берегу пруда
Под старую плакучей ивой,
Глядеть, как тихо с высоты
Она зеленые листья,
Склоняя, медленно купает...
Недвижен пруд; хоть бы слегка
Пронёсся шелест ветерка,

И вечер ясный догорает,
Сливая мирно ночь и день
В одну задумчивую тень;
И ловит чуткое вниманье
Мгновенных звуков трепетанье
Над полусонною водой:
Шум крыльев птицы мимолетной
И под разбрызгнутой волной
Плесканье рыбки беззаботной.
7

Пошел! В ночи как днём светло,
Мой путь лежит через село
Огромное; в нём даже школа
Есть для детей мужского пола,
Тут жил учитель. С ним я был
Давно знаком. Мы в юны лета,
Под кровом университета,
Учились вместе. Я шалил.
А он, неловкий и смиренный,
Душою в бездну погруженный
Метафизических начал,
Прилежно Шеллинга[32] читал.
И в годы те, когда стыдливо
Ус пробивается едва,
Он душу мира[33] горделиво
Хотел понять как дважды-два;
Но только смутное сомненье
Ему навеяло ученье.
Он стал де Местра[34] изучать
И верх премудрости искать
Там, где – пиров пустые дети,
Не попадаясь в оны сети,
Мы видели, махнув рукой,
Туманный бред души больной.
Так в жизнь игрушкою случайной
Товарищ юности моей
Вошел, своей заветной тайны
Не разрешив и чужд путей
Ко счастью. Вечно недовольный
И миром и собой самим
И тяжелой бедностью томим,
Пошел он как учитель школьный
В наш край печальный, и готов
Был с добросовестностью милой
Учить читать тупых птенцов
И по складам и без складов.
Но тщетно! Сила изменила:
Он стал грустить, потом спился
И помешался. Я в то время,
Влача беспечно жизни бремя,
Под голубые небеса
Иной страны благоуханной
Свободно путь держал желанный.
Когда же из чужих сторон
Вернулся я в родные степи
Принять обычной жизни цепи,
Я поспешил к нему, и он
Был страшно рад мне, жал мне руку
И, тайную скрывая муку,
Мне говорил, что он спасён,
Что душу мира видит он,
Но окруженную толпами
Каких-то гаденьких детей,
Должно быть, маленьких чертей,
Горбатых, подленьких, с хвостами,
Его дразнящих языками.
Но этот жизни жалкий сон
Был скоро смертью пресечён.

Я друга схоронил. Но сухо
На сердце было; на глаза
Не пробивалася слеза,
И в голове бродило глухо,
Что даже лучше для него,
Чтоб вовсе не было его.

8

Я с похорон спешил. Желалось
Домой, скорей бы лечь в постель,
Заснуть и позабыть... Смеркалось,
Была сердитая метель.
След занесло. Ямщик крестился,
Глядя с боязнию кругом;
Ступали лошади с трудом,
А снег валил и ветер злился...
Дрожь пробирала, и тоской
Томила мысль, и сердце ныло...
И вдруг мне память воскресила
Иное время, путь иной:
Я уезжал – то было летом,
Сияла пышная луна,
Была прозрачным полусветом
И свежей влагой ночь полна.
Мне расставаться было трудно,
Но как-то молодо и чудно
На сердце было! А кругом
Шептался в роще лист с листом,
И тихо веял воздух сонный
Какой-то негой благовонной,
И звонко пел во мгле ветвей
Печаль и счастье соловей.

9

Но стой! Вот станция! Встречает
Смотритель с заспанным лицом,
Мундир потёртый надевает,
Стоит у двери, и потом
Выходит вон, ворча сквозь зубы.
А я, освободясь от шубы,
Томим зевотой и ленив,
Сажусь, сигару закурив.
Пока со сна ямщик впрягает,
Пока, колеблясь и треща,
Уныло сальная свеча
Передо мною нагорает
Часы стенные в тишине
Одно и то же сипло, глухо
Лепечут в мерной болтовне,
Как сумасшедшая старуха.
И как-то жутко! Дух в груди
Теснится; думы смутно бродят.
То будто горе впереди,
То будто призраки проходят
Людей минувших, и опять
Судьба готова повторять
Все жизни тяжкие мгновенья,
Ошибки, скорби и волненья...
Но полно! Звякнула дуга;
Нет времени для грусти праздной
Под звук часов однообразный:
Теперь минута дорога
Ведь я в уездный город еду
По тяжбе дать отпор соседу...
В уездном городе собор...
Но я спешу во весь опор
В иное каменное зданье,
Где на алтарь иным богам
Несут иное воздаянье:
То правосудья грязный храм.

По грязным лестницам в большие
Взойду я комнаты – и там
Увижу лица испытые
Вокруг запачканных столов;
Там руки грязные писцов
Скользят в бессмысленной отваге
Пером скрипучим по бумаге,
И заменяют все права
Одни продажные слова.
И вот судьбы моей отчизны!
И сколько жизней и умов
Тут гибнут, – высказать нет слов,
Хотите – совершайте тризны.

10

Но кони мчатся на восток.
Луна потухла. Понемногу
Рассвета трепетный поток
Ясней ложится на дорогу,
И, светом пурпурным горя,
Встаёт студёная заря,
И солнце в выси бледно-синей
Блестит над белою пустыней...
1854, март – 1855

ЮМОР[35]

Du, Geist des widerspruchs, nur zu!

Du magst mich fiihren.

Goethe. "Faust"

[Ты, дух противоречия!

Готов я покориться!

Гете. "фауст".]

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

...Небрежный плод моих забав,

Бессонниц, легких вдохновений,

Незрелых и увядших лет,

Ума холодных наблюдений

И сердца горестных замет.

Пушкин

1

Подчас, не знаю почему,
Меня страшит моя Россия;
Мы, к сожаленью моему,
Не справимся с времен Батыя;
У нас простора нет уму,
В своем углу, как проклятые,
Мы неподвижны и гниём,
Не помышляя ни о чём.
Куда ни взглянешь – всё тоска,
На улицах всё снег да холод,
К тому ж и жизнь нам нелегка:
Везде безденежье да голод.
Министром Вронченко[36] пока;
Канкрин уж слишком был немолод,
На лаж ужасно что-то скуп,
А рубль-целковый очень глуп.
В литературе, о друзья
(Хоть сам пишу, о том ни слова),
Не много проку вижу я.

Стихотворения и поэмы. Николай Платонович Огарев ogarevn.ru
В Москве всё проза Шевырёва[37] –
Весьма фразистая статья,
Дают Парашу Полевого[38],
И плачет публика моя;
Певцы замолкли, Пушкин стих,
Хромает тяжко вялый стих.
Нет, виноват! – есть, есть поэт,
Хоть он и офицер армейской[39];
Что делать, так наш создан свет, –
У нас, в стране Гиперборейской,
Чуть есть талант, уж с ранних лет –
Иль под надзор он полицейской
Попал, иль вовсе сослан он.
О нем писал и Виссарьон[40].
Но перервёмте эту речь,
Литература надоела;
Пусть пишет Нестор, пишет Греч[41],
Что нам до этого за дело?
Позвольте на диван мне лечь:
Закурим трубку – вот в чём смело
Могу уверить вас: сей дым
Уж нынче дамам невредим.
Да, в этом есть успех у нас,
Уж вовсе время исчезает
Олигархических проказ;
Нас спесь уже не забавляет,
В гостиных скучно нам подчас,
На балах молодежь зеваает,
Гулять не ходит на бульвар, –
У ней в чести Швалье да Яр[42].
Порой и я – известно вам
Люблю одну, две, три бутылки
Хоть с вами выпить пополам:
Умы становятся так пылки,
Даётся воля языкам,
А там ложись хоть на носилки...
Но я боюсь за одно:
Ну надоест нам и вино?..
Тогда что делать? Час избрав,
Ступай в деревню, мой приятель,
Агрономических забав
Усердный сделайся искатель,
Паши три дня – и будешь прав.
Я о крестьянах, как писатель,
Сказал бы много – но молчу;
Не то чтоб... просто не хочу.
Но мне в деревне не живать;
Как запереться в юных летах!
Я в полк собираюсь, щеголять
Хочу в усах и эполетах,
Скакать верхом и рассуждать
О разных воинских предметах;
Наверно, быть могу я, друг,
Монтекукулли иль Мальбруг[43].
А может быть, и сей удел
Пройдет сквозь пальцы – и на свете
Останусь я без всяких дел,
Подумаю о пистолете,
Скажу, что свет мне надоел, –
Что ничего уж нет в предмете,
Взведу курок... о человек!
Минута – и твой кончен век!
Скажу, и брошу пистолет,
Спрошу печально чашку чая,
Торговли нашей лучший цвет;
А жалок мне удел Китая[44].
У Альбиона чести нет,
Святую совесть забывая,

Имея очень жадный нрав,
Не знает он народных прав.
Хотел ещё о том о сём,
О Франции сказать два слова
И с вами разойтись потом,
Но мы до времени другого
Отложим это, – да, о чём
я начал, бишь? А! Вспомнил снова:
О родине. О, край родной!
Но спать пора нам, милый мой,
2

А! Вы опять пришли ко мне.
Давайте ж говорить мы с вами
О Франции. Наедине
Оно позволено с друзьями
И даже в здешней стороне,
Но с затворёнными дверями;
Не то без церемоний вас
Попросят к Цынскому[45] как раз.
Я сам был взят, и потому
Кой-что могу сказать об этом.
Сперва я заперт был в тюрьму,
Где находился под секретом,
То есть в подвале жил зиму
И возле кухни грелся летом,
Потом решил наш приговор,
Чтоб был я сослан под надзор.
Но *satis, sufficit*[46], мой друг,
То есть об этом перестану.
Мне грустно нынче. Все вокруг
Так вяло – сам я духом вяну;
Сам растрavляю свой недуг,
Тревожу в сердце где-то рану.
Занятъе глупое! Оно
И больно очень и смешно.
Да как же быть? И если б вам
В себя всмотреться откровенно,
Вы грусть и с желчью пополам
В душе нашли бы непременно.
В халате, дома, по коврам
Ходили б молча совершенно,
Иль напевали б – и в такой
Прогулке шел бы день-другой.
Сказать вам правду – это мы
Давно привыкли звать хандрою:
Недуг, рожденный духом тьмы
И века странной пустотою,
Охотой к лету средь зимы,
Разладом с миром и с собою,
Стремленьем, наконец, к тому,
Что не даётся никому.
Возьмите факты: древний мир
Весь только жил для наслажденья;
Но этот свержен был кумир,
И стали жить для размышленья
Там с миром, здесь с собою мир;
У нас же глупое смешенье:
Всегда, одно другим губя,
Мы только мучим лишь себя.
Не правда ль, сказано умно,
Хотя поэзии тут мало?
Да что? Признаться вам, давно
Все как-то в жизни прозой стало,
Как отшипевшее вино
В стекле непитого бокала;
Отвыкли мы от сладких слёз,
От юных шалостей и грёз.
Как вспомнишь радость и печаль,

Что в прежни годы волновали,
Как нам становится их жаль!
Как возвратить бы их желали!
Свята для нас былого даль...
И вот ещё грустней мы стали!
Где сердца жар? Где пыл в крови?
Где мир мечтательной любви?
Быть влюблену в то время мне,
Быть может, раза два случилось,
Тогда я плакал в тишине,
При встрече с нею сердце билось,
Бледнели щеки, – в каждом сне
Передо мной она носилась,
Я просыпался, а мой сон
И наяву был продолжен.
Но к делу, не теряя слов.
Великий прах из заточенья[47]
Прибыл в Париж – и Хомяков[48]
На этот счёт стихотворенья
(Прескверных несколько стихов)
В журнале тиснул, к сожаленью.
И потому позвольте дать
Совет – стихов вам не читать.
Да вообще журналов сих
Вы – много дел других имея
И не читайте. Что вам в них?
Сенковский все не любит Сея[49],
Хотя и эконом an sich[50],
И деньги любит, не краснея
(Что быть посажену в тюрьму
Преград не сделало ему).
Потом об укрепленьях толк
В Париже очень долго длился.
Их строят, чтобы русский полк
В столицу мира не пробился.
Я патриот, свой знаю долг,
Но взять Парижа б не решился.
Я думаю, довольно с нас,
Когда мы усмирим Кавказ.
Я на Кавказ собираюсь сам,
Быть может, нынешним же летом,
Взглянуть на горы и к водам
(Больным считаясь и поэтом).
Что ж? Вместе не угодно ль вам?
Со мною согласитесь в этом,
Что с вами время там вдвоём
Мы тихо, свято проведём.
Там снежных гор... Но, боже мой,
Об этом сказано так много!
Замечу только – труд большой
Пускаться в длинную дорогу,
Вы там на станции иной
Умрете с голоду, ей-богу!
В Париже больше ничего
Нет для разбора моего.

З

Снег желтый тает здесь и там;
Уж в марте нам не страшны стужи,
Весною веет воздух нам,
Нам ясный день сулит весну же,
И безбоязненно ушам
Торчать позволено наруже.
Хочу я вас просить, друг мой,
Пешком гулять идти со мной.
Пойдемте прямо на бульвар,
В среду толпы надменно-праздной
Давнишних барышень и бар,
Гуляющих в одежде разной:

Стихотворения и поэмы. Николай Платонович Огарев ogarevn.ru
Бартенев, Szafi, Jean Sbogar[51].
И рыцарь все однообразный,
Всё верный прежних лет любви
И все они друзья мои.
Не правда ль? Как кажусь я вам?
Годился б я в аристократы?
Но мне неловко быть средь дам:
Я, primo, человек женатый,
Secondo, мне не по чинам
(Хоть всем знаком я как богатый);
O tertio я умолчу,
Его сказать я не хочу.
К тому ж во мне другая кровь,
В душе совсем другая вера:
Есть к массам у меня любовь,
И в сердце злоба Робеспьера.
Я гильотину ввёл бы вновь...
Вот исправительная мера!
Но нет ее, и только в них
Могу я бросить желчный стих.
Признайтесь, горек наш удел:
Здесь никого не занимает
Ход права и гражданских дел,
Иной лишь деньги наживает,
Другой чины, а тот несмел;
Один о выборах болтает
(Quoique, a vrai dire, on en rit[52])
Дворянства секретарь (Убри[53]).
Я с теми враг, кому знаком
Рассудок чёрствый, и не боле;
Кто даже мертвым языком
Толкует о широкой воле,
Кто только всех своим умом
Занять стремится поневоле,
Кому природы заперт храм,
Кто чужд поэзии мечтам.
Пойдемте же! Вот здесь, друг мой,
Увидим дом, где я жил прежде.
Любил любовь, был юн душой
И верил жизни и надежде;
Сперва (обычай уж такой)
Был немцу отдан я невежде,
Потом один, и в двадцать лет
Уже философ и поэт.
О! годы светлых вольных дум
И беспредельных упований!
Где смех без желчи? пира шум?
Где труд, столь полный ожиданий?
Ужель совсем зачерствел ум?
Ужели в сердце нет желаний?
Друзья! Ужели в тридцать лет
От нас остался лишь скелет?
Прошу не слушать, милый друг,
Когда я сетую, тоскую,
Что всё безжизненно вокруг,
Что сам веду я жизнь пустую.
Минутен, право, мой недуг,
Его я твердостью врачую,
И, снова прежней веры полн,
Плыву против житейских волн.
К чему грустить, когда с небес
Нам блещет солнца луч так ясно?
Вот запоют "Христос воскрес",
И мы обнимемся прекрасно,
А там и луг и шумный лес
Зазеленеют ежечасно,
И птиц весёлый караван
К нам прилетит из южных стран.

К чему грустить? Опять весна
Восторгов светлых, упованья
И вдохновения полна,
И сердца скорбного страданья
Развеет так тепло она...
Но мы оставимте гулянье
Имея в мысли ширь полей,
Смотреть мне скучно на людей.

4

Уж полночь. Дома я один
Сижу и рад уединенью.
Смотрю, как гаснет мой камин,
И думаю – все дня движенье,
Весь быстрый ряд его картин
В душе рождают утомленье.
Блажен, кто может хоть на миг
Урваться наконец от них.
Я езжу и хожу. Зачем?
Кого ищущу? Кому я нужен?
С людьми всегда я глуп и нем
(Не говорю о тех, с кем дружен).
Свет не влечет меня ничем
В нем блеск ничтожен и наружен.
Не знаю, право, о друзья,
К чему весь день таскаюсь я!
Уж не душевный ли недуг,
Не сердца ль тайная тревога
Меня толкают? Шум и стук
Не усыпляют ли немного
Волненья наших странных мук
И скуку жизни? Нет, ей-богу,
Во внешности смешно искать,
Чем дух развлечь бы и занять.
Камин погас. В окно луна
Мне смотрит бледно. В отдаленьи
Собака лает – тишина.
Потом забытые виденья
Встают в душе – она полна
Давно угасшего стремленья,
И тихо воскресают в ней
Все ощущенья прежних дней.
В такую ж ночь я при луне
Впервые жизнь сознал душою,
И пробудилась мысль во мне,
Проснулось чувство молодое,
И робкий стих я в тишине
Чертил тревожною рукою.
О боже! в этот дивный миг
Что есть святого я постиг.
Проснулся звук в ночи немой
То звон заутрени несётся,
То с детства слуху звук святой.
О! как отрадно в душу льётся
Опять торжественный покой,
Слеза дрожит, колено гнётся,
И я молюся, мне легко,
И грудь вздыхает широко.
Не всё, не всё, о боже, нет!
Не всё в душе тоска сгубила.
На дне её есть тихий свет,
На дне её ещё есть сила;
Я тайной верою согрет,
И, что бы жизнь мне ни сулила,
Спокойно я взгляну вокруг
И ясен взор, и светел дух!

5

Меня вы станете бранить,
Что патетические строки

Сюда я вставил, – я шутить
Готов опять и за уроки
Благодарю вас. Может быть,
В моих стихах и есть пороки,
Но где ж их нет? А в светлый час
Как чувству не предаться раз?!
Ведь нужен же душе покой,
Ведь сердцу нужно наслажденье,
Не всё же шляться день-деньской
От апатии и к волненью,
Из клуба да на бал большой,
От скуки важной да к мученью,
От Чаадаева к Убри!,
Ведь сил нет, что ни говори.
По четвергам иль в день другой
Вы не являлись ни разу?
С ученой женщиной иной
Выдумывать несносно фразу;
её бегите вы, друг мой,
Как ядовитую заразу...
Я лучше между всех сих лиц
Люблю хорошеньких девиц.
Они так молоды; их взор
Так простодушно мил и нежен,
Их шаловливый разговор
Скользит шутя, всегда небрежен,
Люблю их слушать легкий вздор,
Я с ними весел, безмятежен,
И как-то молодею я,
Иль даже становлюсь дитя.
И, право, счастлив каждый раз,
Когда средь жизни обветшалой
Ребёнком делаюсь подчас;
Забыв тоску и нрав мой вялый,
От задних мыслей отступясь,
Я вспоминаю миг бывалый
Моих младенческих забав;
А в летах человек лукав.
Я помню дом, пруды и сад,
И няню... толстого соседа
С гурьбой его румяных чад,
К нам приезжавших в час обеда.
О, как тогда я жить был рад!
Но тех детей не знаю следа,
Мой сад заглох, уж няни нет
И умер толстый наш сосед.
Проходит всё, всему свой век,
Бород не брили наши деды,
И глуп был русский человек;
Его тогда бивали шведы,
Палач пытал его и сёк;
Теперь же мы вожди победы,
И, предков Петр пересоздав,
Пожаловал им много прав.
Не режет кнут дворянских спин,
Налоги платит только масса,
Служить мы можем до седин,
Начав с четырнадцата класса [54]
(ведь надо же иметь нам чин!),
И если служба не далася,
Мы регистратором всегда
В отставку выйдем, господа.
И выйдемте! что нам служить?
И где? помилуйте, в сенате?
Черно! Да что и говорить:
Без службы дома я в халате
Могу с утра сидеть, ходить,
Иль, тщетно времени не тратя,

Стихотворения и поэмы. Николай Платонович Огарев ogarevn.ru
Могу читать – хоть "Пантеон"[55],
В нем есть... но, впрочем, плох и он.
Со временем наверно книг
Я никаких читать не стану.
Что? Скучно! Не найдете в них
Ни мысли свежей; нет романа,
Который занял бы на миг
Хоть ночью вас, хоть утром рано,
И, право, лучше стану я
Сидеть и думать про себя.
Я иногда лежать привык
И так мечтать в припадке лени;
Я прелесть этого постиг;
Знакомые мелькают тени
То ножка, то прекрасный лик,
То улиц шум, то мир селений..
В сем духе я теперь точь-в-точь.
Итак, мой друг, подите прочь.

6

Простите, что расстался я
Отчасти неучтиво с вами;
Но церемониться нельзя
Между короткими друзьями,
И, откровенно говоря,
Могу ль я словом иль делами
Вас оскорбить, когда меж нас
Прямая дружба завелась?
Мне милы дружеских бесед
Простор, и воля, и оргия;
Вино струится, тайны нет
И торжествует симпатия.
Но горек праздничный обед,
Где гости по душе чужие,
Где вечно на застежке ум,
Вино першит и скучен шум.
Что если, друг мой, с пиром нам
Сравнить течение жизни шумной?
Не рады часто мы гостям,
Тяжел сосед благоразумный,
Несносна сердцу и ушам
Длина его беседы умной.
Пир все становится скучней
И ждешь десерта поскорей.
Советов слушайте моих:
Бегите, друг, людей отличных,
Известных, гордых, но пустых,
Блестящих умников столичных;
Любите добрых и прямых,
Немного глупых, непривычных
Блистать ни домом, ни умом
В простосердечии святом.
Я в жизни опытный старик
Все перечёл её страницы,
Ко всем вещам давно привык
И пригляделися все лица.
Блажен, кто хоть в единый миг
Мог утереть слезу с ресницы,
Когда любил или жалел,
Иль просто на небо смотрел.
А иногда так станешь сух,
Что невозможно умиление;
Всем нам досадно так вокруг;
Смешно философа сомнение,
К восторгам неспособен дух,
В них видишь только напряженье.
Нам глуп влюбленный в двадцать лет;
Мы всё клянем, чего в нас нет.
Вам скучно! я опять хандрю,

я закоснел в привычке старой
и про тоску всё говорю;
Люблю лежать в зубах с сигарой,
Печально в потолок смотрю,
Акомпанируюсь гитарой,
И напеваю *Casta div'* [56],
От Пасты [57] как-то затвердив.
Вы музыкант в душе, как я,
Бетговен вам всего дороже,
Но, южный край боготворя,
Люблю я и Беллини [58] тоже.
Слыхали ль вы "Жизнь за царя"?
Нет? – Ну и впредь спаси вас боже,
И русских опер вообще
Не нужно б нам иметь ещё.
В концерт любителей я вас
Прошу не ездить. Очень скверно
Поют любители у нас,
Совсем без такту и неверно,
Писклив дишкант и хрипел бас;
Но помогать в них страсть безмерна,
Любовь прямая к ближним есть
что, впрочем, делает им честь.
Ах, если б можно было мне
Поездить наконец по воле,
В любимой южной стороне!
В Венеции, катясь в гондоле
При плеске волн и при луне,
Внимать беспечно баркароле
и видеть в сумраке ночей
Огонь полуденных очей.
Но я в России, милый друг,
Как жук, привязанный за ножку,
Могу летать себе вокруг
и недалёко и немножко;
А нить не вытащишь из рук...
что значит жук – простая мошка
в сравненьи с толстым пауком
в мундире светло-голубом?
Но рассказать могу я вам,
Как путешествовал приятель.
Всю жизнь его вам передам;
Увидите, как мой мечтатель,
Безумно предаваясь снам,
чего-то вечный был искатель,
и как из странствия его
не вышло после ничего.

7

Но нет! Зачем мне мучить вас
Исторьей длинной и бессвязной?
Не лучше ль будет мой рассказ
Мне написать вам сообразно
Порядку тайному, что в нас
не болтовней безумно-праздной,
но смыслом внутренним души
определяется в тиши?
Хочу, чтоб список с наших дней,
Избыток чувств, живые лица
нашли вы в повести моей;
но будут многие страницы
написаны слезой очей
и кровью сердца... Луч денницы
как быть – не в радужном огне
рисует наше время мне.
не думайте, чтоб я отвык
на будущность иметь надежды,
мне чужд отчаянья язык,
достойный дикого невежды.

Но тяжек в веке этот миг,
От частых слез распухли вежды,
В грядущем, верю я, светло,
Но нам ужасно тяжело.
Мы с жизнью встретились тепло,
К прекрасному простерли руки,
Участье к людям нас вело,
Любовь к искусству, свет науки...
И что ж нас затереть могло
В тиски непроходимой скуки?
Не вы тоскуете, не я,
А все, друзья и не-друзья.
Друзья, невинны мы в ином,
Во многом виноваты сами.
Мир ждет чего-то; спорить в том
Отнюдь я не намерен с вами,
Пророки сильным языком
Уже вещали между нами,
и Charles Fourier и St.-Simon[59]
Чертили план иных времен.
Видали ль вы, как средь небес
Проходит туча над землею?
Удушлив воздух, черный лес
Недвижен, все покрыто мглой,
И птиц веселый рой исчез,
Чуть дышат звери пред грозюю
И в трепете чего-то ждут,
Вот наше время вам все тут.
Минует бури череда,
И жизнь светлее разольется;
Но скучно ждать нам, господа,
Пока вся туча пронесется.
Мы славы жаждем иногда
Без всяких прав на то; дух рвется
К самолюбивейшим мечтам...
Что б ни было, не легче нам.
Вот видите, уж кроме сих
В сём веке общих всем мучений,
Есть много мук у нас иных,
С людьми обидных столкновений,
Несносный холод к нам одних,
Других любовь – всё ряд волнений;
С иным сойдешься, а потом
Не согласишься с ним ни в чём;
Все это грустно! Счастлив, друг,
Кто запирается беспечно
В свой узенький домашний круг,
Спокоен, весел, жирен вечно,
И дети прыгают вокруг,
Жена, отличная, конечно,
Хозяйка, верно сводит счет,
А муж по службе вверх идет.
Скажу вам просто – дом такой
Благословен, мой друг, от бога;
Всегда в нём каждому покой,
Обед в нём сытен, денег много.
Ну что – нам с вами прок какой
Дала душевная тревога?
Зачем нам тот удел дать бог
Не захотел или не мог?
Не мог, не мог! Вот дело в чём.
Натура в нас совсем другая.
В нас в веке, может быть, ином
Была бы тишина святая;
Но в теле дряблом и больном
Теперь живет душа больная;
Мы суждены желать, желать
И всё томиться и страдать.

Давайте же страдать, друг мой!
Есть, право, в грусти наслаждение,
И за бессмысленный покой
Не отдадим души мученье;
В нём много есть любви святой,
Возьмем страданье и стремленье
Себе в удел – он чист и свят;
Ему как счастью я рад.

8

В венце из роз была она,
Стояла опустивши руки,
Но песнь её была полна
Какой-то бесконечной муки,
И долго мне была слышна,
И вслед за мной гнались звуки
"Ich bin ein Fremdling überall"[60]
И на сердце легла печаль.
И мне казалось, что, как тот
Безродный странник в край из края,
И мы весь век идем вперед
Вы, я, певица молодая..
Какая цель? и что нас ждёт?
И где для нас страна родная?
И всё звучит один ответ:
Блаженство там лишь, где нас нет.
Но мы уж так и быть, друг мой;
Певицу жалко мне; из платы
Ей надо звонкий голос свой,
Из глубины душевной взятый,
Напрасно тратить пред толпой,
Пред чернью, деньгами богатой,
И думать, что от жизни сей
Совсем не то ждалось ей.
Но уж концертов будет с нас,
Дошли мы до страстной недели.
Говеют люди; ночью, в час,
Встают, не выспавшись, с постели:
Их будит колокола глас.
Салопы, шубы иль шинели
Надев – уже они пешком
Идут молиться в божий дом.
Там тускл огонь свечей. В алтарь
Сердито входит поп косматый,
Угрюмо бродит пономарь,
Дьячок бормочет бородатый
И дьякон ищет свой стихарь;
Просвиря зябнет, сном объята,
Кадило рой детей несет
И веет ладан на народ.
Но, признаюсь, не вижу я
Особенной отрады в этом.
Говейте вы себе, друзья,
Я разве после стану – летом.
Попы, дьячки и ектеня
Не могут быть любви предметом.
Весь этот пародьяльный тон
Меня вгоняет в гнев иль сон.
Но если б жил я в веке том,
Когда Христос учил народы,
Его б я был учеником
Во имя духа и свободы;
Оставил бы семью и дом,
Не побоялся бы невзгоды
И радостно б за веру пал
И свой удел благословлял.
Бывало, часто в час ночной
Перед распятым на колени
Я падал с теплою мольбой,

Чтобы он дал среди мучений
Мне тот безоблачный покой,
С которым он без злобы, пени,
С любовью крест тяжёлый нёс
И всем прощенье произнёс.
О друг мой! как бы нам дойти,
Чтоб духом выше стать страданья
И ровно жизнь свою вести,
Как светлое души созданье,
Встречаться с каждым на пути
С любовью, полной упования,
Привлечь его, не дать коснеть
И сердце сердцем отогреть.
Но мы влиянье на других
В тоске растратили невольно;
Мы слишком любим нас самих,
Людей же любим не довольно;
Мы нашей скорбью мучим их,
Что многим скучно, близким больно,
А жизни лучшей идеал
Для нас невыполнимым стал.
Но, впрочем, что же? На кого
Прикажете иметь влиянье?
Собрать людей вокруг чего?
К чему им указать призванье?
Какая мысль скорей всего
Их расшатать бы в состоянье?
Как, эгоизм изгнав из них,
Направить к высшей цели их?
Не знаю, право. Целый век
Из этого я крепко бился,
На поиск направлял свой бег,
Везде знакомился, дружился;
Но современный человек
Был глух на крик мой. Я смирился,
И только малый круг друзей
Я затворил в любви моей.
В науке весь наш мир идей;
Но Гегель[61], Штраус[62] не успели
Внедриться в жизнь толпы людей,
И лишь на тех успех имели,
Которые для жизни всей
Науку целью взять умели.
А если б понял их народ,
Наверно б был переворот.
Итак, мой друг, когда пять-шесть
Друзей к нам вышло на дорогу,
То, право, мы должны принести
Большую благодарность богу,
И в этом много счастья есть;
Он дал нам много, очень много,
И грех великий нам хандрить
И дара неба не ценить.
С немногими свершим наш путь,
Но не погибнет наше слово;
Оно отыщет где-нибудь
Средь поколенья молодого
Способных далее шагнуть;
Они пусть идут в бой суровый,
А мы умрем среди тоски,
Страданья с верою легки.

9

Вдоль улиц фонари горят,
ещё безмолвна мостовая,
и лужи кое-где блестя,
Огонь печально отражая;
Но фонарей огнистых ряд
в ночи горит, не озаряя,

И звёзды ярко смотрят в ночь,
Но тьмы не могут превозмочь.
Раздался ровно в полночь звон,
В церквах "Христос воскрес" запели,
Бежит народ со всех сторон,
Кареты дружно зашумели.
Вы спите, друг мой? Сладкий сон
Дай бог на мягкой вам постели,
А я пойду... Но грустно мне.
Я лучше б плакал в тишине.
Но нету слез и веры нет
Младенческой в душе усталой,
На ней сомнений грустный след,
На ней печали покрывало,
И радость прежних детских лет
давно ей незнакома стала.
На звон без цели я иду,
Подарков от родных не жду.
И где родные все мои?
В тиши могил, отсель далече,
Заснули вечным сном одни;
С другими мне не нужно встречи;
Меж нами вовсе нет любви,
Докучны мне их вид и речи;
Конечно, есть ещё друзья,
Но и они грустят, как я.
Смотрю с кремлёвских теремов
Куда-то вдаль. Воспоминанье
Живит черты былых годов,
Назад влечёт меня желанье;
Там мир любви и светлых снов
И молодого упованья...
Но как кругом – в душе моей
Ночь, ночь и бледен свет огней.
С чего грущу? Не знаю сам.
Пойду домой. Как грудь изныла!
Как сердце рвётся пополам!
О, если бы имел я силу
На ложе волю дать слезам,
Быть может, мне бы легче было;
Но, боже мой! как стар я стал,
уж я и плакать перестал!
10
Я еду завтра. Может быть,
Меня отпустят за границу,
И в жизни новую раскрыть
Тогда придётся мне страницу.
Но не могу я позабыть
Ни вас, ни древнюю столицу;
Пожалуйста, мой друг, вдвоём
Последний день мы проведем.
Садитесь! Много кой о чём
Поговорить нам с вами можно.
Есть тайный страх в уме моём,
От думы на сердце тревожно...
Как знать? Вдали, в краю чужом
(Хотя я езжу осторожно)
Умру, быть может. Жалко вам?
Да не желал бы я и сам.
Вот воля вам моя одна:
Скажите тем, кого любил я,
что в смертный час, их имена
Произнося, благословил я,
что смерть моя была ясна,
что помнить обо мне просил я,
Смирясь, покорствовал судьбе
И скоро жду их всех к себе.
А может быть, из дальних стран

Я возвращусь здоровей втрое,
Очищен от сердечных ран
И вылечен от геморроя,
И довезет мой чемодан
Мне фрак последнего покроя;
А на прощание вдвоём
Бутылки две мы разопьём.
Сперва в бокал зелёный лью
Струю янтарную рейнвейна;
Во славу рыцарства я пью
И берегов цветущих Рейна.
Отвагу прежних лет люблю
От Карла и до Валленштейна [63],
И песнь любви среди жарких сеч,
Где в латы бил тяжёлый меч.
Пристрастен к средним я векам,
Люблю их замки и ограды,
Балкон высокий, нежных дам,
И под балконом серенады...
Луна плывет по небесам,
А звуки так полны отрады,
И ропот Рейна вторит им...
С зарей поход в Иерусалим.
Но что мечтать о старине –
Вино (?) уж в розовом бокале,
Звездясь, мечты другие мне
Несёт игриво... Что ж вы стали
И уст не мочите в вине?
Раз в раз бокалы застучали...
На юг, на юг хочу, друзья!
Да здоровствует Италия!
Цветет лимон, и золотой
Меж листьев померанец рдеет,
И воздух тёплой струёй
С небес лазурных тихо веет;
Лавр гордый поднялся главой,
И скромно мирта зеленеет.
Туда, туда! Среди друид
Там голос Нормы мне звучит.
Но прежде чем увижу юг,
Услышу музыку Беллини,
Заеду в Питер я, мой друг,
Где не бывал ещё доньше.
Аристократов рабский круг
Там жаждет царской благостыни,
И, ползая у царских ног,
Рад облизать на них сапог.
Скорей оставлю скучный град,
Пущусь на пароходе в море.
О, как впервые буду рад
Я на морском дышать просторе!
Далеко оттолкну назад
Хандру и истинное горе,
И буду, вдохновенья полн,
Внимать немолчный говор волн.
И буду взором я тонуть
В безбрежье неба голубого...
Но, боже! вдруг стеснилась грудь,
И грустно сердце бьётся снова.
Мне жаль пускаться в дальний путь,
И жалко края мне родного...
Ведь я люблю его, мой друг,
Одно я тело с ним и дух.
Я много покидаю в нём,
Расставшись с ним, теряю много.
Едва ль, я не уверен в том,
Мне чужеземная дорога
Его заменит... А потом,

Как разбирать все вещи строго
Чего бы, кажется, искать?..
Я, впрочем, буду к вам писать.
Куда б ни ехать – всё равно:
Везде с собою сами в споре,
Мученье мы найдем одно,
Будь то на суше иль на море;
Как прежде, как давным-давно,
За нами вслед помчится горе,
Аккорд нам полный, господа,
Звучать не станет никогда.
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Farewell!

Вугон
Прощайте!

Байрон (англ.).
Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит.

Пушкин
We see and read,
Admire and sigh and then
Succumb and bleed.

Вугон
Мы видим и читаем,
Восхищаемся и вздыхаем, потом
Падаем и истекаем кровью.

Байрон (англ.).

ПИСЬМО ПЕРВОЕ
3 апреля. Станция
1

Я начинаю к вам писать,
Мой друг, уже с полудороги.
Мне на шоссе нельзя пенять,
Он гладок, горы все отлоги,
Но в дилижансе плохо спать
И протянуть неловко ноги.
Я этим начал, чтоб потом
Не говорить уж мне о том.
Когда Москву оставил я,
В последний раз пожал вам руку,
Невольно сжалась грудь моя
И сердце ощутило муку.
О, с вами горько для меня,
Невыносимо несть разлуку.
Как ни крепился я – слеза
Мне навернулась на глаза.
Я ехал. Над моей Москвой
Ночное небо ясно было,
И тихо так на город мой
Звездами яркими светило.
А впереди, передо мной,
Все небо тучей обложило,
Меня встречал зловещий мрак;

Я думал: то недобрый знак!
Так, не довольные ничем,
Бог весть куда стремимся все мы,
Толкаемы, не знаю кем,
И вдаль, не знаю чем, влекомы,
Безумно расстаемся с тем,
Что мило нам; друзей и дома
Бросаем – сколько их ни жаль...
И ищем новую печаль.
Уж, право, не вернуться ль мне?
А вы, мой друг! Теперь, чай, сели
Перед камином, в тишине;
К вам думы грустные слетели;
Но раз, гадая на огне,
Мою судьбу вы знать хотели...
Что ж? вспыхнет синий огонек?
Да! нет! И гаснет уголек.
А предо мной во тьме ночной
Равнина тянется печально,
И ветви сосны молодой
Чернеют грустно в роще дальней.
Плетётся дилижанс рысцой,
Как пол лощёный в зале бальной,
Гладка дорога, скатов нет...
В степи печален и рассвет.
Рассвет! С улыбкой на устах,
Земной печали ввек не зная,
Восходит солнце; на полях
Кой-где белеет снег, блистая,
И листьев нет ещё в лесах,
Не вышла травка молодая;
А жаворонок средь небес
Уж с вольной песнию исчез.
И грустно мне певцу весны
Внимать в раздумьи и печали
Среди пустынной стороны;
Передо мною смутно встали
Все недоконченные сны,
Которыми полны бывали
Мои мечты в родной стране...
Опять вздохнуть пришлось мне!
Но полно. Перейти должны
Мы вновь к практическим предметам.
Мы разъезжать приучены
В России и зимой, и летом;
Но всё ж, подчас поражены,
Должны критическим замечам
Отвести мы место хоть слегка
Средь путевого дневника.
Во-первых, я замечу вам,
По непривычке ли к свободе,
По непривычке ли к правам,
Везде у нас в простом народе
Пристрастие к площадным словам:
Ругаться – в чрезвычайной моде...
Неделикатно и смешно,
И оскорбительно оно.
Люблю, когда перед избой
В кафтане, шапка набекрени,
Ямщик с широкой бородой
Сидит в припадке русской лени,
Склонясь на руки головой,
Поставив локти на колени,
И про себя поет в тиши
Про очи девицы-души.
И смотрит вдаль... и ждёт и ждёт,
Вот колокольчик раздаётся,
И по мосту, стуча, вперёд

Телега тройкою несётся
К нему – и стала у ворот,
И пар от коней клубом вьётся.
И вот ящик уж ящиком
Встречаем бранью иль толчком.
Характер русский на пути
Мне стал предметом изучения,
И в нём я должен был найти
Лень, удалство и грусть в смешеньи
С лукавством (боже нас прости!).
К обманам гнусным угнетенье
Нас приучило, также кнут.
Мудреного не вижу тут...
Всегда мы, встретясь с кем-нибудь,
Врага в нем видя иль Иуду,
Его же ищем обмануть.
Я это порицать не буду,
Весьма естествен этот путь;
А лень хвалить я просто буду:
Как мужику любить свой труд?
Богат он – больше оберут.
Я это говорю смеясь;
Но, друг мой, если бы вы знали,
Как желчь бунтует каждый раз,
Как вся душа полна печали,
Когда я думаю о нас!
Надежды все почти пропали,
Свое бессилье я сознал,
И нрав мой зол и мрачен стал.
Но, виноват! зовут меня
Уж пристегнули торопливо
К постромкам пятого коня;
Кондуктор ждёт меня учтиво,
Сурово нищих прочь гоня;
Уж сел ящик нетерпеливый.
Мой друг, пора, пора! Спешу!
Из Петербурга напишу.

2

Петербург
Я прибыл вечером, друг мой.
Шел дождик мелкий, понемногу
Дома скрывались в тьме ночной...
Свершив трехдневную дорогу,
Хотел скорей я на покой;
Но сердца странную тревогу
Преодолеть никак не мог
И долго спать ещё не лёг.
Хотел я тут же к вам писать,
Но как-то глуп был; стал уныло
По комнате моей шагать,
И что меня тогда томило,
Не в силах я пересказать:
Утраты ли того, что было,
Иль недоверчивость к судьбе
Не мог отчета дать себе.
Но было на душе темно.
Я поздно лег, проснулся рано;
Мне ветер сырой пахнул в окно.
Седое небо сверх тумана
На мир смотрело холодно,
И будто призрак великана,
В сырую мглу погружена,
Мне каланча была видна.
Вы согласитесь, что плохой
Прием мне сделала погода;
Я если б не страдал хандрой,
Её туманная природа
На ум навеяла бы мой...

Здесь говорят, что середь года
Выходит солнце только раз...
Блеснет и спрячется тотчас.
Я думал: житель здешних стран
Быть должен мрачен, даже злобен,
Всегда недуг сердечных ран
В себе самом таить способен,
Угрюм, задумчив, как туман,
Во всем стране своей подобен,
И даже песнь его должна
Быть однозвучна и грустна.
Хотелось город видеть мне.
Я на проспект пошел, зевая,
И изумился! Нам во сне
Толпа не грезилась такая
В Москве, где мы по старине
Все по домам сидим, скучая;
А здесь, напротив, круглый год
Как бы на ярмарке народ.
Без стуку по торцам катясь,
Стремятся дрожки и кареты;
Заботой праздною томясь,
Толпы людей, с утра одеты,
Спешат, толкаясь и бранясь.
Мелькают перья, эполеты,
Бурнусы дам, пальто мужчин;
В одеждах всех покрой один.
Чем эти люди заняты?
Какая цель? К чему стремленье?
Какая мысль средь суеты,
Среди всеобщего движенья,
Средь этой шумной пестроты?
Уж не народное ль волненье?
И! что вы? право, никакой
Тут мысли вовсе нет, друг мой.
Толпа стремится просто так,
Поест ьль пробежать глазами,
Как Магомет, султана враг[64],
Гоним союзными дворами,
И день убит уж кое-как.
С косою в руке, на лбу с часами,
Седой Сатурн на них на всех
Глядит сквозь ядовитый смех.
Мне стало страшно... Предо мной
Явилась вдруг жизнь миллионов
Людей, объятых пустотой,
К стыду всех божеских законов...
В толпе один приятель мой
Мне указал двух-трех шпионов,
И царь проехал мимо нас,
И сняли шляпы мы тотчас.
Потом пошли, и время шло,
И длинный день тянулся вяло,
И всё мне было тяжело.
Толпа шуметь не преставала.
Обед; вино лилось светло,
Но уж меня не забавляло;
Так я, являясь на бал,
Всегда угрюм и дик бывал,
Мне странен смех казался их
В огромной освещённой зале;
Я был среди людей чужих,
И сам чужой был всем на бале,
И мысли далеко от них
Меня печально увлекали
Туда, куда-то в мирный дол,
Где годы детства я провёл.
Но я кладу письмо в пакет,

Его с оказией вам шлю я.
Для вас ведь нового в том нет.
Писать по почте не люблю я;
Случиться может и секрет,
А уж никак не потерплю я,
Чтоб мне коко какой-нибудь [65]
Смел в жизнь и душу заглянуть.

3

Ложилась ночь, росла волна,
И льдины проносились с треском;
Седую пеною полна,
Подернута свинцовым блеском,
Нева казалась страшна,
Стуча в гранит сердитым плеском.
В тумане тусклом ряд домов
Смотрел печально с берегов.
Уже огни погашены,
Беспечно люди сном объаты;
Под ропот плещущей волны
Поденщики, аристократы,
Свои все люди грезят сны.
Безмолвны стогны и палаты...
Один, недвижим, на коне
Огромный всадник виден мне.
Чернея сквозь ночной туман,
С подъятой гордо головою,
Надменно выпрямив свой стан,
Куда-то кажет вдаль рукою
С коня могучий великан;
А конь, притянутый уздою,
Поднялся вверх с передних ног,
Чтоб всадник дальше видеть мог.
Куда рукою кажет он?
Куда сквозь тьму впери́л он очи?
Какою мыслью вдохновлён
Не знает сна он середь ночи?
С чего он горд? Чем увлечён?
Из всей он будто конской мочи
Вскакал бесстрашно на гранит
И неподвижен тут стоит?
Он тут стоит затем, что тут
Построил он свой город славный;
С рассветом корабли придут
Он кажет вдаль рукой державной;
Они с собою привезут
Европы ум в наш край дубравный,
Чтоб в наши дебри свет проник;
Он горд затем, что он велик!
Благоговел я в поздний час,
И трепет пробегал по телу;
Я сам был горд на этот раз,
Как будто б был причастен к делу,
Которым он велик для нас.
Надменно вместе и несмело
Пред ним колено я склонил
И чувствовал, что русский был.
Подняв я голову, потом
В лицо взглянул ему – и было
Как будто грустное что в нём;
Он на меня смотрел уныло
И все мне вдаль казал перстом.
Какая скорбь его томила?
Куда казал он мне с коня?
Чего хотел он от меня?
И я невольно был смущён;
Печально, робкими шагами
Я отошел, но долго он
Был у меня перед глазами;

я от него был отделен
Адмиралтейскими стенами,
А он за мною все следил,
И вид его так мрачен был.
И вот дворец передо мной
Стоял угрюмо и высоко;
В полудремоте часовой
Шагал у двери одиноко,
И страхом веял мне покой,
В котором спал дворец глубоко.
У ног моих Нева одна
Шумела, ярости полна.
А там, далёко за Невой,
ещё страшней чернелось зданье
С зубчатой мрачною стеной
И рядом башня. Вопль, рыданья
И жертв напрасных стон глухой,
Проклятий полный и страданья,
Мне ветер нёс с тех берегов
Сквозь стуки льдин и плеск валов.
Дворец! Тюрьма! Зачем сквозь тьму
Глядите вы здесь друг на друга?
Ужель навек она ему
Рабыня, злобная подруга?
Ужель, взирая на тюрьму,
Дворец свободен от испуга?
Ужель тюрьмою силён он
И слышать рад печальный стон?..
О! сройте, сройте поскорей
Вы эти стены, эти своды,
Замки отбейте у дверей,
Зовите всех на пир свободы!
Тогда, тогда толпы людей,
Тогда из века в век народы
Благословят вас и почтут
И вас святыми назовут.
Но глух дворец, глуха тюрьма,
И голос мой звучит в пустыне,
Кругом туман да ночи тьма,
И с шумом вал бежит по льдине..
Тоска души, тоска ума
ещё сильнее, чем доньше,
И тяжелее жизни крест..
И я бежал от этих мест.
И снова он, все тот же он,
Явился всадник предо мною,
Все так же горд и вдохновлён,
Все вдаль с простёртою рукою.
И мне казалось, как сквозь сон,
С подъятой гордо головою,
Надменно выпрямив свой стан,
Смеялся горько великан.

4

Что я писал вам в этот раз?
Письмо ли это или ода,
Или элегия? У нас
Последнего не терпят рода..
А было время – развелась
На вздохи, слезы, стоны мода;
Все вспоминали юны дни
И лезли в Пушкины они.
Да я и сам... но, боже мой!
Кого я назвал? Плач надгробный
Ужели смолк в стране родной?
Где наш певец, душой незлобный?
Где дивных песен дар святой
И голос, шуму вод подобный?
Где слава наших тусклых дней?

Внимайте повести моей.
О! там, в тиши родной Москвы.
От бурь мирских задвинув ставень,
И не предчувствуете вы,
Как душу здесь сжигает пламень;
Но будьте вы как лёд Невы,
Или бесчувственны, как камень,
Всё ж вас растопит мой рассказ
И выжмет слёз ручей из вас.
Когда молву, что нет его,
В столице древней услышали,
Всем было грустно от того;
Все посердились, покричали,
Но через день, как ничего,
Опять спокойно замолчали;
Так шумный рой спугнутых мух,
Взлетев на миг, садится вдруг.
Вчера я встретил невзначай
Два мальчика прошли с лотками
Статуюк. Тут был попугай,
Качали кошки головами,
Наполеон и Николай
Стояли, обратясь спинами,
И Пушкин, голову склоня,
Скрестивши руки, близ коня.
И равнодушною толпой
Шли люди мимо без вниманья,
И каждый занят был собой,
Не замечая Изваянья.
Да хоть взгляните, боже мой!
На лик, исполненный страданья
И дум и грез... Ведь он поэт!
Да дайте ж лепт свой за портрет!
Поэт не надобен для них,
Ему внимать им даже скучно,
И звонкий, грустный, яркий стих
Они услышат равнодушно,
Как скрип телег на мостовых,
Песнь аматера в зале душевной.
Они согласны быть скорей
Час целый у резных дверей,
Пока лакей им в галунах
Отворит вход жилищ священных,
Где можно ползать им в ногах
Временщиков и бар надменных
И целовать ничтожный прах
Людей ничтожных и презренных,
Которых кознями поэт
Погиб в всей силе лучших лет.
Ему досадой сердце жгли,
И дело быстро шло к дуэли;
Предотвратить её могли,
Но не хотели, не хотели,
К нему на похороны шли
Лишь люди в фризовой шинели,
И тех обманом отвели,
И гроб тихонько увезли.
Поэта мучить и терзать,
Губить со злобою холодной,
На тело мертвое не дать
Пролить слезу любви народной,
Что ж можно вам ещё сказать,
Что б было хуже? Благородный,
Священный гнев в душе моей
Кипит – чем скрытей, тем сильнее.
Но только втайне пару слов
Могу сказать в кругу собратий,
Боясь тюрьмы, боясь оков,

Боясь предательских объятий.
А как бы на его врагов
Я, сколько есть в душе проклятий,
Собрать был рад в единый миг,
Чтобы в лицо им плюнуть их!
И ваш ещё спокоен дух,
И не дрожите вы с досады,
Что так бессильны мы, мой друг,
И что нам правду прятать надо,
И мненью высказаться вслух
Везде поставлены преграды?
Да если б кто чужой узнал,
Он нас бы трусами назвал.

5

Но мы оставим мрачный тон,
Задернем скорбную картину;
Ваш дух тоскою удручен,
Я вижу, вы уж близки к сплину;
Я вам кажуся Цицерон,
Который метит в Катилину [66]
Неумолимый приговор
И гневный, беспощадный взор.
А я скажу вам между тем,
Что Цицерона я, бывало,
И не читал почти совсем,
По крайней мере – очень мало;
За длинный слог его дилемм
Я с жаром принялся сначала,
Потом за чтением сон клонил,
А нынче все я позабыл.
Вот здесь, ораторов венец,
Блестает Греч, скажу без лести;
Булгарин [67] выше как мудрец
Всех стоиков хоть взятых вместе,
Сознав презренье наконец
Не только к смерти, даже к чести;
Но полно, друг мой: Греч, Фаддей
Вне всякой критики, ей-ей!
Пожалуйста, на этот миг
Забудем дюжину журналов,
В форматах малых и больших,
Забудем кучу генералов,
Темно-зеленых, голубых,
И всех начальников кварталов,
И всех шпионов записных
Элькана, Фабра [68] и других.
Меня влечет иной предмет,
Но все ж замечу непременно
Шпионами чрез десять лет?
Все будут на Руси священной;
Ну, в целой Руси, может, нет,
А в Петербурге несомненно.
Князь Меттерних [69], забудьте спесь...
И царствовать учитесь здесь.
В углу театра я сидел
В расположении угрюмом,
На ложи холодно глядел,
Где дамы пышные костюмом
Блестали, – и скорей хотел,
Чтоб занавесь взвилася с шумом;
Зачем – не знаю, право, сам,
Хотел я волю дать слезам.
Вы согласитесь, друг мой,
Есть в жизни странные мгновенья;
Желчь не кипит в груди больной,
Стихает жгучее мученье,
Но грусть глубокая с душой
Дружится тихо... Без сомненья,

Благословен, кто в этот час
До слёз растрогать может нас.
Душа так живо сознаёт
Любви неопытной страданья,
И внешней жизни тяжкий гнёт,
И сладость первого признанья,
И нечувствительно встаёт
Неясное воспоминанье...

Пред вами драма, а за ней
Мелькает даль минувших дней.
М-me Аlлан...[70] О, как она
Постигла жизнь глубоко, верно!
Как ею роль вся создана!
И любит как она безмерно
И как страдает! как полна
Тоски она нелицемерно!
Движенье, поступь, взгляд очей
Все сильно поражает в ней.
Я плакал, как дитя, друг мой;
Тревожно грудь моя дышала.
За мной сидел старик седой
И плакал, и рука дрожала,
И жил он старою душой,
А публика рукоплескала;
Лишь двое чувствами души
Мы увлекались в тиши.
И я взглянул на старика
Так симпатически... готова
Была руки искать рука;
Но я не смел, но ни полслова
Не сорвалось с языка,
Я недвижим остался снова;
Расставшись молча с стариком,
Я не встречался с ним потом.
Но в этот вечер я унес
С собой толпу воспоминаний,
Следы душевных тёплых слёз
И много сладостных мечтаний;
И ночью, среди неясных грёз,
Я чье-то сердце от страданий
Спасал – и смутно предо мной
В слезах носился лик седой.

б

Была уж майская пора,
И солнце жаркими лучами
Палило пышный град Петра;
По улицам народ толпами
Стремился с самого утра,
Ходили стройными рядами
Отряды длинные солдат:
В тот день назначен был парад.
Направил любопытный шаг
И я туда ж, хоть в самом деле
Я был непримиримый враг
Забавам воинским доселе,
И не умел понять никак,
Как человек, в ком уцелели
Две мысли здравых как-нибудь,
На них мог с радостью взглянуть.
Но увлекаюсь часто я...
Леса и степь, весна и роза,
И ропот при луне ручья,
И яркий иней в день мороза
Все тотчас радует меня.
Теперь Allegro maestoso[71],
Обняв торжественно мой слух,
Душою завладело вдруг.
Толпы несчётные полков

Стоят на площади широкой,
Густая масса их рядов
Недвижна в тишине глубокой,
На солнце блещет сталь штыков,
Так что смотреть не может око,
И кажет кирасиров ряд
На белом фоне чернеть лат.
Между улан и казаков
Гусары с грудью золотою;
Лишь оторвавшись от полков,
Гремя железной чешуёю,
Летит черкес между рядов,
На месте быстрою рукою
Вертит коня, и конь, заржав,
Назад несёт его стремглав.
Все в ожидании немом.
Вот скачет царь с блестящей свитой,
Играет ветер его пером,
Он горд и пасмурен. Сердито
Он озирается кругом
И едет в ряд. В едино слито,
"Ура" полков и трубный звук
Навстречу раздаются вдруг.
Марш заиграл. Пошла раз в раз
Пехота массою спокойной;
За нею конница вилась
Колонной пёстрою и стройной...
Я сам был воин в этот час!
В душе проснулась беспокойно
Потребность крови и войны...
Как люди странно созданы!
Что, если б я на этот миг,
Прямого полный вдохновенья,
Мог прокричать отважный клик
Священного освобожденья?
За мной! Точите меч и штык!
Я поведу вас в направленьи,
В котором эти господа
Не поведут вас никогда.
Но мы об этом помолчим,
Мечтой не увлечёмся даром;
Солдат наш глуп ещё – бог с ним, –
Привычен к палочным ударам,
И вольность не любима им,
Живущим в предрассудке старом.
Да, вольность, друг мой, вообще
Народу рано дать ещё.
По крайней мере все пока
У нас ещё такого мненья:
Пускай нам будет жизнь легка,
Народу отдадим мученье,
На чернь взирая свысока,
В залог мы ей пошлем терпенье.
А почему все это так
Я не могу понять никак.
Печально глядя на полки,
Я думал: боже, боже правый!
Страданья наши велики!
И долго деспотизм лукавый,
Опершись злобно на штыки
И развращая наши нравы,
Ругаться будет над людьми;
Проклятье войску, черт возьми!
7
Сии огромные сфинксы приаелвны
и поставлены здесь.
Ну виноват! Не мог в стихах
я передать вам фразы странной,

В академических умах,
Мелькавшей как-то в день туманный;
Глупа она, конечно, страх,
И поражает вас нежданно,
И пахнет пудрой, париком
И семинарии пером.
Что ж делать? глупость с давних дней
Всех академий достоянье,
Времени новейших фарисей
Имеет в оных заседанье;
Но хуже не найти, ей-ей,
Людей духовного нам званья:
Из всех апостолов святых
Иуда лишь в чести у них.
Здесь, кстати, я сказал бы вам,
Законы разбирая строго,
О том, что всем у нас к чинам
Открыта быстрая дорога;
Но о чиновничестве нам
Говорено, мой друг, так много,
Что признаюсь – мне оно
Уже наскучило давно.
К тому ж, скажу без дальних слов,
Я рад, что нет аристократов,
И если б не было рабов,
Я всех бы счёл за демократов;
Но этот вечный Хлестаков
С гурьбой военных наших хватов
Невольно желчь вливают в кровь.
Но к сфинксам возвратимся вновь.
Забавно видеть, как уста,
Лицо, глаза уродов Нила
Какой-то нежности черта
Роскошно, страстно озарила.
Востока жизнь моя мечта
В душе внезапно воскресила;
Передо мной лежала степь
И пирамид огромных цепь.
Воскресла, мыслию полна,
Страна, где воплощался Брама,
И с богом мстительным страна
Сынов лукавых Авраама;
Потом другие времена...
Люблю мечтать про рай ислама,
Смотреть, как скачет бедуин,
Песок взметая средь равнин.
Люблю я пальмы и цветы,
Безбрежность, полную покоя,
Олив зелёные листья
И час полуденного зноя,
И прелесть смуглой красоты,
И запах мирры и алая,
И жизни лень, и пыл в крови,
И негу жгучую любви.
Я не скрывал, мой друг, от вас
Происхожденьем я татарин[72].
Во время оно окрестясь,
Мой прадед вышел русский барин.
С тех пор уж много было нас;
Я богу очень благодарен,
Что наконец рождён на свет
Такой же барин, как мой дед.
Дворянство наше всё почти
Татар крестившихся потомки,
Но можно изредка найти
Фамилий княжеских обломки,
Да как-то мало в них пути;
Их имена, конечно, громки,

Но представители имён
Глупеют в быстроте времён.
Как я досадовать привык,
Волненью тайному послушный,
Я позабыл любви язык,
Нет в мысли шуточки простодушной,
Пропало все!.. Лишь боли крик
Живёт в груди равнодушной,
Негодование растёт,
И все внутри палит и жжёт.
Вы помните, что нравом я
Был тихий, кроткий, даже нежный,
Любил зелёные поля,
И тёмный лес, и скат прибрежный,
Друзей беседу, шум ручья,
В тиши ночной напев мятежный,
И Теклу Шиллера[73], и сны,
И луч задумчивой луны.
Здесь все пропало! Целый день
Ношусь я в сердце с злобой скрытой,
Не сплю ночей. То будто тень
Блуждаю с думой ядовитой,
То в апатическую лень
Впадаю вдруг, тоской убитый,
И политический наш быт
Меня без отдыха томит.

8

Есть домик старый. Он стоит
Давно один на бреге плоском.
У двери ходит инвалид.
Две комнаты. С златистым лоском
Налево образ, и горит
Пред ним свеча и каплет воском;
Направо стул простой с столом,
Нева течет перед окном.
Тут он сидел и создавал...
Велик и прост. Сюда порою
Послов заморских принимал;
А здесь он, оскорблён борьбою
С людьми, пред образом стоял
И дух крепил себе мольбою,
И грудь широкая не раз
Вздыхала тяжело в поздний час.
Теперь все пусто. Этот дом
На вас могильным хладом веет,
И, будто в склепе гробовом,
Душа тоскует и немеет,
Ей тяжело и страшно в нём,
И так она благоговеет,
Как будто что-то тут давно
Великое схоронено.
Есть замок на горе крутой,
Он дышит роскоши отрадой,
Тенистых лип дряхлеет строй
Пред ним зелёною оградой;
Сверкая шумною струей,
Фонтаны вниз бегут каскадой,
И море синее легло
У ног горы и вдаль пошло.
Была блестящая пора...
Здесь прежде женщина живала
И блеском пышного двора
Себя тщеславно окружала,
И с полуночи до утра
На ложе мягком отдыхала,
Несытой неугою полна,
В руках любовников она.
Но всё прошло – и простота

Царя великого России,
Царицы умной красота,
Обоих замыслы большие,
Цивилизации мечта,
И нынче времена другие
Разврат запачканный и лесть,
Вражда с свободой, мелкость, месть...
Падешь ты, гордый Вавилон!
Уж божий гнев тебе пророки
Давно сулят со всех сторон.
Ты глух пока на их упрёки,
Надменной злобой напыщён,
Но кары божие жестоки!
Бедой грозит народный стон,
Падешь ты, гордый Вавилон!
Томим глубокою тоской,
Сошел я к морю. Ветер злился,
Свистя над мрачной глубиной;
За валом вал седой клубился
И злобно прыгал, и порой
О берег каменный дробился,
И брызги дико вверх кидал,
И с тяжким стоном упал.
Я был доволен. Я внимал
Так жадно рёву непогоды,
Лицо на брызги выставлял;
Борьба души с борьбой природы
Так были дружны... И я знал,
что, весь мой век прося свободы,
как вал морской я промечусь
и после с стоном расшибусь.

9

Ну, радуйтесь! я отпущён!
Я отпущён в страны чужие!
Я этой мыслью оживлён;
Но были хлопоты большие...
Да это, полно ли, не сон?
Нет! Завтра ж кони почтовые
и я скачу von Ort zu Ort[74],
Отдавши деньги за паспорт.
Конечно, и в краю чужом
В Париже, в Риме, в Вене, в Праге
(Хоть смысла много нет и в том)
Берут налог с листа бумаги;
Тут ценность дел – вот дело в чём;
Но нет нигде такой отваги,
чтоб на людей начесть налог
С движенья рук их или ног.
Но что ж? Привычка и нужда.
Я заплатил без возраженья.
Не так ли все мы, господа?
Иной воскликнет – угнетенье!
Другой ему ответит – да!
И общее то будет мненье,
Все покричат себе, потом
Так и останется на том.
Но вам признаться должен я,
что мне в пути хотя не малом
Быть много времени нельзя:
Когда представлен генералом
Царю доклад был про меня,
чтоб я не вышел либералом,
Царь подписал: быть по сему,
Гулять шесть месяцев ему.
Полгода! только! о друг мой,
как это мало! И за что же
Предел поставлен мне такой?
что воли может быть дороже?

Но благодарною душой
я одарен тобой, мой боже!
И потому насчёт сего
я не скажу уж ничего.
Поеду. Что-то будет там?
Воскресну ли я к жизни новой,
всегда предаться новым снам
и новым мнениям готовый?
Иль, странствуя по тем местам,
с душой печальной и суровой
останусь я, как здесь бывал,
где столько скорбного встречал?
На ум приходят часто мне
мои младенческие годы,
село в вечерней тишине,
в саду светящиеся воды
и жизнь в каком-то полусне,
в кругу семьи, среди природы,
и в этой сладостной тиши
порывы первые души.
Когда мы в памяти своей
проходим прежнюю дорогу,
в душе все чувства прежних дней
вновь оживают понемногу:
и грусть и радость те же в ней,
и знает ту ж она тревогу,
и так же вновь теснится грудь,
и так же хочется вздохнуть.
И вот теперь в вечерний час
заря блестит стезёю длинной,
я вспоминаю, как у нас
давно обычай был старинный:
пред воскресеньем каждый раз
ходил к нам поп седой и чинный
и перед образом святым
молился с причетом своим.
Старушка бабушка моя
на кресло опершись стояла,
молитву шепотом творя,
и четки всё перебирала;
в дверях знакомая семья
дворовых лиц мольбе внимала,
и в землю кланялись они,
прося у бога долги дни.
А блеск вечерний по окнам
меж тем горел. Деревья сада
стояли тихо. По холмам
тянулась сельская ограда,
и расходилось по домам
уныло медленное стадо.
По зале из кадила дым
носился клубом голубым.
И всё такую тишиной
кругом дышало, только чтение
дьячков звучало, а с душой
дружилось тайное стремленье,
и смутно с детскою мечтой
уж грусти тихой ощущение
я бессознательно сближал
и всё чего-то так желал.
К чему все это вспомнил я?
Мой друг, я сам не знаю, право;
припадки это у меня
меланхолического нрава.
Быть может, важность всю храня,
вы улыбнетесь лукаво,
а может быть, мечтой своей
забудетесь средь детских дней.

10

Всходило утро. Небеса
 Румянцем розовым сияли,
 Как первой юности краса;
 Но улицы ещё дремали
 С домами белыми. Роса
 Кой-где блистала. Люди спали,
 И только белый голубок
 Кружился в небе одинок.
 Ворча сквозь зуб, попался мне
 Один гуляка запоздалый,
 Рукой цепляясь по стене;
 Да дворник, с вечера усталый,
 С глазами, слипшими во сне,
 Держа метлу рукою вялой,
 Зевая громко во весь рот,
 Стоял, крестясь, у ворот.
 Нева спокойною струей
 Лилась в течении ленивом,
 И утро ярко над водой
 Сверкало радужным отливом;
 Я в лодку сел, и след за мной
 Пошел в волнении игривом,
 И брызги искрились кругом,
 Взлетая звонко под веслом.
 Я выплыл в море, и оно
 Безбрежно синее лежало,
 Сияньем дня озарено,
 И тихо воды колыхало,
 Спокойной думою полно,
 И лодку медленно качало...
 Но с берегов ко мне в тот миг
 Звук ни единый не достиг,
 И было море все кругом...
 Лишь у меня над головою
 Носился радужным крылом
 Жужжащий шмель, и той порою
 Мы были только с ним вдвоём
 Затеряны над глубиною.
 Волну, жужжание его
 Я слышал, больше ничего.
 И хорошо так было мне,
 И я забыл про все печали,
 Беспечно вверясь волне;
 Терялись взоры в синей дали,
 Иль утопали в глубине,
 Иль в небе ясном исчезали.
 И чувствовал в раздольи я
 Лишь бесконечность да себя.
 Я в этот дивный, светлый час
 Благословил Неву и море;
 Душа покою предалась
 На голубом его просторе,
 И я, в столицу возвратясь,
 Забыл и ненависть и горе,
 Её без злобы увидал
 И в этот раз не проклинал.

11

Варшава
 Так я от невских берегов
 Поехал мирно, рысью ровной;
 Пять-шесть уездных городов
 ещё попались мне до Ковно,
 Потом пошли корчмы жидов,
 Хлевы свиней вонючих словно;
 Всех монополий вечный враг,
 Я под полой провез табак.
 И вот я в новой стороне,

И вот уж я середь Варшавы;
Дома твердят о старине,
Но мрачен город величавый,
Как витязь, падший на войне.
Везде сидит орел двуглавый,
Над жертвой крылья распустив
И когти хищные вонзив.
Мне жалко жертву. Не легка
Ей тяжесть этой зверской длани!
И если трону поляка
Когда-нибудь я словом брани,
Пусть высохнет моя рука
И пусть прильнёт язык к гортани;
Во мне вражды народной нет,
Дай руку, бедный мой сосед!
Твои права подавлены,
Трофеи древние отъяты
И дерзко прочь увезены;
Твоих царей сады, палаты
Сатрапам жалким отданы,
Тебе не счесть твои утраты!..
Бессильный стон один тебе
Остался в горестной судьбе.
Нет, я не враг тебе, сосед!
Как ты, и я люблю свободу
И дал ей жертвовать обет
Я пострадавшему народу
Теперь шлю братственный привет,
Твою жестокою невзгоду
С слезою вижу, Польши сын,
Как человек и славянин.
Вияся темной полосой,
У ног Варшавы вьется Висла
И ропщет быстрою волной,
И этот ропот, полный смысла,
Звучит мучительной тоской;
И туча чёрная нависла
Над городом, как мрачный свод
Над гробом. Спи, мертвец народ!
На берегу поляк сидит;
Поляк задумчив, головою
Склонясь кудрявой, вдаль глядит,
И взор безвыходной тоскою
Так полон. Бледен цвет ланит.
Поляк, поляк! С твоей страной
Что случилось, бедный человек?
Что Польша? Умерла навек?
Так в Вавилоне при реках
Они печальные сидели
С молчаньем грустным на устах
И песни вольные не пели,
Повесь арфы на ветвях,
И всё о родине скорбели,
И ждали – выведет пока
Из плена божия рука.
Жди, Польша, молча, и поверь,
Всё это было в божьей воле;
Спроси попов своих теперь,
Они научат, как в неволе
Смиряться должно; рая дверь
Тебе покажут. Что же боле?
А в жизни этой ты страдай,
Носи ярмо и умирай.
Все это, видно, надо так!
Несите крест с благоговеньем,
Любви достоин каждый враг,
Вооружайтесь терпеньем;
Но к Висле не ходи, поляк,

Сидеть с печальным размышленьем,
Вода заманчива – и в ней
Легко укрыться от скорбей.

12

Есть близ Варшавы дивный сад.
Каштанов темная аллея
И тополей высоких ряд
К нему ведут; там, зеленея,
Сирени пахнут и шумят,
И роза юная, краснея,
В тени листов цветет, пышна,
Душистой жизнью полна.
Лазёнки[75]! Мне вы навсегда
В воспоминаньи сохранились,
Мы там на берегу пруда
С весной друг другу поклонились.
Светла, как зеркало, вода,
И к ней деревья наклонились,
Фонтан журчит, и меж ветвей
Не умолкает соловей.
Не знает птичка наших бед,
Для песен ей везде свобода;
Спокоен розы пышный цвет,
И от заката до восхода,
И до конца с начала лет
Себялюбивая природа
Блещет дивною красой
Средь жизни вечно молодой.
И без участия глядит,
Как мимо, с вечною тоскою,
Венцом страдальческим покрыт,
Дыша сердитою враждою,
Не выпуская меч и щит,
Окровавленную стопу
Идет угрюм из века в век
Себялюбивый человек.
В саду стоит высокий дом.
Король жила в нем для забавы,
Теперь живет враждебно в нем
Вожь подозрительный, лукавый[76],
Чужим поставленный царем,
Но в дни бесславья, как в дни славы,
Журчит фонтан, и меж ветвей
Не умолкает соловей.

12

Калиш
Граница. Через полчаса
Я в Шлезии. И вот смущенье
Теснит мне грудь. Поля, леса,
И запах роз, и птичек пенье,
И голубые небеса
Чужое всё! ещё мгновенье
И закричу невольно я:
Уж вот нерусская земля!
Как это чувство странно, друг!
Конечно, разницы ни малой
Нет в двух шагах; но как-то вдруг
Я отдохнул душой усталой,
Как будто цепь свалилась с рук,
И так легко, легко мне стало,
И с верой я на жизнь взглянул
И вольно, широко вздохнул!
В столице Севера, потом
В столице Польши я душою
Был просто мученик. Огнем
Мне сердце жгло; уж не хандрою
То, что меня томило днем
И ночью мучило тоскою,

я назову – а было, друг,
Отчаянье мой злой недуг.
Уж в будущность страны моей
Никак не мог я верить боле,
И думал: видно, вечно ей
Судил господь страдать в неволе..
И начинал я видеть в ней
Одно заброшенное поле,
Бесплодную глухую степь,
И жизнь звучала мне как цепь.
Но, друг, едва ли я был прав:
Когда б, с холодным рассуждением
Все вещи строго разобрав,
На всё я мог взглянуть с терпеньем
Не то б нашел. Но слабый нрав
Увлёкся внутренним мученьем,
И, как растоптанный цветок,
Я только грустно вянуть мог.
Что ж, с жизнью сладит ли мой ум
И заживёт ли сердца рана,
Когда предстанут мне – средь дум:
Германия? Средь океана
Смышлёный Лондон? Вечный шум
Парижа? Снежный верх Монблана,
И с небом вечно голубым
Над старым Тибром старый Рим?
Не знаю! верю! но темно
Грядущее перед очами;
Бог весть, что мне сулит оно!
Стою со страхом пред дверями
Европы. Сердце так полно
Надеждой, смутными мечтами
Но я в сомнении, друг мой,
Качаю грустно головой.
И вот я вспомнил, как подчас
Мы с вами вечером сидели
Перед камином, и у нас
Под вопль пронзительной метели
Беседа мирная велась.
Признаться вам, часы летели
И даже дело к утру шло,
А было на сердце светло.
Я стану верить. Много есть
Чудесных в жизни сей мгновений,
И если б нам их перечесть!
Вот хоть теперь – ночные тени
Исчезли; радостную весть
С залогом новых наслаждений
Несет мне радужный восток,
Светя на бедный городок.
Addio! [77] Мне пора, друг мой!
Длинна, длинна моя дорога!
С слезою я, мой край родной,
Стою у твоего порога.
Да будет свято над тобой
Вовек благословенье бога!
Гляжу полупечально вдаль,
И, право, – как мне всех вас жаль!
1840 – 1841

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ
(через двадцать семь лет)

1

С чего проснулось дней былых
Душе знакомое волнение,
И все мне слышен мерный стих
и рифм созвучное паденье?

Я так давно чуждался их,
Их звуков страстное плетенье
Казалось праздностью уму,
Да и не нужным никому.
Что ж обновило бодрость сил?
Ужель весенних песен звуки
До этих пор не схоронил
Ни опыт лет, ни труд науки,
Ни ряд ошибок и могил,
Ни холод обыденной скуки?
Ужель я так остался цел,
Что просто я помолодел?
О нет! Я понимаю вас,
Мои предсмертные сказанья,
В вас не взойдут на этот раз
Любви стремленья и страданья,
Не отзовется тихий час
Спокойно-грустного мечтанья.
Возникли вы не для утех
В последний стон, в предсмертный смех.

2

С тех пор как я начальных строф
Слагал задумчивые строки,
Прошло десятка три годов,
И жизни жесткие уроки
Не проскользнули без следов,
Казня в размеренные сроки
Бедой и злом, – и борода
Давно становится седа.
Гляжу, усталый от всего,
Гляжу с тяжёлым напряженьем
На то, что вовсе не ново,
На мир, исполненный волненьем,
И на себя на самого,
И полон внутренним сомненьем,
Что ж я?., споткнувшийся пророк,
Иль так... распутный старичок?
И жалок мне мой прошлый путь!
Я много ль истине дал ходу?
Свершил ли я хоть что-нибудь?
Одну принес ли жертву сроду?
Иль жизнь умел я повернуть
Страстишкам маленьким в угоду,
И сил не поднял с той поры,
А просто все схожу с горы?
Быть может, что под старость лет
Мысль эта всякому пригодна
Ни счастья, ни покоя нет,
И жизнь мелка и несвободна;
А может быть, постичь секрет,
Как жить с своим понятием сходно,
Безумно только я не смог
И гибну средь пустых тревог?..
Когда же, внутренней тоской
И покаяньем утомленный,
Гонясь за мыслию живой,
Гляжу на мир, мне современный,
Мне так же жалок круг людской,
Весь этот круг заговоренный,
Где каждый доблестный народ
Ещё полнейший идиот.
Наш нескончаемый прогресс,
И потому недостижимый,
Похож на путь чрез длинный лес,
Безвыходный, неизмеримый,
Разбоя полный и чудес,
Где зверь большой, несокрушимый
Под песню старых, глупых слов

На бойню шлёт простых скотов.
Война и кровь!.. Так вот предел,
Где стали мы с образованием,
Где даже сохранился цел
Дух революций с их преданьем
Единства национальных дел
И всех языц размежеваньем,
Которых цели так дики,
Что царским жадностям с руки.
Война и кровь!.. Вот наш привал,
Где, как в чаду былых столетий,
Опять народ рукоплескал
С избытком чувств и междометий,
Где старый прусский генерал.
И император, счетом третий,
Все оттого так и сильны,
Что люди глупы и скверны.
Война и кровь!.. И много лет
Или веков в резне безумной
Ещё пройдут... Надежды нет!
В потемках смрадных дракой шумной
Заменят люди мир и свет,
Не нужен им исход разумный
И человек рожден холоп,
Любовь к свободе есть поклёп.
Все это выражаю я,
Быть может, очень прозаично,
Лишь было ясно бы, друзья,
А там будь плохо, будь отлично..
Да и не ищет речь моя,
Чтоб муза пела в ней антично,
А сердца боль так велика,
Что к слову просится тоска.
Всемирный шум, всемирный шум,
Германо-римский люд великий,
Многоболтливый Аввакум[78],
Снаружи гладкий, в сердце дикий,
Не ты моих властитель дум!
Твои затверженные крики
Нейдут твоим пророкам вслед,
И мира нового в них нет.

3

"Что ж сладко вашему уму?"
Меня вы спросите. – "Россия?
Мы, к сожаленью моему,
Не справились с времен Батыя",
Скажу я также в эту тьму,
Как говорил во тьмы былые.
"Да! Но тогда жил царь-отец,
А этот добр и молодец".
Да будет жирен ваш обед
И крепок храп на сон грядущий,
Вы верите?.. Так вам и след,
Спасаем верой муж имущий,
Но не спасут народ от бед
Ни пошлый лоб, назад идущий,
Ни пара истуканных глаз,
Где мысли луч давно погас.
Вы верите, что юный царь[79]
Есть, так сказать, освободитель?
Мужик, который раб был встарь,
Закабаленный стал платитель
И нищ, как был во время бар,
А царь, отечества спаситель,
Крестьянскую понюхав кровь,
Сам на дворян оперся вновь.
Вы дворянин, вам в жизни пир
Всегда был нужен и приятен,

Холопствуйте! Чиновный жир
Не тяготит, не кажет пятен,
Да и за вас есть целый клир
Вам друг Катков, вам друг Скарятин,
Вы так подлы, что царь вперед
Опоры лучше не найдет.
Теперь же столько есть манер
Холопствовать с усердьем новым,
Позвать обедать, например,
Фон Комиссарова с Треповым[80],
Соцьяльных и иных химер
Быть палачом всегда готовым,
Да обругать казенный прах
В туманных тостах[81] и статьях.
Пожалуй, вторить станет вам
Народ во мраке всех незнаний,
Народ – стихия в рост векам,
Основа лучших сочетаний.
Его я, верно, не предам
Позору горьких порицаний;
Он тот – как Слово говорит
Кто сам не знает, что творит.
Я верю, что народ один
Ячейка общей лучшей доли,
Но даст ли рост ей господин
Определить не в нашей воле...
А с вами, истый дворянин,
Позвольте не встречаться боле:
В вас так холоп с злодеем шит,
Что ненавистен мне ваш вид.

4

Покинул я мою страну,
Где всё любил – леса и нивы,
Снегов немую белизну,
И вод весенние разливы,
И детства мирную весну...
Но ненавидел строй фальшивый
Господский гнёт, чиновный круг,
Весь "царства темного" недуг[82].
Покинул я родной народ,
Где я любил село родное,
Где скорбь великая живёт
Века в беспомощном застое,
Где гибнет мысли юный всход,
Томит насилие тупое,
И свежим силам так давно
В жизнь развернуться не дано.
Тайком работа шла у нас,
Я ждал, я верил в перемену,
Как узник верит каждый час,
Что вот конец настанет плену...
Была ли вера – правды глас,
Иль призрак счастью в замену?
Но этой веры не иметь
Пришлось бы просто умереть.
Покинул я моих друзей,
Но и они мне изменили;
Они мне в гордости своей
Моих ошибок не простили,
Они от истины моей
Давно, слабея, отступили,
И вот мне с робкой мыслью их
Связей нет больше никаких.
Один мне друг остался цел;
К нему влекли меня желанья,
И мощь любви, и жажда дел,
Одни стремленья и страданья;
Им труд начатый чист и смел,

Его рука, в стране изгнанья,
Закроет мне, не изменясь,
Мои глаза в урочный час.

5

Какая ночь! Чего в ней нет!
И тень и блеск! Душе печальной
Её дрожащий полусвет
Повеял негой музыкальной
Знакомых звуков – давних лет,
Из дальних стран, из жизни дальней,
Из дальней жизни ранних снов
Под напеванье мерных слов.
Сквозь серебряного дыма
Светит круглая луна,
Горной речки льется мимо
Неумолчная волна.

Помнишь сказку – все там сила
Про Илью-богатыря?

Няня, где твоя могила
У стены монастыря?

Помнишь комнаты большие
И больного старика?

И стучат часы стенные,
И безвыходна тоска?

Помнишь юное томленье,
Согревающее кровь,

И ненужное стремленье,
И ненужную любовь?

Ряд смертей и погребений
Все бесследно в мгле пустой,

Только призраки и тени
Мчатся в памяти больной...

Сквозь серебряного дыма
Светит круглая луна,

Горной речки льется мимо
Неумолчная волна.

Простите этот старый склад,
Он подвернулся неизбежно,

я даже к стансам был бы рад
Напев придумать очень нежный,

настроить слух на чуткий лад,
чтоб чувство меры безмятежно

вновь до гармонии дошло
Иначе в жизни тяжело.

Но музыкальная струя

Увы! во мне не уцелела,

и паром выдохлась, друзья,
иль скучным льдом заледенела;

Её разбила ль жизнь моя,
тщета ль общественного дела,

иль просто так, под старость лет,
изящных звуков жажды нет?

На этот раз, признаюсь вам,

я не хочу судить об этом;

Быть может, строю звучных гамм

Мне заниматься не по летам,

и потому намерен сам

я перейти к другим предметам,

где много желчи иль любви,

иль скорбной горечи в крови.

6

Я у окна стою один,

уныло вдаль вперяя взоры

на зелень мягкую равнин,

на белый снег, покрывший горы,

и слышу с низменных долин

лягушек трепетные хоры...

А в мыслях всё двойной предмет

Прогресс и память прежних лет.
В былой поре недавних лет,
Где мало света, много чада,
Где "в праздномыслии" поэт
Нашел, что есть своя отрада,
я не хочу сказать, что нет
живой струи, живого склада;
Но, признаюсь, я сам отстал
От этих барственных начал.
Нельзя идти, стремясь к добру,
На труд общественного дела,
Поэтизируя хандру
И усталъ сердца, усталъ тела,
Жалея томно поутру,
Зачем луна не уцелела,
А в годы прежние не раз
В том доля жизни шла у нас.
Унылый плач по юным дням,
Стремленье ввысь, к тому, что вечно,
Тоска по пройденным любиям
И вера в то, что бесконечно,
С глухим сомненьем пополам
Все это, может, человечно...
Тогда я тоже создавал
Весьма забавный идеал.
Я по коврам блуждал в тиши
И думал грустно: "Он был молод",
И наслаждался от души,
"что в душу вкрадывался холод".
Но ведь и те нехороши,
кто взвел свой полубарский голод
На степень правды... Больше груб
Он вышел, но не меньше туп.
Не отзовется ум живой
На звук напыщенных томлений;
Не вступит праздною стопой
Отсед шляхетских поколений
В движенье жизни трудовой,
Её страданий и стремлений,
чтоб стать с народом – как должно
в едином строе заодно.
Но я пророчу, не боясь,
Исполненный надежды смелой,
что новый кряж взойдет у нас
С стремленьем чистым, мыслью зрелой.
И пусть посердит вас и вас,
Но жизни будущего целой
Блеснет в нем яркая звезда
Затем и гнев ваш не беда...
1861

Примечания

1

При жизни Н. П. Огарёва вышли два сборника: Стихотворения. М., изд. К. Т. Солдатенкова, 1856 и Стихотворения. Лондон, 1858; кроме того, в 1857 году в Лондоне вышли отдельной книгой две части поэмы "Юмор". Первой попыткой выпустить поэтическое наследие Огарёва полнее было издание, подготовленное М. О. Гершензоном: Н. П. Огарёв. Стихотворения. Т. I–II. М., 1904. Из советских изданий наиболее авторитетны следующие: Стихотворения и поэмы. Т. I–II. Ред. и примеч. С. А. Рейсера и Н. П. Суриной. Л., "Сов. писатель", 1937 – 1938 ("Библиотека поэта. Большая серия"); Избранные произведения. В 2-х т. Вступит, статья В. А. Путинцева. Подгот. текста и примеч. Н. М. Гайденкова. М., Гослитиздат, 1956; Стихотворения и поэмы. Вступит, статья, подгот. текста и примеч. С. А. Рейсера. Л., "Сов. писатель", 1956. ("Библиотека поэта. Большая серия"); Избранное. Вступит, статья, подгот. текста и примеч. Г. Г. Елизаветиной. М., "Худож. лит.", 1977.

В настоящей книге тексты и даты печатаются по изданию Большой серии "Библиотеки

Стихотворения и поэмы. Николай Платонович Огарев ogarevn.ru
поэта" 1956 года. В примечаниях использованы разыскания Н. М. Гайденкова, С. А. Рейсера и Г. Г. Елизаветиной.

Произведения даны в хронологическом порядке.

²
"Огонь, огонь в душе горит..." (стр. 21).

Стихотворение является частью письма к А. И. Герцену от 9 сентября 1832 года.

³
"Когда в часы святого размышленья..." (стр. 22).

Стихотворение является частью письма к А. И. Герцену от 7 июня 1833 года.

⁴
На смерть поэта (стр. 26).

А тот, чья дерзкая рука – речь идет о Николае I.

Мундир лакейский – имеется в виду назначение Пушкина камер-юнкером.

⁵
"Я видел вас, пришельцы дальних стран..." (стр. 33).

Стихотворение посвящено декабристам, с которыми Огарёв встречался на Кавказе.

⁶
"Итак, с тобой я буду снова..." (стр. 36).

Посвящено первой жене поэта – М. Л. Огарёвой.

⁷
Старый дом (стр. 39).

Дом отца Герцена – И. А. Яковлева в Москве, в Большом Власьевском переулке, где Герцен жил до 1830 года.

⁸
Деревенский сторож (стр. 41).

Белинский писал Боткину: "Ночной сторож" Огарёва – прелесть. В душе этого человека есть поэзия". Положено на музыку Алябьевым.

⁹
Кабак (стр. 48).

Огарёв написал к этому стихотворению следующий комментарий: "Да, мне многое и многое хочется схватить из поэтической грусти и жизни России. Наша народность довольно оригинальна и содержит довольно глубокий поэтический элемент, чтоб трудиться представлять её в поэтических образах. И именно надо спуститься в низший слой общества. Тут-то истинная народность, всегда трагическая. Высший и средний слой, довольно уродливо проросший европейской жизнью, имеет больше комического элемента". Положено на музыку Алябьевым.

¹⁰
"Гуляю я в великом божьем мире..." (стр. 53).

Стихотворение представляет собой часть письма к Евдокии Васильевне

Стихотворения и поэмы. Николай Платонович Огарев ogarevn.ru
Сухова-Кобылиной (1819 – 1896), сестре драматурга А. В. Сухова-Кобылина, друга юности поэта. Ей посвящен большой цикл стихотворений, не вошедший в данное издание, под названием "Vись der Liebe" ("книга любви").

11

"К подъезду! – Сильно за звонок рванул я..." (стр. 59).

В стихотворении говорится о Маше Наумовой, родственнице Огарёва, жившей в его семье в 1820-х годах.

12

"На севере туманном и печальном..." (стр. 60).

Посвящено Е. В. Сухова-Кобылиной.

13

Искандеру ("я ехал по полю пустому...") (стр. 63).

В стихотворении речь идет о размолвке между Огарёвым и Герценом, с одной стороны, и Грановским – с другой, происшедшей летом 1846 года.

14

Монологи (стр. 65).

Эти стихи вызвали отрицательное мнение Белинского, протестовавшего против их напечатания в "Современнике". Однако они были там опубликованы, хотя и не все. Чернышевский полностью привел их в своей рецензии на сборник стихотворений Огарёва 1856 года; он считал, что Огарёв в них выразил "важный момент в развитии нашего общества".

15

Упование. Год 1848 (стр. 70).

В 1847 – 1848 годах во многих странах Европы прошли эпидемии холеры. В 1848 году началось революционное движение в Германии, Италии, Франции.

16

"Ave Maria" – "Радуйся, Мария" (лат.) – католическая молитва; имеется в виду вечерний звон колоколов в час чтения молитвы.

17

Арестант (стр 75).

Написано во время тюремного заключения в 1850 году. Распространилось как народная и солдатская песня.

18

Сплин (стр. 79).

В стихотворении есть отзвуки Крымской войны 1854 – 1855 годов. В волнах морских умолкнуло дитя – малолетний сын Герцена Николай в 1851 году погиб вместе с матерью Герцена Луизой Гааг при кораблекрушении.

19

status quo – существующий порядок (лат.)

20

[Е. Ф.] Коршу (стр. 90).

Евгений Федорович Корш (1810 – 1897) литератор и журналист, друг Огарёва. С конца 1850-х годов вступил в полемику с Герценом и Огарёвым, осуждая их эмигрантскую деятельность.

21

Предисловие к "Колоколу" (стр. 94).

Напечатано в первом номере "Колокола" (19 июня 1857 года).

22

Отступнице (стр. 96).

Посвящено Евдокии Петровне Ростопчиной (1811 – 1858) – писательнице, искренне выступавшей со словами сочувствия декабристам, угнетенной Польше, но к концу жизни значительно "поправевшей".

Петр Андреевич Клейнмихель (1793 – 1869) – главноуправляющий путями сообщения а 1840 – 1850 годах, ведал постройкой железных дорог и грабил одновременно и казну и рабочих.

23

К [В. А. Панаеву] (стр. 100).

Инженер Валериан Александрович Панаев (1824 – 1899) посетил Огарёва и Герцена в Лондоне в 1858 и 1859 годах.

24

Михайлову (стр. 127).

Михаил Ларионович Михайлов (1829 – 1865) – поэт, публицист, осужденный 14 декабря 1861 года на шесть лет кагорги за революционную прокламацию.

25

Тате Г[ерцен] (стр. 131).

Тата – Наталья Александровна Герцен (1844 – 1936), старшая дочь Герцена. Отклик на отбытие дочерей Герцена Натальи и Ольги из Лондона в Италию а 1862 году.

Ты едешь в светлый край, где умерла она – речь идет о жене Герцена Наталии Александровне Герцен (1817 – 1852), похороненной в Ницце.

В искусстве ты найдешь спасение свое – Тата Герцен успешно занималась живописью.

26

"Мой русский стих, живое слово..." (стр. 134). Обращено к Мери Сетерлеид.

27

На новый год (стр. 141).

Ответ на следующее стихотворение П. Л. Лаврова, посвященное Огарёву:

Поклон борцу минувших лет
На новый день его рожденья!
Пусть примет дружеский привет
Во имя вечного движенья,
Во имя боя всех веков
За справедливость и свободу,
Во имя всех живых борцов
За благо русского народа.
Мы помним "Колокола" звон!

Стихотворения и поэмы. Николай Платонович Огарев ogarevn.ru

Он разбудил от сна Россию;
И вот теперь со всех сторон
Идут на бой борцы иные.
Идут в измученный народ,
Идут в голодные селенья;
Всех русских голос их зовет
В бой за народное спасенье.
Пусть их казнит лакейский суд,
Пусть их измучат палачами,
Пусть ждет их смерть, – они несут
В народ свое святое знамя,
То знамя общего труда,
То знамя братства и науки,
И не опустят никогда
Его израненные руки.
В победу веруют они,
В победу правды и свободы;
Придут, придут святыя дни,
Восстанут спящие народы,
Пройдет безумие веков,
Придут их вечные страданья,
И кровью нынешних борцов
Скрепится будущее зданье.
Тогда, в день светлый торжества,
Людей счастливых поколенья
Сочтут дела, прочтут слова
Борцов за их освобожденье,
Припомнят в прошлом ряд имен
Тех, что за истину страдали,
И грозный "колокола" звон
Запишут в вечные скрижали.
Петр Лаврович Лавров (1823 – 1900) – поэт-публицист, идеолог революционного народничества. В эмиграции, уже после смерти Герцена, Огарёв близко знал Лаврова.

28

Да здравствует родина! (франц.)

29

Чинить зонтики! (англ.)

30

Зимний путь (стр. 145). Поэма посвящена другу Огарёва, литературному критику и мемуаристу Павлу Васильевичу Анненкову (1812 или 1813 – 1887). Была напечатана с цензурными урезками в журнале "Русский вестник" за 1856 год (февраль, книга I). В поэме описан путь по Инсарскому уезду Пензенской губернии – из села Яхонтова, где жил декабрист Алексей Алексеевич Тучков (1799 – 1878), в Инсар. В главе четвертой говорится о соседе А. А. Тучкова Григории Александровиче Римском-Корсакове (? – 1852), тоже декабристе.

31

Норма – героиня одноименной оперы Беллини.

32

Фридрих-Вильгельм Шеллинг (1775 – 1854) – немецкий философ.

33

Душа-мира – термин натурфилософии Шеллинга.

34

Жозеф де Местр (1754 – 1821) французский писатель и государственный деятель.

35

Юмор (стр. 167). Первая и вторая части поэмы были напечатаны в 1857 году отдельной книгой в Лондоне фирмой Трюбнер и Компания; третья часть – в альманахе "Полярная звезда на 1869 год" (Женева). В нашем издании опущен ряд набросков, сделанных Огарёвым после 1867 года – попытки продолжить поэму ему не удалось.

36

Министром Вронченко – Федор Павлович Вронченко (1780 – 1852) в 1840 году временно замещал министра финансов Егора Францевича Канкрин (1774 – 1845).

37

В Москве всё проза Шевырева – имеется в виду нашумевшая статья Степана Петровича Шевырева (1806 – 1864), поэта и критика, напечатанная в журнале "Москвитянин" (1841, № 1), "Взгляд русского на современное состояние Европы".

38

Дают Парашу Полевого – драма "Параша-Сибирячка", написанная журналистом и литератором Николаем Алексеевичем Полевым (1796 – 1846).

39

Есть поэт, хоть он и офицер армейской – Михаил Юрьевич Лермонтов (1814 – 1841).

40

О нем писал и Виссарьон – Виссарион Григорьевич Белинский (1811 – 1848) писал в 1840-е годы статьи о Лермонтове, печатавшиеся по большей части в "Отечественных записках".

41

Пусть пишет Нестор, пишет Греч – Нестор Васильевич Кукольник (1809 – 1868) – поэт, драматург, беллетрист; Николай Иванович Греч (1787 – 1867) – литератор, журналист, мемуарист.

42

Швалье да Яр – фешенебельные московские рестораны.

43

Монтекукулли иль Мальбруг – Раймонд Монтекукулли (1609 – 1689) – полководец, прославившийся в Тридцатилетней войне, военный писатель; Джон Мальборо Мальбруг (1650 – 1722) – английский полководец; в России был широко распространен перевод песенки о. нем "Мальбруг в поход собрался".

44

А жалок мне удел Китая – речь идет об англо-китайской войне 1840 – 1842 годов, кончившейся поражением Китая.

45

Лев Михайлович Цынский – московский обер-полицеймейстер в 1834 – 1845 годах; в 1834 году именно он арестовывал Герцена и Огарёва.

46

довольно

47

Великий прах из заточенья – о перенесении праха Наполеона в 1840 году с острова

Стихотворения и поэмы. Николай Платонович Огарев ogarevn.ru
Св. Елены в Париж.

48

Алексей Степанович Хомяков (1804 – 1860) – поэт, один из виднейших славянофилов.

49

Сенковский всё не любит Сея – Осип Иванович Сенковский (1800 – 1858) – писатель, журналист; Жан-Батист Сей (1767 – 1832) – французский экономист.

50

достаточно (лат.)

51

Б[артенев], Szafi, Jean Sbogar – Юрий Никитич Бартенев (1792 1866) – оригинальная личность, тип аристократического шута; Жан Сбогар герой одноименного романа французского писателя Шарля Нодье (1780 – 1844); кого Огарёв имеет в виду под именем Цафи – неизвестно.

52

хотя, по правде говоря, над ним смеются (франц.).

53

Убри – Сергей Павлович Убри (годы жизни неизвестны), знакомый Огарёва и Герцена.

54

Служить мы можем до седин, Начав с четырнадцата класса – чины в России по табели о рангах делились на 14 разрядов, самый низший чин – коллежского регистратора – относился к 14-му классу.

55

Чистое божество (итал.) – оперная ария.

56

"Пантеон" – театральный журнал, выпускавшийся в Петербурге.

57

Джудитта Паста (1798 – 1869) – итальянская оперная певица, в 1840 году гастролировавшая в России.

58

Винченцо Беллини (1801 – 1835) – итальянский композитор.

59

Шарль фурье (1772 – 1837), Клод-Анри Сен-Симон (1760 – 1825) – французские философы.

60

Я всюду чужестранец (нем.)

61

Гегель (1770 1831) – немецкий философ, оказавший огромное влияние на мировоззрение Огарёва.

Стихотворения и поэмы. Николай Платонович Огарев ogarevn.ru

62

Давид Штраус (1808 – 1874) – немецкий историк, автор книги "Жизнь Христа".

63

От Карла и до Валленштейна – Карл Великий (742 – 814) – король франков, основатель Римской империи; Альберт Валленштейн (1583 – 1634) немецкий полководец.

64

Как Магомет, султана враг – здесь Магомет Мухаммед-Али (1769 – 1849), наместник турецкого султана в Египте, пытавшийся отделить Египет от Турции.

65

Чтоб мне Коко какой-нибудь – Коко предположительно Константин Яковлевич Булгаков (1782 – 1835) петербургский почт-директор, перлюстрировавший письма не только по указанию свыше, но и из собственного любопытства.

66

Цицерон, который метит в Катилину – римский оратор Цицерон (106 – 43. до н. э.) обличал в своих речах государственного деятеля, республиканца Катилину (108 – 62 до н. э.), стремившегося к власти.

67

Фаддей Венедиктович Булгарин (1789 – 1859) литератор, журналист.

68

Элькан и фабер – шпионы III Отделения.

69

Меттерних (1773 – 1859) – австрийский дипломат.

70

мадам Аллан (франц.)

71

Быстро, торжественно (итал.) – музыкальный термин

72

Происхождением я татарин – родоначальником Огарёвых считался выходец из Золотой Орды татарин Кутлу-Мамед, по прозвищу Огарь.

73

И Теклу Шиллера – Текла – героиня трагедии Шиллера "Смерть Валленштейна", дочь Валленштейна.

74

Из края в край (нем.) – цитата из стихотворения Г. Гейне.

75

Лазёнки – королевский дворец в предместье Варшавы.

76

Теперь живет враждебно в нем Вождь подозрительный, лукавый – речь идет о наместнике русского императора в Польше Иване Федоровиче Паскевиче-Эриванском

Стихотворения и поэмы. Николай Платонович Огарев ogarevn.ru
(1782 – 1856).

77
Прощай! (итал.)

78
Многоболтливый Аввакум – деятель русского раскола и писатель Аввакум (1620 или 1621 – 1682).

79
Юный царь – Александр II.

80
Фон Комиссарова с Треповым – Осип Иванович Комиссаров (1838 – 1892) – крестьянин, провозглашенный спасителем Александра I при покушении Каракозова в 1868 году. Федор Федорович Трепов (1812 – 1882) петербургский градоначальник.

81
В туманных тостах – имеются в виду стихи, произнесенные Н. А. Некрасовым на обеде в московском Английском клубе перед М. М. Муравьевым ("Вешателем") – компромисс, на который пошел поэт, чтобы отвратить от "Современника" угрозу закрытия

82 Весь "царства темного" недуг – слова в кавычках – из статьи Добролюбова "Луч света в темном царстве".

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ogarevn.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!